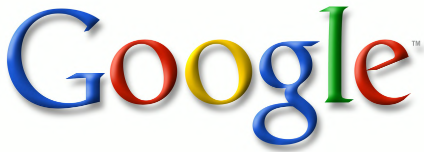
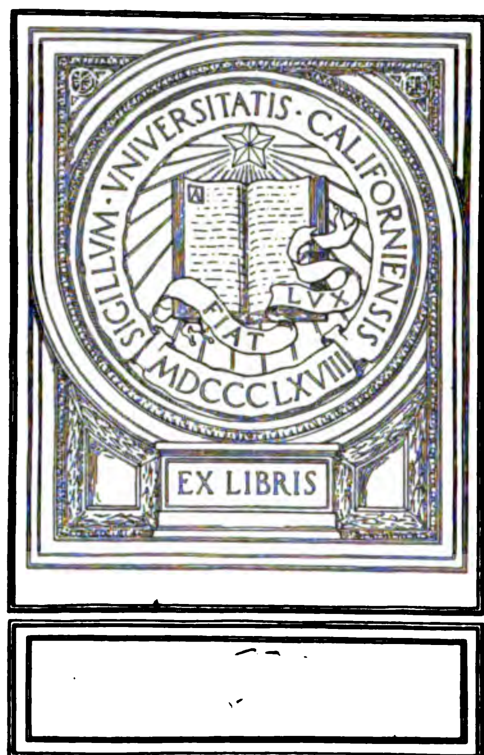

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

О

ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ.

:19

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

о

ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ

въ засѣданіяхъ

II-го отдѣленія императорской академіи наукъ

1852 и 1853 гг.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи императорской академіи наукъ.

1854.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
28-го Декабря 1853 года.

Непремѣнный Секретарь *П. Фусъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

О ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

И. И. Срезневскаго.

Нельзя отрицать необходимость сознательнаго разумѣнія писателей и ихъ твореній каждаго отдѣльно и словесности вообще, какъ искуства выражать и оживлять словомъ силы духа. Нельзя отрицать ее такъ же, какъ нельзя отрицать необходимость вниманія къ успѣхамъ образованности. Чѣмъ кто образованнѣе, тѣмъ тотъ болѣе сочувствуетъ этому дѣлу, и тѣмъ болѣе принимаетъ въ немъ свое непосредственное участіе. Сочувствіе къ словесности, участіе въ ней, завися въ каждомъ человѣкѣ отъ его личной образованности, обусловленной всегда и вездѣ требованіями общей образованности того времени и мѣста, которому онъ принадлежитъ, всегда и вездѣ цѣнится тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе современно. Становясь въ рядъ участниковъ въ дѣлѣ словесности, оживляясь сочувствіемъ къ нему,

каждый невольно подчиняется силѣ своего времени, и тѣмъ болѣе выражаетъ свою личную силу, чѣмъ лучше понялъ и лучше исполняетъ требованія образованности своего времени, чѣмъ современнѣе въ своихъ взглядахъ и дѣятельности. Подчиняясь требованіямъ современности, каждый изъ участниковъ въ дѣлахъ литературныхъ, глядитъ и на прошедшее, какъ на часть современнаго; видитъ и помнитъ изъ него только то, что годится для его времени; не дорожитъ тѣмъ, чѣмъ не можетъ или не хочетъ дорожить его время, — и въ этомъ избранномъ кругу писателей и ихъ твореній ищетъ оправданія своей теоріи и критикѣ. Иначе и быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе не этимъ однимъ долженъ ограничивать кругозоръ своихъ наблюденій тотъ, кто желаетъ проникнуть въ связь судебъ образованности того или другаго народа, кто на памятники его словесности глядитъ какъ на выраженіе силъ его духа въ словѣ. Конечно, и наблюдатель невольно подчиняется взглядамъ своего времени; но ни одинъ вѣкъ и ни одинъ народъ не поставитъ ему это въ исключительную обязанность, не потребуетъ, чтобы онъ навязывалъ понятій своихъ другимъ вѣкамъ и народамъ, и не похвалитъ равнодушія къ тѣмъ памятникамъ, которые, сколько ни кажутся странны или и дурны, были однако высоко цѣнимы въ свое время и въ своемъ краѣ, и отразили на себѣ образованность этого времени и края. Чѣмъ разностороннѣе образованность, тѣмъ она безпристрастнѣе въ дѣлѣ наблюдательности; а чѣмъ безпристрастнѣе, тѣмъ взыскательнѣе къ тому, чтобы наблюдатель судебъ словесности оцѣнялъ все судомъ того времени, которое наблюдаетъ, а не своимъ собственнымъ; чтобы изображалъ памятники словесности какъ драматикъ характеры, отстраняя отъ каждаго изъ нихъ одинаково свою личность, какъ совершенно имъ чуждую, возсоздавая ихъ въ ихъ

жизни, а не призракомъ; чтобы обращалъ на нихъ большее или меньшее вниманіе не по прихотямъ своего вкуса, а по ихъ внутренней цѣнности, по цѣнности ихъ какъ памятниковъ своего времени и края. Только на этомъ условіи возможна исторія словесности; только на этомъ условіи она можетъ съ достоинствомъ занять свое мѣсто въ исторіи образованности, и своими изслѣдованіями быть полезною не для быстропереходящихъ сроковъ современности, а упрочивая все болѣе свои основанія, какъ всякая другая отрасль человѣческихъ знаній.

Необходимы слѣдовательно въ словесности два взгляда— эстетическій и историческій — какъ взгляды совершенно различные, противоположные по цѣли и направленію въ такой же мѣрѣ, какъ противоположны взгляды участника и наблюдателя. Одинъ справедливо пристрастенъ къ убѣжденіямъ образованности своего времени и отыскиваетъ доказательства въ ихъ пользу съ личнымъ увлеченіемъ къ нимъ, какъ къ своимъ собственнымъ; другой столь же справедливо безпристрастенъ къ убѣжденіямъ всѣхъ временъ, и отыскиваетъ доказательства въ пользу всѣхъ, не увлекаясь ни одними. Въ изслѣдованіяхъ, сопряженныхъ съ тѣмъ и съ другимъ взглядомъ, есть свои мелочныя работы, безъ которыхъ не возможны ни какіе труды ни въ наукѣ, ни въ искуствѣ; но и въ этихъ мелочныхъ работахъ отражается противоположность двухъ взглядовъ столь же рѣзко, какъ и въ главномъ ихъ направленіи: характеръ однихъ достиженіе стройности мысли и чувства; характеръ другихъ достиженіе вѣрности образовъ.

И для насъ, въ настоящемъ состояніи литературы нашей, изслѣдованія историческія важны не менѣе эстетическихъ. Замѣтимъ при этомъ, что для изслѣдованій эстетическихъ служатъ намъ помощію и труды западныхъ Европейцевъ; для исто-

рическихъ изслѣдованій о нашей словесности мы предоставлены самимъ себѣ, своею собственной дѣятельностью должны разработывать рудники, едва початые, собирать и даже отыскивать матеріалы, не говоря уже о дальнѣйшей ихъ обдѣлкѣ. Изслѣдованія историческія о нашей словесности необходимы для насъ и какъ пособіе для отчетливаго разумѣнія тѣхъ изъ писателей нашихъ, которые содѣйствовали къ образованію нашего современнаго вкуса, нашихъ нынѣшнихъ литературныхъ убѣжденій. И въ то время, какъ важность этихъ изслѣдованій оправдывается все бо́льшимъ вниманіемъ къ нимъ въ образованныхъ кругахъ нашего общества, Академія не можетъ не поставить долгомъ своимъ содѣйствовать успѣшному ходу этого дѣла трудами своими и своихъ сотрудниковъ, какъ уже указано было предсѣдательствующимъ, въ его Начертаніи занятій 2-го Отдѣленія Академіи. Отъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ членовъ мы ожидаемъ продолженія труда этого рода, столь же обширнаго по объему, сколько и важнаго по цѣли: я говорю объ Исторіи Русской словесности Академика С. П. Шевырева; нѣсколько другихъ меньшаго объема уже доставлены въ Отдѣленіе, или ожидаются; а сочувствіе писателей къ нашимъ трудамъ даетъ намъ право надѣяться, что они примутъ участіе и въ этой отрасли нашей дѣятельности—въ той же мѣрѣ, какъ оно выказалось въ другихъ. Съ этой надеждой, при собственномъ усердіи къ своему долгу, мы можемъ начать наши Историческія Чтенія о языкѣ и словесности не безъ увѣренности, что онѣ принесутъ пользу отечественной наукѣ.

Я позволилъ себѣ выразиться, Чтенія о *языкѣ и словесности*. Языкъ и словесность такъ тѣсно связаны между собою въ жизни, что и въ наукѣ ихъ отдѣлять не возможно. Степень и форма развитія словесности и ея вліяніе на народъ всегда

зависитъ отъ степени и формы развитія ея органа, языка. Притомъ же памятники языка, хотя бы и не принадлежали къ произведеніямъ словесности, выражая образованность народа, не рѣдко обогащаютъ исторію словесности фактами драгоцѣнными, незамѣнимыми.—Я позволилъ себѣ сказать, что наши Историческія Чтенія будутъ касаться *словесности*, предполагая, что не одна письменная литература должна быть важна для историка, а вся словесность — и письменная, и устная. Развитіемъ этой устной словесности, словесности преданія, начинается духовная образованность каждаго народа; даже и позже, когда разовьется литература, достоинство писателей оцѣняется тою же памятью народа, тѣмъ же дословнымъ устнымъ повтореніемъ ихъ сказаній хотя въ отрывкахъ, такъ что и нѣкоторой части литературы приходится иногда переживать свое время только въ преданіи, безъ пособія письменъ, и уже позже входить въ сокровищницу письменности. Преданіе хранитъ достояніе ума и чувства не такъ вѣрно какъ письмена; искажаетъ, или по крайней мѣрѣ измѣняетъ его, не всегда одинаково дорожа вѣрностью подробностей мысли и выраженія, и многое утрачиваетъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что преданіе можно совершенно отвергать: не только въ словесности, но и въ наукахъ опытныхъ оно иногда незамѣнимо.

Еще можно замѣтить, что историкъ не можетъ позволить себѣ относить къ словесности только тѣ роды произведеній, которые относятся къ ней въ его время, оставляя безъ вниманія все другое. Каждый вѣкъ и каждый народъ, чѣмъ болѣе отличается отъ другихъ народовъ и вѣковъ по требованіямъ образованности, тѣмъ болѣе отличается и взглядомъ на кругъ словесности. Различіе взглядовъ явственно даже и въ одно время въ разныхъ классахъ общества—особенно взглядовъ

на кругъ словесности письменной, литературы. Направленія философское и историческое, ученое и беллетрическое, прозаическое и стихотворное, преобладаютъ въ литературѣ попеременно если не во всѣхъ классахъ общества, то по крайней мѣрѣ въ кругахъ болѣе образованныхъ и у писателей,—такъ что ни одинъ вѣкъ не можетъ быть правдивымъ судьею всѣхъ отвѣтовъ на вопросъ: что входитъ въ кругъ словесности, и что должно оставаться внѣ его?

«Исторія Славяно-Русской словесности — какъ сказалъ И. И. Давыдовъ въ Начертаніи—еще ожидаетъ своихъ дѣлателей»: будемъ надѣяться, что эти дѣлатели будутъ дѣйствовать за одно съ нами, достигая той же высокой цѣли — раскрытія минувшихъ судебъ нашей народной образованности.

Участіе многихъ въ нашихъ трудахъ предполагаетъ и здѣсь какъ во всемъ другомъ разнообразіе изслѣдованій, разнообразіе знаній и мнѣній: не вредя достоинству Чтеній, оно можетъ только помочь къ открытію истины, и не допуститъ сжаться въ тѣсныя рамки взгляда заранѣе опредѣленнаго и слѣдовательно мѣшающаго свободному ходу изысканій.

II.

О ДОГОВОРАХЪ КНЯЗЯ ОЛЕГА СЪ ГРЕКАМИ.

1. *Записка И. И. Срезневскаго.*

Записка нашего дѣятельнаго и даровитаго археолога, И. Д. Бѣляева, о договорѣ Олега съ Греками 911 года, содержаніе которой я буду имѣть удовольствіе сообщить Отдѣленію, даетъ мнѣ поводъ представить на судъ Отдѣленія и нѣсколько моихъ собственныхъ замѣчаній о договорѣ предшествовавшемъ, о договорной грамотѣ 907 года, какъ о древнѣйшемъ изъ памятниковъ Русскаго языка, доселѣ открытыхъ.

«Послѣ трудовъ Карамзина, Круга, Эверса и Погодина— говоритъ Бѣляевъ — сомнѣнія о неподложности договоровъ Олега и Игоря съ Греками, уже не возможны для самыхъ придирчивыхъ скептиковъ; но тѣмъ не менѣе сіи договоры представляютъ еще много вопросовъ, которые должна рѣшить наука, и которые тѣмъ важнѣе, чѣмъ неопровержимѣе неподложность договоровъ».

Одинъ изъ нихъ, скорѣе другихъ бросающійся въ глаза есть: сколько договорныхъ грамотъ Русскихъ князей съ Греками уцѣлѣло до нашего времени? Обыкновенно отвѣчаютъ: три. Одна занесена въ лѣтопись подъ 6420 (911) годомъ —

Договоръ Олеговъ; другая подъ 6453 (945) — Договоръ Игоревъ; третья подъ 6479 (971)—Договоръ Святославовъ. Но еще до 911 года, въ 907 г. договаривались Русскіе бояре отъ имени князя Олега съ Греками. «Олегъ же мало отступивъ отъ города, начя миръ творити съ царема Грецькыма, съ Леономъ и съ Александромъ, посла къ нима въ городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава, Стемида, глаголя: «Имите ся ми по дань». И рькоша Грьци: «Чего хочете и дамы ти». И заповѣда Олегъ дати воимъ на 2000 кораблій по двѣнадьсять гривьнѣ на ключь и потомъ даяти ꙋклады на Русьскыя городы—прьвоя на Кыевъ, таже и на Черниговъ и на Переяславль, и на Полътьскъ и на Ростовъ и на Любечь и на прочяя городы, по тѣмъ бо городомъ сѣдяхꙋ князья (княжья) подъ Ольгомъ суще». Въ слѣдъ за этимъ сказаніемъ лѣтописецъ приводитъ договорныя статьи — однѣ отъ имени Руси, другія отъ Грековъ: «Да приходять Русь» и пр. Передаетъ-ли здѣсь лѣтописецъ содержаніе переговоровъ своими словами, на сколько могъ его узнать по преданію устному или записанному, или же сообщаетъ статьи сей грамоты дословно? Должно ли или не должно считать ихъ памятникомъ Русскаго языка и быта времени Олегова, хотя нѣсколько и пострадавшимъ отъ позднѣйшихъ переписчиковъ, древнѣйшимъ памятникомъ Русскаго языка изъ всѣхъ доселѣ уцѣлѣвшихъ? Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, рѣшается безъ затрудненія тѣмъ, что статьи этого договора Олегова 907 года повторяются почти дословно въ договорной грамотѣ Игоря 945 года. Для ясности представляю сравнительное чтеніе этихъ статей.

Да приходѧть Русь, съльбьнок (= хлѣбьное, слюбьное) кмлють (= берꙋть), клико хотѧть (= хотѧче), и (= а) иже придꙋть (= приходѧче) гостье (= гости), да кмлють (= бе-

р8ть) мѣсячин8 на 6 мѣсяць, и хлѣбъ, и вино, и маса, и рыбы, и овощьмь; и да творять мовь клико хотять.

Вв Договорѣ 945 *года:* а) А великыи князь Русьскыи и боляре кго да посылають въ Грькы къ великымъ царемъ Грьчьскымъ корабли клико хотять со сълы и съ гостьми, *яко же имъ 8ставлкно кстъ.* Ношах8 съли печати злати, а гостьк сребрьни; нынѣ же 8вѣдѣлъ князь вашь (нашь) посылати грамот8 и пр.

И поид8ть (поид8чи) же Русь домови (=зася), да кмлють у царя вашего на п8ть брашьно и якоря и 8жя и прѣ (=пар8сы) и клико надобѣ.

Вв Договорѣ 945 *года:* в) И отходящеи Русь отъсюда възимають отъ насъ кже надобѣ брашьно и кже надобѣ лодьямъ, *якоже 8ставлкно кстъ* преже (=прьвок), и да възвращаютьсѧ съ съпасеникмь въ стран8 свою, да не имѣють власти зимовати у св. Мамы.

И яшася Грьци и рькоша царя и болярство вьсе:

Аще приид8ть Русь безъ к8пли, да не възимають мѣсячины. Да запретить князь съловомъ (=людемъ) своимъ приходящимъ Р8си сьдѣ, да не творять пакости въ селѣхъ (и) въ странѣ нашеи.

Приходящеи (=приходяще) Русь да витають у св. Мамы, и посълеть царство наше, да испишють имена ихъ, и тогда възьм8ть мѣсячьнок своk — прьвок отъ города Кыква, и пакы изъ Чрьнигова, и Переяславля, и прочии городъ. И да въходять въ городъ одиньми воротъі съ царевымъ мужемь, безъ ор8жья м8жь 50, и да творять к8плю, якоже имъ надобѣ, не платяче мыта ни въ чемъ же.

Вв Договорѣ 945 *года:* б) Аще прид8ть Русь безъ к8пли да не възимають мѣсячина. Да запретить князь съловомъ (=съломъ) своимъ, приходящимъ Руси сьдѣ, да не творять бесчинья въ селѣхъ (=людѣхъ) ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ, да витають у с.в

Мамы; да посълеть царьство наше (= ваше), да испишеть имена ваша (= ихъ), тогда възьмѹть мѣсачьнок свок, съли съльбьнок, а гости мѣсачьнок — прьвок отъ города Кыкова, пакы изъ Чрьнигова и Переꙗславлꙗ (и изъ прочиихъ городовъ). Да въходать въ городъ одинѣми вороты съ царевымъ мѹжемъ, безъ орѹжьꙗ мѹжь 50, и да творꙗть кѹплю̀, ꙗкоже имъ надобѣ, пакы да исходать. И мѹ̀жь царьства нашего (= вашего) да хранитъ ꙗ; да аще кто отъ Руси или отъ Грькъ сътвори криво, да оправлꙗкть то.

Отмѣны въ выраженіяхъ, болѣе подробныя объясненія договора Игорева и иной порядокъ въ расположеніи условій служатъ доказательствомъ, что статьи, занесенныя въ лѣтопись подъ 6415 (907) годомъ, не выписки лѣтописца изъ грамоты 945 года, а отрывки изъ особенной грамоты. Статьи этого договора повторены въ послѣднемъ договорѣ Игоря по тѣмъ же причинамъ, по которымъ повторены въ немъ и статьи 911 года *). Съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя не замѣтить, что въ Олеговомъ договорѣ 911 года статей, записанныхъ подъ 907 годомъ, нѣтъ, и между тѣмъ въ грамотѣ 945 года есть ссылка на прежній договоръ: «*ꙗко же имъ ѹставлкно ксть; ꙗко же ѹставлено кстъ преже*.

Ту же отдѣльность грамоты 907 года подтверждаютъ и выраженія, поставленныя въ лѣтописи вслѣдъ за договорными статьями, и объясняющія обстоятельства подтвержденія принятыхъ условій присягой.

Не имѣя въ виду никакихъ противныхъ данныхъ, можемъ допустить и то, что лѣтописецъ занесъ въ лѣтопись всю

---

*) Опытъ сравненія статей договоровъ 911 и 945 года сдѣланъ Проф. *Тобиномъ*, въ его Die aeltesten Tractate Russland. Dorpat. 1844. стр. 17 и слѣд.

грамоту, за исключеніемъ развѣ начала и окончанія, и лишивши его только первоначальной формы. Въ серединѣ онъ нарушилъ ея цѣлость, сколько можно догадываться, только отдѣленіемъ Русскихъ статей отъ Греческихъ посредствомъ вставки выраженія: «И яша са Грьци и рькоша цары и болрьство вьсе.

Какова же была первоначальная форма этой грамоты, можемъ судить по формѣ остальныхъ трехъ договорныхъ грамотъ Русскихъ князей съ Греками. Грамоты 911 года и 945 года обыкновенно начинаютъ словами: Мы отъ рода Руськаго. Мнѣ кажется, это несправедливо. Грамота Святослава начинается словами: Равьно дрꙋгаго съвѣщаньıа бывьшаго при Святославѣ велицѣмь князи Русьтѣмь и при Свѣнальдѣ, писано при Ѳеофелѣ синкелѣ и къ Иванꙋ нарицкмому Цѣмьскию, въ Дерестрѣ, мѣсаца Іюлıа, индикта въ 14-е, въ лѣто 6479. Азъ Святославъ князь Руськыи, и пр. Почему же въ другихъ грамотахъ не отмѣчено такое же начало? Потому ли что его нѣтъ, или только потому, что его не замѣтили? Очевидно, кажется, послѣднее. Подъ 911 годомъ въ лѣтописи читаемъ: Посла Ольгъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Грькы и Русью, и посла глаголя: *Равьно дрꙋгаго свѣщаниıа, бывьшаго при* (тѣхъ же) *царихъ Льва и Александра.* Мы отъ рода Руськаго и пр. Подъ 945 годомъ читаемъ: «Посла Игорь мужѣ своıа къ Романꙋ. Романъ же созъва бояре и сановьникы. Приведоша Руськыıа сълы и велѣша глаголати, пьсати обоихъ рѣчи на харатьѣ: *Равьно дрꙋгаго свѣщаньıа бывьшаго при цари Романѣ и Костантинѣ и Стефанѣ христолюбивыхъ владыкъ.* Мы отъ рода Руськаго, и пр. Всѣ три грамоты, сохранившіяся вполнѣ, начинаются одинаково, словами: *Равьно дрꙋгаго свѣщаньıа, бывьшаго при цари* (или *при царихъ = царѣхъ*), за которыми слѣдуютъ

имена Русскихъ, принимавшихъ участіе въ совѣщаніи. Въ договорѣ Олеговомъ 911 года стоятъ имена пословъ княжескихъ; въ договорѣ Игоревомъ 945 года — имена пословъ и гостей; въ Святославовомъ — имя самаго князя и его ближняго воеводы Свѣнальда. Можно заключить, что и грамота 907 года начиналась выраженіемъ: «Равьно дрꙋгаго съвѣщанья бывъшаго при царихъ Львѣ и Александрѣ. Мы отъ рода Руськаго и пр. *Равьно*: прилагат. сред. рода: τὸ ἴσον, paricula charta, copia, противень. Вѣроятно, и эта грамота была только спискомъ съ Греческаго подлинника.

Конецъ каждой изъ договорныхъ грамотъ сохранившихся вполнѣ, одинаково состоитъ въ обозначеніи обстоятельствъ подтвержденія условій присяги. Въ грамотѣ 911 года: На ꙋтврьжение же и неподвижение быти межи вами Христьяны и Русью бывшии миръ сътворихомъ Ивановомъ написаниемъ на двою харътию (=харатию)... *) царя вашего своею рꙋкой, предлежащимъ чьстьнымъ крьстомъ и сватою єдиносꙋщьною Троицею єдинаго истиньнаго Бога нашего, извѣстии дасть нашимъ съловомъ (=посъломъ). Мы же кляхомъся къ царю вашему, иже отъ Бога сꙋще яко Божие зъдание (=съзьдание), по законꙋ и по поконꙋ языка нашего неперестꙋпати ни намъ ни иномꙋ отъ страны нашея отъ ꙋставленыхъ главъ мира и любьве. И таково написание дахомъ царьства вашего на ꙋтврьжение обоимꙋ пребывати таковомꙋ съвѣщанию на ꙋтврьжение и извѣщение межи нами **) бывающаго мира. Мѣсяця Себтябр въ 2, а въ недѣлю 15, въ лѣто съзьданиꙗ миру 6420». Въ этомъ подтвержденіи договорныхъ статей присягой не

*) Здѣсь какъ будто есть пропускъ.

**) Въ Ипатьев. спискѣ стоитъ не *нами*, а *вами*, конечно по ошибкѣ: ни одна сторона не могла тутъ сказать: *вами*.

трудно отличить двѣ части: первая — Греческая *) а вторая Русская. (Мы же клахомъ сѧ къ царю вашему и пр.). Тоже и въ грамотѣ 945 года. Греческая часть начинается словами: «Мы же съвѣщаньемъ все написахомъ (= положихомъ) на двою харътию, и пр. Русская часть окончанія — единственная статья Русская во всемъ договорѣ, за исключеніемъ вступленія (до словъ: и иже помыслить отъ страны Рѹськыѩ разрѹшити такѹ любовь) — гораздо подробнѣе: «Мы же елико насъ крьстилисѧ есьмы, клахомъсѧ црьковью св. Ильи, въ съборьнѣи црькъви, и предлежащимь чьстьнымь крьстомь и харътиею сею хранити вьсе еже есть написано на неи, не престѹпити отъ него (= того) ничьтоже. А иже престѹпить се отъ страны нашеѩ, ли князь ли онъ кто, ли крьщенъ или некрьщенъ, да не имать помощи отъ Бога и да бѹдеть рабъ въ вьсь (= въ сии) вѣкъ (и) въ бѹдущии, и да заколенъ бѹдеть своимъ орѹжьемь. А некрьщении Русь полагають щиты своѩ и мечи своѩ нагы, обрѹчи своѩ и прочаꙗ орѹжьꙗ, да кльнѹтьсѧ о всемь, ꙗже сѹть написана на харътии сей — хранити отъ Игорꙗ и отъ всѣхъ болꙗръ и отъ всѣхъ людии отъ страны Руськыѩ въ прочаꙗ лѣта и вынѹ (= всегда). Аще ли же къто оть кнѧзь или оть людии Руськыхъ, ли христьꙗнъ (= крьщенъ) или не христьꙗнъ (= некрьщенъ), престѹпить се, еже есть писано на харътии сеи, бѹдеть достоинъ своимъ орѹжьемь ѹмрети, и да бѹдеть клѧтъ отъ Бога и отъ Перѹна, ꙗко престѹпи свою клятвѹ. Да аще (= обаче) бѹдеть добрѣ, Игорь великыи кнѧзь да хранить си любъвь правѹю, да не разрѹшитьсѧ доньдеже сльньце сиꙗеть и весь миръ стоить, въ нынѣшьнаѩ вѣкы и въ бѹдѹщаѩ». Договоръ Святослава заключается также

*) Съ пропускомъ, кажется, какъ уже было замѣчено.

присягой: Ꙗкоже клахъсѧ къ царемъ Грьчьскымъ и со мною болꙗре и Русь вьсꙗ, да съхранимъ правꙑ съвѣщанꙑ. — Такое же окончаніе имѣла и грамота 907 года, и оно занесено въ лѣтопись:

Царь же Леонъ съ Олександромъ миръ сътвориста съ Ольгомъ, имъшесѧ по дань и ротѣ заходивъше межи собою̀, цѣловавъше сами крьстъ; и Ольга водиша и мꙋжи его на ротꙋ. По Русьскому законꙋ клашасѧ орꙋжьемь своимь и Перуномь богомь своимь и Волосомь скотьимь богомь и ꙋтвьрдиша миръ.

Можетъ быть, въ этомъ заключеніи грамоты 907 года лѣтописецъ что нибудь и измѣнилъ противъ подлинника, приноровивши къ расказу; можетъ быть впрочемъ, что и ничего не измѣнилъ. Во всякомъ случаѣ, мы не лишены возможности представить себѣ довольно полный образъ этого древнѣйшаго изъ дипломатическихъ памятниковъ Русскихъ, и тѣмъ болѣе — не смѣшивать его съ расказомъ лѣтописца, отмѣчая его какъ одинъ изъ двухъ актовъ, оставшихся отъ времени Олега.

—

Обращаюсь теперь къ изслѣдованію И. Д. Бѣляева о Договорѣ 911 года и — исполняя порученіе Ваше, Мм. Гг., представляю извлеченіе изъ него, сколько можно держась его собственныхъ словъ и выраженій, и стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ не пропустить ни одной счастливой мысли нашего трудолюбиваго археолога.

2. *Извлеченіе изъ Записки И. Д. Бѣляева.*

Изслѣдованіе это заключаетъ въ себѣ: a) общія замѣчанія о языкѣ договора 911 года, b) чтеніе и переводъ договора, съ частными замѣчаніями о выраженіяхъ договора, и c) заключительныя разсужденія о договорѣ какъ памятникѣ Русскаго быта X вѣка.

Нашъ лѣтописецъ оказалъ величайшую услугу для исторіи, сохранивъ Олеговъ договоръ въ подлинникѣ; мы теперь можемъ судить о степени развитія Приднѣпровской Руси въ Олегово время, объ устройствѣ тогдашняго Русскаго общества: языкъ Олегова договора служитъ для насъ вѣрнѣйшимъ руководствомъ въ этомъ дѣлѣ.

Точно ли писанъ договоръ Славянскимъ жителемъ Приднѣпровья, т. е. тогдашнимъ Руссомъ,—или же Болгариномъ, которыхъ не рѣдко встрѣчаемъ въ тогдашней службѣ при Византійскомъ дворѣ, — или не передѣланъ ли этотъ языкъ нашимъ лѣтописцемъ?

Подозрѣніе насчетъ передѣлки языка лѣтописцемъ здѣсь рѣшительно не возможно: языкъ лѣтописи и языкъ договора сильно разнятся другъ отъ друга. У лѣтописца вездѣ рѣчь ясная, правильная, обличающая писателя образованнаго и опытнаго; въ договорѣ же рѣчь частію темная, частію нестройная и даже неправильная, въ которой очень замѣтно, что тогдашній языкъ Руси только что въ первые укладывался въ письмена, и еще плохо подчинялся правиламъ связной и продолжительной рѣчи. При томъ же точность, которую нашъ лѣтописецъ большею частію соблюлъ въ передачѣ чуждыхъ для него Скандинавскихъ именъ Олеговыхъ посланниковъ, упоминаемыхъ въ договорѣ, отстраняетъ даже самый поводъ къ подозрѣнію, что онъ не позаботился сохранить въ точности родной, и уже конечно любопытный для него, старый языкъ договора.

Гораздо важнѣе предположеніе о составленіи или переводѣ (съ Греческаго) договора Болгариномъ. За него стоятъ: во первыхъ, извѣстія Греческихъ лѣтописцевъ, что Болгары служивали при Византійскомъ дворѣ, слѣдовательно Византійское

правительство скорѣе всего могло поручить переводъ договора на Славянскій языкъ своему чиновнику изъ Болгаръ; во вторыхъ, при современникѣ Олеговомъ, Болгарскомъ царѣ Симеонѣ книголюбцѣ много уже книгъ переводилось Болгарами съ Греческаго языка на Славянскій, слѣдовательно Болгары въ это время были лучшими и обычными переводчиками и писателями на Славянскомъ языкѣ, каковыми тогда вовсе не были Славяне Приднѣпровскіе; и въ третьихъ наконецъ, позднѣйшіе изслѣдователи, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, находятъ въ языкѣ Олегова договора чистые болгаризмы, и прямо приписываютъ Болгарину переводъ договора съ Греческаго языка на Славянскій. Всѣ эти доказательства, въ пользу перевода договора Болгариномъ, съ перваго взгляда довольно сильны; но тѣмъ не менѣе предположеніе о Болгарскомъ переводчикѣ или составителѣ договора, при внимательномъ изслѣдованіи дѣла, не можетъ быть принято не только за истинное, но даже и за правдоподобное. Во первыхъ, ежели Греки охотнѣе могли поручить переводъ или составленіе договора Болгарину, состоящему въ ихъ службѣ, то, конечно, Русскіе въ этомъ дѣлѣ менѣе могли довѣрять Греческому чиновнику, и скорѣе должны были поручить такое дѣло своимъ. Притомъ по прямому свидѣтельству нашего лѣтописца, самая мысль написать договоръ принадлежитъ не Грекамъ, а Олегу. Въ лѣтописи сказано: «посла Олегъ мужи свои построити мира, и положити ряды межи Греки и Русью». Слѣдовательно Русскіе здѣсь были главными хозяевами дѣла. Вопросъ о томъ — могли ли Русскіе переводить съ Греческаго, знали ли они по Гречески?—кажется, разрѣшается самъ собою и самимъ договоромъ Олега. По свидѣтельству договора, Русскіе часто ѣздили въ Константинополь, дѣятельно торговали съ Греками, даже иные находились въ

службѣ у Константинопольскихъ императоровъ; слѣдовательно необходимо должны были знать Греческій языкъ, иначе имъ нельзя бы было ни торговать ни служить въ Греціи.

Во вторыхъ, ежели Болгары въ Олегово время были хорошими переводчиками и писателями на Славянскомъ языкѣ; то безъ сомнѣнія они писали по-Славянски стройно и правильно, какъ на самомъ дѣлѣ это и было, чему мы имѣемъ ясныя свидѣтельства, неподлежащія никакому спору, въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ и переводахъ Болгарскихъ писателей X вѣка, каковы: Іоаннъ Экзархъ, Константинъ и Григорій, переводчикъ или составитель сборника для Симеона Царя Болгарскаго. Договоръ же Олега написанъ языкомъ нестройнымъ, тяжелымъ и, по мѣстамъ, неправильнымъ.

Въ третьихъ наконецъ, чтобы правильно судить о составителѣ или переводчикѣ договора по самому языку, для этаго нужно сличить договоръ относительно языка съ памятниками Болгарской литературы одного времени съ договоромъ. Съ этою цѣлію я представляю здѣсь сличеніе договора съ переводомъ творенія Іоанна Дамаскина о правой вѣрѣ, который составленъ Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ *). Въ договорѣ сказано: «на удержаніе и извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межи Христіаны и Русью бывшюю любовь». Во всѣхъ спискахъ лѣтописи именно стоитъ: *бывшую любовь*, въ винительномъ падежѣ, что показываетъ еще нестройность въ языкѣ договора; тогда какъ у Іоанна Экзарха, современника Олегова, имя существительное, зависящее отъ другаго существительнаго вездѣ стоитъ въ родительномъ падежѣ, напр. «въ съблоудение души же и плъти» (листъ 137) или тамъ же: «се ми естъ не образъ плъти,

*) Рукоп. Синод. Патр. Библіотеки № 108.

нъ плъть». Притомъ слово *удержанiе* въ договорѣ кажется соотвѣтствуетъ слову *съблоуденiе* у Экзарха, по крайней мѣрѣ у Экзарха слова *удержанiя* я не нашелъ, а вездѣ вмѣсто его поставлено *съблоудение*. Или въ договорѣ сказано: «да храните такую любовь несъблазвену и непреложну всегда.» У Экзарха же вмѣсто *несъблазнену* стоитъ: *безблазнъ* блюстися самѣмъ чистомъ» (лис. 123) или «*безблазьною* вѣрою придемъ». (л. 137) или въ глаголѣ: «вѣруемъ *неблазнящеся*» (л. 137), а вмѣсто *непреложну* постоянно встрѣчается *непоступно*, напр. «небонъ свойство *непоступьно*, или: «да пребываетъ свойство *непостюпимо*» (л. 117). Или въ договорѣ: «яко же явится съгрѣшенiе о семъ»; у Экзарха вездѣ стоитъ *прегрѣшенiе*, напр. «ни даждь Гъ҃ Бъ҃ семоу *прегрешенiю* прити ни на когоже» (л. 5). Въ договорѣ: «сирѣчь, иже его будетъ по закону»: у Экзарха вмѣсто сирѣчь вездѣ стоитъ *рекъше*; напр. «*рекъше* скорьби и печали и напасти» (л. 159). Въ договорѣ сказано: «да держится *тяжи* доньдеже обрящется»: у Экзарха слово *тяжа* не встрѣчается, а вездѣ стоитъ слово *тяжба;* напр. «слогъ бо въчало *тяжьбѣ*, *а тяжьба* расходу» (л. 17). Въ договорѣ сказано: «аще будетъ *не имовитъ* тако сътворивый»: у Экзарха неимовитъ невстрѣчается, а вездѣ поставлено *малый*, *убогiй*; напр. «нъ малы, убогы и некнижьники, гонимы» (л. 119.) Въ договорѣ: «да соиметъ съ себе и ты самыя порты своя»: у Экзарха слово порты не употребляется, а вмѣсто ихъ онъ постоянно пишетъ или *одежды*, или *ризы*; напр. «то бо есть мьрътвыихъ кожинъ *одеждя*» (л. 112), или «и самѣмь тѣмь *ризамъ* исполоченамъ водою» (л. 125); а также и слова *соимати* нѣтъ у Экзарха, а вездѣ стоитъ *съвлещися*. Въ договорѣ: да проводимъ ю (лодью) сквозѣ всяко страшно мѣсто

въ безстрашно мѣсто»: у Экзарха въ подобныхъ случаяхъ вездѣ стоитъ *отишьно мѣсто,* и вмѣсто *лодьи—корабль*; напр: «а иже въ корабли суть, то надѣються сего правленіемъ въ *отишнѣмъ мѣстѣ* пристати» (л. 184). Въ договорѣ: «Аще ли ключится такоже проказа лодьи Рустей»: у Экзарха вмѣсто *ключиться* вездѣ *случися, прилучи, приключися*; напр. «Случиже ся ино что» (л. 99), или «сице же прилучи.» (л. 160), или: «иноя вещи образу приключащійся» (л. 199) Слова *проказа* въ значеніи *бѣды, нещастія, вреда,* въ какомъ оно стоитъ въ договорѣ, ни разу не употреблено у Экзарха, и встрѣчается только въ частномъ своемъ значеніи Іерга. Въ договорѣ сказано: «извѣщаемую любовь непревратну и непостыжну»: у Экзарха стоитъ: «Бг҃ъ незъданъ, неивратьнъ» (л. 11). Или въ договорѣ: «Аще ли ударить мечемъ, или біетъ кацѣмъ любо съсудомъ»; здѣсь очевидно *съсудъ* значитъ орудіе; но у Экзарха вездѣ *съсудъ* значитъ только сосудъ, и еще въ одномъ мѣстѣ употреблено въ значеніи *суда, сужденія*: «да вѣровавъше о законѣ и мьрътвыихъ въскрьсенію и боудѫщоу8 съсоудоу» (л. 186). Въ договорѣ стоитъ: «Ащели таковая лодья ли отъ буря или отъ бороненія земнаго боронима не можетъ възборонитися въ своя си мѣста»: здѣсь нѣтъ вспомогательнаго глагола *быть* при словѣ *боронима*; это чисто Русское выраженіе, по Болгарски же должно бы было сказать *боронима сущи*; такъ у Экзарха: «такожде человѣцы изрядное то добро невидимо слышаште соуще не вѣроють» (л. 182). Въ договорѣ нѣсколько разъ встрѣчается слово *рухло* въ значеніи поклажи товара; у Экзарха это слово вовсе неупотребительно. Въ договорѣ сказано: «да повиньни будутъ то створшіи преждерѣченною эпитиміею»: у Экзарха слово *повиненъ* постоянно сочиняется съ дательнымъ падежемъ,

напр. «и смьрьти осоужденѣ и тьли повиноу не презьри» (л. 112). Или въ договорѣ встрѣчаемъ слово *челядинъ* въ значеніи раба, невольника, у Экзарха челядинъ вовсе не встрѣчается, а вездѣ стоитъ *рабъ*; напр. «сънидеть къ своимъ рабомъ» (л. 116). Въ договорѣ сказано: «спотружаемся гребцемъ тоя лодья мы Русь и допроводимъ съ куплею ихъ по здорову». Слово *по здорову* у Экзарха вовсе не встрѣчается, хотя по смыслу и бывали случаи, гдѣ бы оно могло быть употреблено; а посему можно допустить, что оно у Болгаръ было неупотребительно, и принадлежитъ собственно Русскому языку; и тѣмъ болѣе должно съ симъ согласиться, что въ Русскихъ памятникахъ литературы слово сіе встрѣчается очень часто. Въ договорѣ сказано: «Аще кто умретъ не урядивъ своего имѣнья, *ци* своихъ не имать»; у Экзарха же въ подобныхъ случаяхъ вездѣ стоитъ *или, ли*, слово же *ци* вовсе не употребляется; напр. «не обрѣзаетъ ли дѣтишта въ соуботоу, аще ся лоучитъ осмаго дне, не или великое пощеніе, еже имъ заповѣдано»; или тутъ же: «что ли о Даніили рекуть, не три ли недѣля сътвори безъ яди» (л. 164).—Такимъ образомъ самый языкъ договора, сколько можно судить по сдѣланному сличенію, обличаетъ, что договоръ не можетъ быть писанъ Болгариномъ. Слѣдовательно Болгаризмы, находимые въ немъ, въ сущности своей есть ничто иное, какъ выраженія и обороты рѣчи общіе въ X вѣкѣ и для Русскаго и для Болгарскаго языка.

Далѣе г. Бѣляевъ представляетъ переводъ договорной грамоты 911 года. Мы воспользуемся имъ позже. Объясняя по статьямъ свой переводъ, онъ обращаетъ постоянно вниманіе на тѣ мѣста грамоты, которыя отличаются особенностями языка.

Въ именахъ Олеговыхъ пословъ мы во первыхъ видимъ, что лѣтописецъ нашъ передавалъ доходившіе до него памятники съ замѣчательною точностію. Во вторыхъ, эти имена свидѣтельствуютъ, что какъ Олегъ, такъ и большая часть окружавшихъ его мужей были Скандинавы. Изъ четырнадцати посольскихъ именъ, только два Карнъ и Стемидъ или Стемиръ звучатъ по Славянски, или корнями своими примыкаютъ къ Славянскому языку. Стемиръ можетъ быть сокращенное *Станимиръ*. Карнъ же имѣетъ подобное себѣ имя въ Словѣ о полку Игоревѣ—*Карна* (въ женскомъ родѣ) отъ корня *Кърнъ*—обрѣзанный, обрубленный, оттудаже *карнать* обрубать, обрывать, и *карнаухій*—съ обрубленными ушами. Всѣ же прочія имена Олеговыхъ пословъ чисто Скандинавскія, такъ что почти каждое изъ нихъ мы найдемъ въ Исландскихъ сагахъ, иныя рѣшительно безъ измѣненія, сохраненныя лѣтописцемъ съ удивительною точностію, а другія съ небольшими измѣненіями. Такъ Олегову послу *Карлы* сага Олава святаго представляетъ двойника Karli, оруженосца изъ Галогіи, вмѣстѣ съ Торероmъ и Гуннстейномъ ограбившаго храмъ Юмалы Біармійскаго [1]); *Ингельду* соотвѣтствуетъ въ сагахъ Ingialdr, упоминаемый въ сагѣ Орвародда [2]); въ параллель съ *Веремудомъ* или *Вельмудромъ* въ сагахъ встрѣчается Veremundr мудрый, дальній предокъ Сигурда Ринга [3]) и Vilmundr упоминаемый въ миѳологико-исторической поэмѣ oddrúnargrátr [4]); *Рулаву* соотвѣтствуетъ Hrolfr, нерѣдко упоминаемый въ Исландскихъ сагахъ; *Гуды* имѣетъ себѣ подобнаго въ числѣ богатырей, сопровождавшихъ Сигурда Ринга въ Бравальскомъ бою, Gudi tollus [5]); *Руальду* отвѣчаетъ также Ринговъ бо-

[1]) Antiq. Russ. T. I. стр. 333 и 453. [2]) ibid. 93. [3]) ibid. 220. [4]) ibid. 33. [5]) ibid. 80.

гатырь Hróaldr [1]); *Фрелаву* отецъ Одина Frjalafr или по другимъ чтеніямъ Freàlâf и Frelat [2]); *Руару* или *Риару* можетъ быть Hrejđarr въ сагѣ Орвародда [3]); *Актеву* можетъ быть Agdi [4]); *Труану* или *Тріану*, можетъ быть, þorri [5]) или þorrir [6]); подобныхъ *Фарлофу* и *Лидульфосту* въ Скандинавскихъ сагахъ я не нашелъ, но они звучатъ по Скандинавски, и въ *Лидульфостѣ* не скрываются ли два имени: *Лидулъ* или *Лидалъ* и *Фостъ*, двойниковъ которымъ также можно встрѣтить въ Исландскихъ сагахъ *).

Переводчикъ и на письмѣ частію не измѣняя своему изустному образу изложенія, каждое предложеніе понималъ и переводилъ отдѣльно, и ставилъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ находилъ въ Греческомъ подлинникѣ, отъ чего у него и вышли многія неправильности и нерѣдко темнота и запутанность въ изложеніи. И такъ у него составилось слѣдующее несогласное съ грамматикою выраженіе: «на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю Христіаны и Русью бывшую любовь». Неправильность выраженія: «похотѣньемъ нашихъ князь и по повелѣнью, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси» по всему вѣроятію принадлежитъ не составителю или переводчику, а позднѣйшему перепищику. Составителемъ навѣрное было написано: «похотѣньемъ нашихъ князь и по повелѣнью свѣтлаго князя нашего и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси». Наше предположеніе о пропускѣ, сдѣланномъ перепищикомъ, оправдывается параллельнымъ выраженіемъ того же договора, поставленнымъ ниже: «тако же и вы, Греци, да хра-

1) ibid. 82. 2) ibid. 46. 3) ibid. 93. 4) ibid. 217. 5) ibid. 215. 6) ibid. 334.

*) Звуки имени Фарлофа напоминаютъ о Фарульфѣ (Farulfr = Farulfs = Farulfi = Farulf). Dietrich, Runen-Sprachschatz. стр. 16—17. *Редакт.*

ните таку же любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускымъ и къ всѣмъ иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего». т. е. составитель подъ словами: «*свѣтлаго князя нашего*» разумѣлъ Олега, какъ верховнаго князя на Руси, а подъ словами: «*нашихъ князь*»—князей надъ Славянскими племенами подчиненными Олегу. Сцѣпленіе нѣсколькихъ предложеній, которыми оканчивается первое отдѣленіе договора, очевидно, есть подлинное, неискаженное произведеніе составителя или переводчика договора; оно явно обличаетъ человѣка, только что начинающаго излагать свои мысли на письмѣ. Каждое предложеніе взятое отдѣльно — правильно и ясно, но далеко нетаково соединеніе предложеній другъ съ другомъ. Вотъ три предложенія составляющія окончаніе перваго отдѣленія: 1-е: «наша свѣтлость право судихомъ и писаньемъ и клятвою твердою такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему; 2-е: «наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь бывшую межю Христіаны и Русью многажды, но точно просто словесемъ; и 3-е кленшеся оружіемъ своимъ». Каждое изъ сихъ предложеній взятое отдѣльно, какъ всякій долженъ сознаться, не имѣетъ недостатка въ правильности и опредѣленности грамматической. Темнота и сбивчивость цѣлаго ряда предложеній очевидно зависитъ отъ неправильной ихъ разстановки; именно отъ того, что составитель или переводчикъ сказуемое перваго главнаго предложенія: «*право судихомъ*» поставилъ между первымъ и вторымъ сказуемымъ прибавочнаго: «*любовь бывшую многажды, но точію просто словесемъ*», — и такимъ образомъ разорвалъ два предложенія, изъ которыхъ не слѣдовало разрывать втораго предложенія, какъ опредѣляющаго подлежащее перваго предложенія.

Изъ одиннадцати предложенiй 3-ей статьи представляется разорваннымъ только одно: *«да часть его,* сирѣчь иже его будеть по закону, *да возметъ ближнiй убiеннаго».* А посему изложенiе цѣлой статьи довольно ясно, за исключенiемъ слѣдующихъ двухъ предложенiй: «а жена убившаго да имѣетъ то лицѣмъ, же прибудетъ по закону». Но и здѣсь неясность должно приписать не древнему составителю, а позднѣйшимъ переписчикамъ, которые вмѣсто словъ: *то лицемъ* написали *толицѣмъ* и даже *тольцѣмъ,* а далѣе вмѣсто того, чтобы написать: *еже ее будетъ по закону,* переписчикъ написалъ: *же прибудетъ по закону*:

Статья 6-я яснѣе другихъ показываетъ, что договоръ первоначально былъ написанъ на Греческомъ языкѣ, и для Русскихъ уже переведенъ кѣмъ либо изъ Русскихъ. Вотъ мѣста, подающiя поводъ къ таковому мнѣнiю: «Да аще кто идетъ снабдѣти лодью съ рухломъ своимъ и отсылати паки въ землю Хрестьянску». Это чисто Греческое выраженiе чрезъ неопредѣленное наклоненiе съ членомъ: Далѣе «аще ли таковая лодья ли отъ буря, или отъ боронения земнаго боронима»: здѣсь слова *«отъ боронения земнаго* явно переводъ Греческаго выраженiя κατὰ βραχέων. Греческое βραχέα—*мель, отмель* Руссъ перевелъ посредствомъ бороненье земное, т. е. *насыпь, переборъ,* наплывъ песку надъ водою. Насыпи еще въ XII вѣкѣ назывались на Руси *забралами, бронью.* Такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ сказано: «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ *на забралѣ.»* т. е. на городскомъ валу, насыпи; въ лѣтописи одно укрѣпленiе называется *бронь княжь,* а *переборъ* еще и теперь въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчiяхъ значитъ *порогъ рѣчной* или мелководье въ устьѣ рѣки или залива (Опытъ Областн. Великорус. Словаря. стр. 155). Въ настоящей статьѣ темнымъ и сбивчивымъ для иныхъ тол-

кователей представлялось выраженіе: «ти аще ключиться близь земли Грецкы, аще ли ключиться такаже проказа лодьи Рустѣй, да проводимъ ю въ Рускую землю, и да продають рухло тоя лодьи». Вся неясность и сбивчивость выраженія очевидно произошла отъ недосмотра перепищика, который пропустилъ слова *близь земли*; т. е. «аще ли ключиться такаже проказа лодьи близь земли Рустѣй». На этотъ пропускъ указываетъ одинакая форма предшествовававшаго выраженія: «ти аще ключиться близь земли Грецкы»: здѣсь *ти*, вѣроятно, написано вмѣсто *ци*, *ли*, *или*, т. е. случится ли таковое нещастіе близь Греческой земли, или близь земли Русской.

Статья 7-я такъ же какъ и предшествовавшая носитъ на себѣ слѣды перевода съ Греческаго. Самое первое выраженіе статьи: «отъ тѣхъ аще полоняникъ обою страну державъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ» ясно указываетъ на переводъ съ Греческаго. Русскій переводчикъ, не знакомый съ книжнымъ языкомъ, почти на первомъ же словѣ въ Греческомъ подлинникѣ: ἑκατέρωθεν—*съ той и другой стороны* запнулся, и неумѣлъ хорошо передать его по Русски; онъ по разговорамъ съ Греками зналъ, что слово ἑκατέρωθεν употребляютъ тогда, когда дѣло касается обоихъ разговаривающихъ, посему и онъ написалъ по Русски *обою страну*; но въ тоже время видѣлъ, что въ настоящемъ случаѣ онъ лично не составляетъ ни той ни другой стороны, и посему придумалъ для поясненія прибавить слова *отъ тѣхъ*.

Вся 10-я статья написана правильно и ясно, и только слово *мѣстникъ* путало нѣкоторыхъ толкователей и переводчиковъ, которые хотѣли видѣть въ этомъ словѣ *мстителя*; тогда какъ, очевидно, словомъ мѣстникъ здѣсь переведено Греческое слово κεκτημένος — хозяинъ дома, мѣста, за

нимающій какое либо мѣсто, владѣлецъ мѣста. Вспомнимъ Русское слово *мѣстничество*; да и самое слово *мѣстникъ* въ мѣстническихъ дѣлахъ не разъ встрѣчается именно въ значеніи человѣка, занимающаго извѣстное мѣсто. Мститель же, какъ видно въ Русской правдѣ, выражается словомъ *мѣстяй*, *мѣстя*.

Въ 11-й статьѣ въ отношеніи къ грамматическому построенію рѣчи, встрѣчаются двѣ неправильности. Одна, обычная у составителя или переводчика Олегова договора, состоитъ въ ошибочной разстановкѣ предложеній: вмѣсто того, чтобы написать: «аще ли сътворитъ ображеніе, *таковый*, кому будеть писалъ наслѣдити имѣніе, възметь уряженное его», переводчикъ или составитель, опасаясь раздѣлять предложенія, что ему плохо удавалось, написалъ: «таковый возметь уряженное его, кому будеть писалъ наслѣдити имѣніе». Вторая неправильность, вѣроятно, принадлежитъ позднѣйшему переписчику, который написалъ: *да възвратить имѣнье»* тогда какъ слѣдовало бы написать: «да възвратять имѣнье»....

Статью 12-ю нѣкоторые переводчики и толкователи начинаютъ словами: «аще злодѣй възвратится въ Русь»; предшествующія же слова: «отъ възимающихъ куплю Руси и отъ различныхъ приходящихъ въ Грекы и удолжающихъ» относятъ къ концу одиннадцатой статьи. Но такое перемѣщеніе словъ изъ одной статьи въ другую вредитъ той и другой статьѣ; ибо слова сіи въ одиннадцатой статьѣ являются неумѣстнымъ дополненіемъ, измѣняющимъ и затемняющимъ смыслъ. Тамъ уже сказано, что имѣніе, остающееся послѣ Русина безъ завѣщанія, возвращается на Русь къ ближнимъ умершаго, наслѣдникъ же по завѣщанію самъ беретъ завѣщанное: «възметъ уряженное его», и конечно долженъ брать его изъ квартиры умершаго, а не отъ пріѣз-

жихъ Русскихъ купцовъ, или вообще отъ проживающихъ въ Греціи Руссовъ, какъ того хотятъ помянутые переводчики и толкователи; ибо странно и ни съ чѣмъ несообразно предполагать, чтобы хозяинъ держалъ свое имѣніе не у себя, а отдавалъ посторонним лицамъ, и при томъ такимъ, которые временно приходятъ въ Грецію по своимъ дѣламъ. Мы не можемъ предполагать, что здѣсь должно разумѣть, будто бы хозяинъ отдавалъ свой капиталъ пріѣзжающимъ Русскимъ купцамъ для того, чтобы его капиталъ въ торговыхъ оборотахъ пріобрѣлъ приращеніе; ибо въ статьѣ сказано не объ однихъ купцахъ, но и о различныхъ приходящихъ въ Греки, отъ которыхъ по смыслу толкователей наслѣдникъ будто бы долженъ былъ требовать завѣщанное имѣніе; слѣдовательно о приращеніи капитала, чрезъ отдачу его въ торгъ, здѣсь нѣтъ и намека. Такимъ образомъ слова: «отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ приходящихъ въ Греки и удолжающихъ» вовсе не относятся къ одиннадцатой статьѣ договора. И на оборотъ двѣнадцатая статья безъ сихъ словъ теряетъ свой смыслъ; ибо безъ нихъ непонятно, о какомъ злодѣѣ говоритъ статья, о Русскомъ или о Греческомъ, да и самый глаголъ *возвратится въ Русь*, оказывается ненужнымъ, ибо чрезъ два предложенія въ статьѣ слѣдуетъ глаголъ: *возвращенъ будетъ.* Отъ чего и переводчики, принимавшіе такое неправильное дѣленіе сихъ двухъ статей, должны были прибѣгать къ явнымъ натяжкамъ и искаженіямъ смысла. Впрочемъ начало двѣнадцатой статьи и съ присоединеніемъ словъ: «отъ взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ приходящихъ въ Греки и удолжающихъ» еще остается не совсѣмъ яснымъ; эта неясность изчезаетъ, ежели вставить глаголъ *будетъ* или *обрящется,* т. е. «отъ възимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ приходящихъ въ Греки и удолжающихъ

аще злодѣй обрящется, възвратится въ Русь», какъ вѣроятно и было написано древнимъ составителемъ статьи, но пропущено позднѣйшимъ перепищикомъ; въ договорѣ же Олега видимъ подобное выраженіе съ глаголомъ *обрящуться*: «и обрящються тамо, иже отъ насъ Руси» (статья шестая), и такая вставка или дополненіе пропущеннаго перепищикомъ слова нимало не противорѣчитъ языку договора; ею не усомнился воспользоваться нашъ знаменитый историографъ Карамзинъ, глубокій знатокъ Русскаго слова....

Предложеніе заключенія: «иже отъ Бога суще, яко божіе зданіе», относящееся прямо къ предложенію: «не преступати отъ уставленныхъ главъ мира и любве», переводчикъ ошибочно отнесъ къ предложенію: «мы кляхомся къ царю вашему», и тѣмъ затемнилъ свое изложеніе. Кромѣ сихъ нестройностей въ порядкѣ предложеній здѣсь замѣчается особливость грамматической формы въ глаголѣ *даю*, именно въ прошедшемъ времени вмѣсто *далъ есть*, какъ слѣдовало бы по свойству древней Славянской грамматики, здѣсь стоитъ сокращенно *дасть*. Это сокращеніе совершенно въ духѣ древняго Русскаго языка: подобное встрѣчаемъ и въ Остромировомъ Евангеліи, на пр. «дасть имъ область чадомъ Божіемъ быти». Сбивчивости языка въ заключеніи, кажется, еще способствовалъ переписчикъ; такъ очевидно въ предложеніи: «предлежащимъ крестомъ и святою единосущною Троицею извѣстіи дасть нашимъ словомъ» перепищикомъ пропущено подлежащее *царь*.

Послѣдняя часть изслѣдованія И. Д. Бѣляева касается состава языка, какъ выраженія общественной жизни народа.

Договоръ Олега представляетъ въ этомъ отношеніи поприще хотя необширное и неразнообразное, но очень замѣчательное и

важное для насъ тѣмъ, что въ договорѣ дѣло идетъ собственно объ устройствѣ общественной жизни народа, гдѣ предпочтительно разкрывается развитіе народнаго духа, исторія народа. Конечно на составленіе Олегова договора Византійцы имѣли большее вліяніе, и можетъ быть, многое внесли въ него изъ своей жизни; но это нисколько намъ не препятствуетъ видѣть степень развитія народнаго въ языкѣ договора; ибо Византійцы, внося свои понятія въ договоръ, не внесли же своего языка, а когда это такъ, то для насъ языкъ договора тѣмъ важнѣе и поучительнѣе. Мы яснѣе можемъ видѣть въ немъ степень развитія народной жизни, сравнивая выраженія понятій, вытекшихъ изъ жизни народа, съ выраженіями понятій взятыхъ изъ чужой жизни. Народъ на столько можетъ выражать на своемъ языкѣ чужія идеи, на сколько онѣ ему знакомы, на сколько близки къ его собственной жизни: идеи малоизвѣстныя ему и далекія отъ его жизни въ сознаніи его отразятся смутно, а потому и самыя выраженія будутъ слабы и неопредѣленны; идей же вовсе для него чуждыхъ и неизвѣстныхъ народъ не пойметъ и не отыщетъ въ своемъ языкѣ словъ для ихъ выраженія. Всему этому договоръ Олега служитъ для насъ лучшимъ свидѣтельствомъ и подтвержденіемъ.

Останавливаясь на важнѣйшихъ выраженіяхъ договора, авторъ считаетъ болѣе другихъ важными слѣдующія: «*Мы отъ рода Русскаго*, *Великій князь*, *Царь и Самодержецъ*, *Князья*, *Свѣтлые Бояре*, *Челядинъ*, *Гость* (высшаго класса торговецъ), *Законъ Русскій*, *Русь подъ рукою князя* (откуда *подручникъ* — подчиненный, покорный), *Казнь*, *Тяжа* (позывъ на судъ), *Обряженіе* (завѣщаніе), *Урядить* (сдѣлать завѣщаніе).

Авторъ не опустилъ изъ виду и тѣхъ выраженій, которыя «представляютъ понятія принесенныя въ народъ извнѣ».

Въ договорѣ такихъ чуждыхъ понятій, явно внесенныхъ Византійцами, мы встрѣчаемъ не болѣе трехъ. Первое изъ такихъ понятій было λίτρα: «да вдасть литръ пять сребра» Второе ἐπιτιμία показываетъ, что переводчикъ хотѣлъ соблюсти въ переводѣ строгую точность, и не довольствовался употребленіемъ словъ близкихъ къ Греческимъ, а посему скорѣе рѣшился оставить Греческое слово непереведеннымъ, чѣмъ перевести его неточно; ибо мы знаемъ что близкія слова къ ἐπιτιμία, *казнь*, *наказаніе* были уже извѣстны на Руси, чему доказательство видѣли въ самомъ договорѣ, гдѣ сказано: будетъ *казнь*, якоже явится съгрѣшеніе о семъ». Но слово ἐπιτιμία означало собственно mulcta, *poena*, *законное взысканіе*, *штрафъ*, *пеня*, слѣдовательно слово *казнь* не вполнѣ ему соотвѣтствовало. Ближайшее же къ Греческому ἐπιτιμία Русское слово *вира* въ нашихъ памятникахъ встрѣчается не раньше Владимира, и притомъ *вира* не столько означала *штрафъ* или наказаніе, сколько сборъ пошлинъ отъ суда въ пользу казны; такъ при Владимирѣ епископы и старцы говорили: «оже вира, то на оружьи и на конехъ буди». Слово *заповѣдь*, имѣвшее въ нашемъ юридическомъ языкѣ одинаковый смыслъ съ Греческимъ словомъ ἐπιτιμία, явилось еще позднѣе. Третье Византійское понятіе помѣщенное въ Олеговомъ договорѣ, вѣроятно Греческое «διαγράφειν τούς στρατιώτας» *набирать воиновъ*, *записывать въ военную службу*, хотя и переведено по Русски, но собственно не переведено съ Греческаго, а переложено изъ Греческой формы въ тогдашнюю Рускую: «егда требуетъ на войну ити, егда же требу творите». Руссъ переводчикъ хотя нѣсколько и понималъ смыслъ Греческаго выраженія, но передать его слово въ слово почелъ неудобнымъ и непонятнымъ, и въ слѣдствіе сего передалъ его въ той формѣ,

въ которой дѣйствіе набора воиновъ производилось на Руси, т. е. въ формѣ простаго объявленія или клича, что нужно идти на войну: «егдаже требу творите»—когда дѣлаете кличь, когда объявляете народу о необходимости идти на войну. Къ подобнымъ же передѣлкамъ съ Греческаго языка на Русскіе нравы должно отнести выраженіе договора: «о работающихъ въ Грецѣхъ Руси у Хрестьянскаго царя». Здѣсь работающими Руссами у Христіанскаго царя названы Руссы, состоящіе въ Греческой службѣ на жалованьѣ; или иначе Руссъ переводчикъ глаголомъ работать хотѣлъ передать Греческое выраженіе *σρατεύεσϑαι ὑπὸ τινι* «stipendium mereге, *служить по найму*». Замѣчательно въ Олеговомъ договорѣ еще одно слово чисто Славянское, но отнюдь не Русское, и выражающее понятіе вовсе неизвѣстное для современниковъ Олеговыхъ на Руси: это слово *недѣля*, помѣщенное въ самомъ концѣ договора. По всему вѣроятію слово сіе заимствовано Олеговыми Руссами отъ Болгаръ, и можетъ быть въ послѣдствіи зашло на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ.

—

Оканчивая извлеченіе изъ любопытной записки И. Д. Бѣляева, считаю неумѣстнымъ прибавлять къ нему какія бы то ни было свои замѣчанія. Я позволю себѣ только выразить надежду, что обѣ договорныя грамоты Олега, равно какъ и два другіе договора Русскихъ князей съ Греками будутъ еще не разъ предметомъ Чтеній нашихъ. Эти памятники заслуживаютъ глубокаго изученія какъ драгоцѣнные остатки древняго Русскаго быта и слова. А между тѣмъ въ Матеріалахъ для словаря читатели найдутъ указатель къ нимъ съ нѣкоторыми объясненіями словъ и выраженій.

III.

ІАКОВЪ МНИХЪ,

РУССКІЙ ПИСАТЕЛЬ XI ВѢКА И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Записка М. А. Погодина.

I.

Въ извѣстной харатейной рукописи, писанной около 1280 года, въ коей заключаются древнѣйшая наша Кормчая, Русская Правда, Уставъ церковный Володимеровъ, и проч., между другими драгоцѣнными памятниками помѣщено: Ио(анна) митрополита Русскаго, нареченнаго пророкомъ Христа, написавшаго правило церковное отъ святыхъ книгъ вкратцѣ *Иякову черноризьцю*.

Калайдовичь, которому наша древняя письменность обязана изданіемъ столь многихъ важныхъ памятниковъ, помѣстилъ оное въ Русскихъ Достопамятностяхъ, изданныхъ имъ отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, но ни объ Іоаннѣ, ни объ Іаковѣ не осмѣлился сказать ничего положительнаго:

Іоанновъ было четверо (всѣ изъ Греціи): первый, по Никоновой лѣтописи, пасъ Русскую церковь 1018 — 1035 г.,

второй 1080 — 1088, третій 1089 — 1090, четвертый 1164—1166 г.

«....Предлежитъ вопросъ, говоритъ Калайдовичъ, которому изъ четырехъ Іоанновъ приписать .... посланіе?»

Всего естественнѣе, скажемъ мы, приписать второму, о которомъ именно сказано у Нестора: бысть же Іоанъ мужъ *хытръ книгамъ и ученью*, милостивъ убогымъ и вдовицямъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя; и сякого не бысть преже въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ. (по Лаврент. списку, подъ г. 1088, с. 89). Ему всѣхъ приличнѣе и прозваніе пророка Христова въ заглавіи посланія.

Всего менѣе третьему, о которомъ Несторъ говоритъ: «бѣ же сей мужь некниженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ» (тамъ же). Калайдовичь пишетъ «книженъ» по Лаврентьевскому списку; но это очевидная описка *), ибо Несторъ именно противопоставляетъ двухъ Іоанновъ, одного другому. «Книженъ» и «умомъ простъ и просторѣкъ»—свойства для того времени несовмѣстныя. Должно замѣтить, что третій Іоаннъ былъ въ Кіевѣ только одинъ годъ.

При первомъ, вскорѣ послѣ введенія христіанской вѣры, едва ли могли явиться вопросы, подобные вопросамъ черноризца Іакова, да едва ли были и монастыри съ монахами, кои относятся уже ко времени Ярослава. Замѣтимъ еще, что похвалою Іоанна втораго Несторъ свидѣтельствуетъ, что въ первомъ Іоаннѣ не было ничего особеннаго въ этомъ родѣ.

*) Въ изданіи Археографической Коммиссіи въ текстѣ поставлено: «некниженъ», а въ примѣчаніи поставлено: «книженъ», какъ чтеніе Лаврентьевскаго списка; но по какому списку поправлено чтеніе, какъ читается это мѣсто въ другихъ спискахъ, не показано. Въ Барковскомъ изданіи Кенигсбергскаго списка напечатано: некниженъ.

Четвертый Іоаннъ жилъ только два года, и объ немъ не сохранилось никакихъ извѣстій.

Теперь объ Іаковѣ. «Въ самомъ заглавіи», говоритъ Калайдовичъ, «упомянуто о черноризцѣ Іаковѣ. Намъ извѣстно о пресвитерѣ сего имени, близкомъ ко времени втораго Іоанна, котораго Ѳеодосій хотѣлъ въ 1074 году поставить въ свое мѣсто игуменомъ. Сей Іаковъ не одинъ ли съ нашимъ Черноризцемъ?» (Русскія Достопамятности, с. 88).

Очень вѣроятно. Инокъ, отличенный самимъ Св. Ѳеодосіемъ, могъ размышлять о монашеской жизни и христіанской вѣрѣ и предложить свои сомнѣнія на разрѣшеніе митрополиту, столько славному своими познаніями.

Оба мнѣнія (о второмъ Іоаннѣ и черноризцѣ Іаковѣ), правдоподобныя *порознь*, подтверждаютъ себя и взаимно.

Впрочемъ строгая критика не позволяетъ вывести отсюда рѣшительнаго заключенія, а только вѣроятное: около 1070 года жилъ какой-то черноризецъ Іаковъ, предлагавшій вопросы митрополиту Іоанну второму.

Для сообщенія этому положенію твердости надо искать другихъ доказательствъ.

II.

Въ одномъ изъ моихъ историческихъ сборниковъ есть житіе св. Владиміра, писанное *Іаковомъ мнихомъ*.

Г. Строевъ говоритъ правда въ своемъ хронологическомъ указаніи (Журн. Мин. Нар. Пр., 1834, № 2, с. 167), что Іаковъ монахъ составилъ около 1541 г. житіе св. князя Владимира; но онъ смѣшиваетъ часто время написанія, время списка, со временемъ сочиненія. Любопытно знать, о какомъ житіи и съ какими доказательствами онъ говоритъ это. Неужели до XVI вѣка не было ни одного житія Владимирова?

Въ моемъ спискѣ Житія находятся ясные слѣды близости сочиненія ко времени Владимирову.

Могъ ли, напримѣръ, писатель XVI вѣка говорить такимъ образомъ:

«Павелъ святый Апостолъ.... посылая къ Тимоѳѣю писаніе, глаголаше: чадо Тимоѳѣе, еже слыша отъ мене многы послухы, то же предай же вѣрнымъ человѣкомъ, иже доволнии будутъ иныи научити. И блаженный Апостолъ Лука Евангелистъ къ Феофилу писаше глаголя: понеже мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вѣщехъ бывшихъ въ насъ, изволи(ся) и мнѣ, ходившу исперва.... потомъ многыхъ святыхъ писати начаша житие и мучения. *Тако же и язъ худый мьнихъ Ияковъ слыша отъ многыхъ* о благовѣрномъ князѣ Володимерѣ всея Рускія земля, о сынѣ Святославлѣ, и мало собравъ отъ многия добродѣтели его, написахъ и о сыну его, реку же святою и славную мученика Бориса и Глѣба, како просвѣти благодать Божія сердце князю Русскому Володимеру, сыну Святославлю вънуку Игореву» и проч.

Въ XVI вѣкѣ нельзя было ничего *слышать* о Владимирѣ.

Въ этомъ Житіи есть много выраженій, сходныхъ съ лѣтописью Нестора, который видно заимствовалъ ихъ отсюда. Но есть и такія, коихъ не находимъ у Нестора: «блаженный же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ.... всю землю Русскую крести отъ конца и до конца, храмы идолския и требища всюду раскопа и посѣче, и идолы сокруши, и всю Русскую землю и грады честными церквами украси, и памяти святыхъ во церквахъ творяше пѣніемъ и молитвами, и празднова̀ше свѣтло праздники Господьскыя; три трапезы поставляше: первую Митрополиту со Епископы и съ черноризци и съ попы, вторую нищимъ и убо-

гымъ, третюю себѣ и бояромъ своимъ и всѣмъ мужемъ» и проч. (Это мѣсто выписано и у Карамзина, т. I, пр. 476).

Точно такимъ образомъ говоритъ сочинитель, описывая благодѣянія Владиміра: «иже немощьне и старѣи не можаху доити княжа двора и потребу взяти, то во дворъ имъ посылаше; немощнымъ и старымъ всяку потребу блаженный князь Володимеръ даяше, *и не могу сказати* многия его милостыня».

Обращу вниманіе еще въ этомъ отношеніи на примѣчательное окончаніе Житія. «По святомъ же крещеніи пожи блаженный князь Володимеръ 28 лѣтъ; на другое лѣто по крещении къ порогомъ ходи, на третіее лѣто Корсунь городъ взя. На четвертое лѣто заложи церковь каменну святыя Богородица, а на пятое лѣто Переславль заложи; въ девятое лѣто десятину блаженный и христолюбивый к. в да церкви святѣй Богородици, и отъ имѣния своего; въ томъ бо и самъ Господь рече: идѣже есть съкровище ваше, ту и сердце ваше будетъ.... И Богъ поможе ему, и сѣде въ Кіевѣ на мѣстѣ отца твоего Святослава, и дѣда своего Игоря, а Святослава князя Печенѣзѣ убиша, а Ярополкъ сѣдяше въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава, и Олгъ иды съ вои у Вруча града мостъ обломи съ вои, и удавиша Олга въ гребли. А Ярополка убиша въ Киевѣ мужи Володимерови, и сѣдѣ въ Киевѣ князь Володимеръ въ осмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца Іюня въ 11 день, въ лѣто 6486; и крести же ся к. Володимеръ въ 10 лѣто по убьении брата своего Ярополъка; каяшеся и плакашеся блаженный к. в. всего того, елико сотвори въ поганствѣ.... и послужи Богу добрыми дѣлы свои и милостынею, и успе съ миромъ мѣсяца Іюля въ 15 день въ лѣто 6523 (1015) о Христѣ».

Разумѣется, это Житіе должно быть изслѣдовано и сличено съ прочими, по всѣмъ оставшимся спискамъ, (у меня набралось ихъ теперь нѣсколько въ разныхъ сборникахъ и житейникахъ), и только тогда можно будетъ рѣшить вопросъ о времени его сочиненія. Мой списокъ новъ, и можетъ быть подвергся многимъ исправленіямъ, вставкамъ, исключеніямъ переписчиковъ.

У Графа А. И. Мусина-Пушкина было харатейное Житіе Володимерово «XIII или XV (вѣроятно опечатка, вм. XIV) вѣка», по свидѣтельству Карамзина (т. I, пр. 110): — безъ сомнѣнія, это Іаковово.

Предложимъ нѣкоторыя частныя замѣчанія:

1. Весь образъ хронологическаго извѣстія указываетъ, что онъ прямо взятъ изъ памяти и преданія, со слуха, а не выписанъ откуда либо: «на другое лѣто по крещеніи Владиміръ сдѣлалъ то, на шестое то, и т. д.

2) Хронологія не та, что у Нестора: Владиміръ крестился въ 987 г., ходилъ къ порогамъ въ 988, взялъ Корсунь 989, заложилъ церковь въ 990, основалъ Переславль въ 991, уставилъ десятину въ 995. Она заключаетъ однако жь противорѣчія: сочинитель говоритъ сначала, что Владиміръ жилъ по крещеніи 28 лѣтъ, а онъ скончался въ 1015 году, слѣдовательно крестился въ 987 г., а потомъ говоритъ, что Владиміръ крестился въ 10 лѣто по убіеніи Ярополка, а Ярополкъ убитъ въ 980 г., слѣдов. Владиміръ крестился въ 990 году. Впрочемъ это ошибки или противорѣчія незначительныя и легко объяснимыя въ сочиненіяхъ такого рода, писанныхъ по памяти, чрезъ много лѣтъ послѣ описываемыхъ происшествій. Въ лѣтописяхъ, писанныхъ изъ года въ годъ, такихъ ошибокъ не бываетъ.

3. «Владимиръ ходилъ къ порогамъ»: явно современное выраженіе.

4) Авторъ опредѣляетъ именно, какого числа Владиміръ овладѣлъ Кіевомъ, по смерти Ярополка (Іюня 11), чего нѣтъ нигдѣ.

5. Авторъ именно говоритъ, что Владиміръ предпринималъ походъ на Корсунь, уже принявъ св. крещеніе, на третій годъ. И Несторъ свидѣтельствуетъ, что въ его время было точно преданіе о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ, имъ однако же отвергаемое: «се же не свѣдуще право (т. е. не знающіе правды, истины) глаголють, яко крестилъся есть въ Кіевѣ, инии же рѣша: Василивѣ, друзіи же инако скажуть» (Лавр. сп. с. 48).

Оба преданія могли быть вѣрны.

Какъ бы то ни было, разсматривая Житіе Владиміра, мы видимъ, что былъ мнихъ Іаковъ, жившій не долго спустя послѣ Владиміра, и могшій *слышать* объ немъ преданіе, которое и внесъ въ составленное имъ Житіе.

III.

Изъ Житія Владимірова мы узнаемъ, что сочинитель его написалъ еще Житіе св. Бориса и Глѣба.

Мы имѣемъ многія житія сихъ святыхъ мучениковъ. Должно изслѣдовать, не принадлежитъ ли которое нашему Іакову мниху.

Въ моемъ Изслѣдованіи о Несторѣ (1839 года) я указывалъ на одно Житіе Бориса и Глѣба, въ коемъ сказано: «а отъ Рогнѣды 4 сына имѣяше (Владиміръ): Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода, а отъ иныя Святослава и Мьстислава, а отъ Болгарыни Бориса и Глѣба, и посылаша я́ по разнымъ

градомъ и странамъ въ княженьи, сего же инде скажемъ, о сихъ же убо (т. е. о Борисѣ и Глѣбѣ) исповѣмы».

Не оно ли принадлежитъ Іакову мниху? Этого Житія есть списокъ харатейный, принадлежащій къ XIII или началу XIV столѣтія въ типографской библіотекѣ.

Если такъ, то Іакову мниху должно принадлежать еще какое-нибудь историческое сочиненіе (лѣтописныя записки и т. под.), въ коемъ онъ говоритъ о сыновьяхъ Владиміра, а можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду только житіе сего послѣдняго.

IV.

Въ такомъ положеніи находились *догадки* мои объ Іаковѣ мнихѣ и его сочиненіяхъ, какъ вдругъ я прочелъ въ каталогѣ г. Востокова слѣдующее извѣстіе о статьѣ, помѣщенной при одной Кормчей книгѣ:

Нѣкоего отца къ духовному сыну.

Въсеблагаго и преблагаго Бога нашего и Царя. Добро бо отъ Бога и къ Божію слузѣ Дьмитрію отъ многогрѣшного *чрьнца Іакова*. Написалъ еси покааніе свое велми смиренно и жалостно слышати.

Г. Востоковъ говоритъ: «Сей Іаковъ чернецъ увѣщаваетъ духовнаго своего сына Дмитрія воздерживаться отъ запойства и блуда. Языкъ сей статьи весьма древенъ. Здѣсь не показано званія Дмитрія, хотя и можно полагать, что онъ былъ не простой человѣкъ. Но въ слѣдующемъ за симъ спискѣ именно сказано: Великому князю Дмитрію. Ежели это не позднѣйшая вставка, то здѣсь, конечно, рѣчь идетъ о в. к. Дмитріѣ Александровичѣ: языкъ гораздо древнѣе временъ Димитрія Юрьевича и Димитрія Донскаго; — а можетъ быть, еще и о

древнѣйшемъ в. к. Всеволодѣ Юрьевичѣ 1212, носившемъ въ крещеніи имя Димитрія» (с. 304).

Не принадлежитъ ли и это посланіе моему Іакову мниху? Примѣтно, какъ г. Востоковъ увлекался древностію.

Но къ какому же князю Димитрію могъ писать посланіе Іаковъ мнихъ, жившій, по вышеписаннымъ соображеніямъ, въ концѣ XI вѣка?

Вотъ къ какому, отвѣчаю я: къ великому князю Изяславу, сыну Ярославову, который имѣлъ христіанское имя Димитрія, и княжилъ отъ 1054 до 1073 г., съ двумя перерывами.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Черноризецъ Іаковъ былъ современникомъ св. Ѳеодосія, и жилъ послѣ него, т. е. послѣ 1073 года.

Черноризецъ Іаковъ былъ современникомъ Митрополита Іоанна, вѣроятно, II (1080—1088).

Мнихъ Іаковъ сочинилъ житіе Владимірово, *слыша* о немъ многое.

Духовный отецъ Іаковъ сочинилъ посланіе къ Князю Димитрію, а Димитрій-Изяславъ княжилъ въ Кіевѣ 1054—1078 г.

Можетъ быть, не такъ; а право соблазнительно составить изъ этихъ четырехъ лицъ одно, которое поставлено мною въ заглавіи этой статьи: *Іаковъ Мнихъ, Русскій писатель XI вѣка.*

V.

Это изслѣдованіе написано было въ началѣ 1842 года. Съ тѣхъ поръ новыя открытія утвердили меня совершенно въ истинѣ прежняго предположенія, которое теперь выдаю я за историческое положеніе:

Черноризецъ Іаковъ, современникъ св. Θеодосія, жилъ во время Ярослава и сына его Изяслава, написалъ житіе св. Бориса и Глѣба, житіе св. Владиміра и похвалу ему, посланіе къ Великому Князю Изяславу, и вѣроятно еще какое-нибудь историческое сочиненіе. Онъ же предлагалъ Митрополиту Іоанну, прозванному пророкомъ Христа, *вопросы*, на кои тотъ и отвѣчалъ ему.

Доказательства, въ слѣдствіе коихъ я беру такой рѣшительный тонъ, суть слѣдующія:

Въ Житіи св. Владиміра, о которомъ писалъ я въ своемъ изслѣдованіи, сказано, что авторъ написалъ и Житіе св. Бориса и Глѣба. Я не зналъ тогда, гдѣ найдти сіе житіе, и догадывался, не то ли находится въ одномъ спискѣ, бывшемъ у меня прежде въ рукахъ, гдѣ говорено о сынахъ Владиміровыхъ. Это житіе получилъ я изъ Типографской библіотеки *), и вижу, что оно именно, вскорѣ послѣ событія, сочинено Іаковомъ инихомъ, который даже упоминаетъ въ немъ и объ Житіи Володимеровомъ. Оба сочиненія взаимно себя подтверждаютъ. А вотъ, что еще неожиданнѣе для нашихъ изслѣдователей: это житіе помѣщено въ Степенной книгѣ. Почему же мы не видали его тамъ? По очень простой причинѣ: редакторъ Степенной книги выбросилъ изъ него всѣ мѣста, показывающія близость сочиненія ко времени происшествія, неприличныя его

*) Эта рукопись есть драгоцѣнный остатокъ нашей древности (столь же драгоцѣнный, какъ для Англіи и Франціи ковры Матильдины), по рисункамъ, къ нему приложеннымъ, на которыхъ мы видимъ оружіе, одежды, зданія, церкви и проч. Въ прошломъ году я имѣлъ честь предложить Археологическому Обществу въ Петербургѣ, издать оные въ свѣтъ, и, кажется, предложеніе мое принято благосклонно.

времени, и тѣмъ привелъ въ заблужденіе и недоумѣніе изслѣдователей, почетшихъ его за новое сочиненіе.

Въ нѣсколькихъ моихъ спискахъ оно помѣщено вполнѣ, и съ самаго начала заключаетъ въ себѣ слѣдующія важныя слова, кои предлагаю я по харатейному списку XIV или XIII вѣка:

«Сице убо бысть *маломъ преже сихъ лѣтомъ*, сущу самодержецю Русскыя земля Володимеру сыну Святославлю, внуку же Игореву, иже святымъ крьщеникмъ просвѣти всю земьлю Рускую. *Прочая же кго добродѣтели индѣ скажемъ; нынѣ же нѣсть время.* А о сихъ по ряду сице кстъ».

Изъ сихъ словъ мы видимъ, что авторъ жилъ не въ продолжительномъ времени послѣ описываемыхъ имъ происшествій, и соединяя сіе извѣстіе съ предыдущими, заключаемъ безъ всякаго сомнѣнія, что это былъ Іаковъ, который во Владиміровомъ Житіи и предупредилъ читателей, что написалъ Житіе Бориса и Глѣба.

Укажемъ еще на нѣкоторыя примѣчательныя мѣста въ этомъ Житіи.

Описавъ смерть Бориса, онъ разсказываетъ помышленія Святополка отъ имени его: «Съ праведьными не напишюся, нъ да потреблюся ѡтъ книгъ живущихъ, якоже и бы҃, кже послѣди скажемъ, нынѣ же нѣсть время; нъ на предълежащек възвратимся».

Въ заключеніи сочинитель описываетъ чудеса ихъ въ общихъ выраженіяхъ:

«Слѣпии прозирають, а хромии быстрѣк серны бывають (?), нъ или могу вся исповѣди или сказати творимая ту чюдеса.... *Отъ всѣхъ бо странъ* ту приходяще, ту испочерплють ицеленик».

«Ибо ваю пособникмъ князи наши противу въстающая противу державно побѣжають, и ваю помощию хвалятся.»

Въ заключеніе молитва.... «Тако же въ молитвахъ всегда молитася о насъ, да *не придеть ны* зло, и рана, да не приступить к телеси рабъ ваю. Вама бо дана бысть благодать» и проч.

Исторія Святополка и Ярослава, изложены какъ въ лѣтописи. Лѣтописатель ли взялъ отсюда, или переписчикъ вставилъ въ Іаковово сочиненіе отрывокъ изъ Несторовой лѣтописи, не могу рѣшить. Вѣроятнѣе первое *).

*) Недавно отецъ Архимандритъ Макарій, которому Русская церковная исторія обязана столько, попалъ на нѣкоторыя мои мысли и изложилъ ихъ въ Христ. Чтеніи, равно присоединилъ и Житія. Пр. Филаретъ Харьковскій упоминаетъ также о минхѣ Іаковѣ въ своей Исторіи Русской Церкви.

IV.

МНѢНІЕ О ІАКОВѢ МНИХѢ

Академика П. Г. Буткова.

Записка А. Ѳ. Тюрина.

Не разъ уже предметомъ ученыхъ соображеній были три памятника, изданные въ Христіанскомъ Чтеніи за 1849 г. по рукописи XVI в: 1) Память и похвала В. К. Владиміру, 2) Житіе В. К. Владиміра и 3) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ.

Всѣ три сочиненія въ этомъ порядкѣ помѣщены въ рукописи одно за другимъ. Въ заглавіи перваго изъ нихъ сказано, что оно списано Іаковомъ мнихомъ.

Имя автора въ двухъ остальныхъ сочиненіяхъ не означено. Впрочемъ въ первомъ, въ Похвалѣ, говорится, что авторъ ея, Іаковъ мнихъ, написалъ также о Борисѣ и Глѣбѣ, а въ самомъ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ авторъ, упоминая объ отцѣ ихъ В. К. Владимірѣ, не разъ обѣщаетъ сказать о добродѣтеляхъ этого князя «индѣ», т. е. можетъ быть въ Житіи. Все это могло подать поводъ думать, что всѣ три сочиненія, Похвала, Житіе и Сказаніе, написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, и это лицо есть Іаковъ мнихъ.

Естественно долженъ былъ родиться вопросъ, кто такой этотъ Іаковъ мнихъ, когда онъ жилъ и не написалъ ли еще чего нибудь?

Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ въ этихъ трехъ сочиненіяхъ, можно было бы предполагать, что авторъ былъ близокъ къ тому времени, которое описывалъ. Такъ напримѣръ въ началѣ Похвалы читаемъ: «азъ худый мнихъ Ияковъ, слыша отъ многихъ о благовѣрнемъ князи Володимери... написахъ...» и проч. Значитъ, Іаковъ жилъ и писалъ тогда, когда еще можно было слышать о Владимірѣ, когда преданіе о немъ было еще свѣжо въ памяти. Потомъ въ той же Похвалѣ Іаковъ называетъ Русскихъ людей новоизбранными, слѣд. недавно принявшими св. крещеніе. Второе сочиненіе, Житіе В. К. Владиміра, начинается словами: «сице убо бысть малымъ преже сихъ лѣтъ сущю самодержцю всея Рускыя земля Володимеру...» Значитъ, авторъ жилъ вскорѣ послѣ Владиміра, если могъ сказать «малымъ преже сихъ лѣтъ». Далѣе въ Житіи сочинитель, разсказавъ о томъ какъ В. К. Владиміръ, по принятіи христіанства, велѣлъ бить деревянныхъ идоловъ жезліемъ, прибавляетъ: «се же не яко древу чюющю, но на поруганіе бѣсу, иже прельщаше *мы* симъ образомъ»: выраженіе это встрѣчается и въ лѣтописи Нестора съ тою только разницею, что вмѣсто *мы* у Нестора поставлено *человѣкы*. Это по видимому можетъ дать поводъ думать, что составитель Житія Владимірова былъ ближе ко временамъ язычества чѣмъ Несторъ. Кромѣ того къ подтвержденію древности Житія могутъ служить и другія выраженія: такъ напр. авторъ называетъ Русскихъ людей новыми по отношенію къ вѣрѣ, поминающими св. крещеніе и т. п.; далѣе онъ укоряетъ современниковъ своихъ за то, что они не воздаютъ В. К. Владиміру должной чести по его заслугамъ, совѣтуетъ мо-

литься о немъ въ день его смерти, чтобы Богъ прославилъ его, молится о вѣнцѣ праведнаго для Владиміра и т. п. Изъ этого видно, что написавшій Житіе Владиміра жилъ въ то время, когда Равноапостольный князь еще не былъ причтенъ церковью къ лику Святыхъ. Въ третьемъ сочиненіи, въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ, видны такіе же признаки древности. Оно начинается тѣми же словами, что и Житіе: «сице убо бысть малымъ преже сихъ лѣтъ....» и проч. Далѣе сочинитель, окончивъ описаніе войны Ярослава съ Святополкомъ, говоритъ; «и оттолѣ крамола преста въ Руской земли». Значитъ, авторъ жилъ и писалъ прежде 1019 и 1023 г. когда возникли новыя крамолы въ Руси—войны Ярослава съ Брячиславомъ Полоцкимъ и съ Мстиславомъ Тмуторокансквмъ. Кромѣ того сочинитель, упомянувъ о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба при В. К. Ярославѣ, вовсе не говоритъ о новомъ перенесеніи ихъ, бывшемъ при В. К. Изяславѣ въ 1071 г. Причина такого молчанія, можетъ быть, заключается въ томъ, что авторъ Сказанія жилъ и писалъ прежде этого года; точно такъ же Несторъ не упоминаетъ о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 1115 г. при Мономахѣ, отъ того что, какъ полагаютъ, жилъ до этого времени.

И такъ по всѣмъ этимъ признакамъ можно бы полагать что три сочиненія о Владимірѣ и его сыновьяхъ были написаны въ XI вѣкѣ. Языкъ сочиненій этому явно не противорѣчитъ.

Таково мнѣніе о времени написанія этихъ сочиненій, высказанное издателемъ ихъ въ Хр. Чт.; со многими замѣчаніями его соглашается М. П. Погодинъ.

Если вышеприведенныя свидѣтельства древности разсматриваемыхъ нами сочиненій признать достаточными, а взаимныя ссылки одного на другое, означенныя нами выше, принять за

убѣдительное доказательство того, что авторъ всѣхъ трехъ одинъ и тотъ же Іаковъ мнихъ, то останется еще вопросъ: кто былъ Іаковъ мнихъ, и нѣтъ ли гдѣ извѣстій объ немъ и о его сочиненіяхъ?

Въ памятникахъ нашей старины не разъ встрѣчается имя Іакова. Въ первый разъ въ Лавр. с. 80 г. 1074 упоминается объ Іаковѣ, котораго Θеодосій Печерскій при своей кончинѣ предлагалъ на свое мѣсто въ игумены Печерскаго монастыря. Вотъ какъ сказано объ этомъ въ лѣтописи: «Θеодосій же рече имъ: да аще отъ мене хощете игумена пріяти, то азъ створю вамъ не по своему изволенью но по Божью строенью, — и нарече имъ *Іякова презвитера*. Братьи же не любо бысть, глаголюще яко не здѣ есть постриганъ; бѣ бо Іяковъ пришелъ съ Летьца съ братомъ своимъ Пауломъ». Въ харатейной Кормчей 1282 г., между прочимъ помѣщено «Иоанна митрополита Русскаго нареченнаго пророкомъ Христа, написавшаго правило церковное отъ святыхъ книгъ вкратцѣ *Иякову черноризьцю*». — При одной кормчей (Рум. Муз. № CCXXXIII, стр. 304) помѣщено: (Посланіе) «нѣкоего отца къ духовному сыну. Въсеблагаго и преблагаго Бога нашего и Царя. Добро бо отъ Бога и къ Божію слузѣ Дьмитрію отъ многогрѣшного *чрънца Іакова*. Написалъ еси покаяніе свое велми смиренно и жалостно слышати». Въ слѣдующемъ за симъ спискѣ сказано: «Великому князю Дмитрію».

Такимъ образомъ кромѣ Іакова мниха нашлось еще три: Іаковъ пресвитеръ, Іаковъ черноризецъ и Іаковъ чернецъ. Только объ одномъ пресвитерѣ извѣстно, что онъ былъ современникомъ Θеодосія и какъ видно пережилъ его; о другихъ, когда они жили, не сказано. М. П. Погодинъ думаетъ, что всѣ эти Іаковы одно и тоже лицо. Вотъ его соображенія: Іаковъ,

переживший Өеодосія, могъ быть современникомъ митрополита Іоанна, этого имени II-го, пасшаго церковь 1080—1088, а также и современникомъ В. К. Изяслава, 1054—1078 г., носившаго христіанское имя Димитрія, къ которому тотъ же самый Іаковъ, духовный отецъ его, писалъ посланіе.

За тѣмъ М. П. Погодинъ высказываетъ такое положеніе: «Черноризецъ Іаковъ, современникъ св. Өеодосія, жилъ во время Ярослава и сына его Изяслава, написалъ Житіе св. Бориса и Глѣба, Житіе св. Владиміра и Похвалу ему, Посланіе къ В. К. Изяславу и вѣроятно еще какое нибудь историческое сочиненіе. Онъ же предлагалъ митрополиту Іоанну, прозванному пророкомъ Христа, вопросы, на кои тотъ отвѣчалъ ему».

Изысканія другаго ученаго изслѣдователя нашихъ древностей Академика П. Г. Буткова привели его къ выводамъ, до нѣкоторой степени противоположнымъ, и тѣмъ не менѣе оправдывающимся соображеніемъ данныхъ. Сообразя данныя съ этой новой точки зрѣнія, предлагаемъ наши замѣчанія: 1) относительно времени написанія разсматриваемыхъ нами сочиненій, 2) о томъ, можно ли ихъ приписать одному и тому же лицу, а именно Іакову мниху, и 3) наконецъ о томъ, кто такой этотъ Іаковъ.

Разберемъ первый вопросъ: до какой степени могутъ быть признаны убѣдительными доказательства близости автора ко времени Владиміра, и на основаніи ихъ можно ли относить разсматриваемыя нами сочиненія къ XI столѣтію?

Въ Похвалѣ авторъ говоритъ, что какъ апостолъ Павелъ заповѣдалъ ученику своему Тимоөею, «еже слыша отъ мене многы послухы, тоже предажь и вѣрнымъ человѣкомъ иже довольнѣ будутъ и ины научити»; какъ Евангелистъ Лука написалъ Евангеліе и Дѣянія Апостольскія, и какъ «потомъ мно-

гихъ святыхъ писаніе начала житія и мученія», такъ и сей «худый мнихъ Иаковъ, *слышавъ* отъ многихъ о благовѣрнемъ князи Володимери всея Руськыя земля о сыну Святославлѣ *и мало собравъ* отъ многыхъ» описалъ «добродѣтели его» и проч. Трудно представить себѣ, чтобы позже XI в. нельзя уже было *слышать* о В. К. Владимірѣ, просвѣтившемъ землю Русскую, о Владимірѣ красномъ солнцѣ, имя котораго всегда было народнымъ на Руси, и до сихъ поръ повторяется въ народныхъ преданіяхъ. Память народа вовсе не такъ коротка. Въ этомъ убѣждаютъ слова самаго автора втораго сочиненія, Житія: «сего бо (Владиміра) въ память держать Рустіи людие, поминающе святое крещеніе и прославляють Бога въ молитвахъ и въ пѣсняхъ и въ псалмѣхъ, поюще Господеви новии людие, просвѣщени Святымъ Духомъ».

При томъ же Іаковъ мнихъ, какъ самъ говоритъ, внесъ въ Похвалу не одно только то, что слышалъ о Владимірѣ, но также и то, что *собралъ* о добродѣтеляхъ этого князя. Что же касается до того, что авторъ называетъ Русскихъ людей *новоизбранными*, то это не можетъ служить доказательствомъ недавности крещенія Руси въ его время. Вотъ какъ говорится объ этомъ въ Похвалѣ: «вси людие Руськыя земли познаша Бога тобою, божественный княже Володимере! Възрадоваша же ся Ангельстіи чины, аггели честіи; нынѣ радуются вѣрніи и восклѣша и въсхвалиша. Акы младенци Иеврѣйстіи съ вѣтвьми усрѣтоша Христа, вопіюще осана Христу Богу побѣдителю смерти, тако и новоизбранніи людіе Рускыя земля, но въсхвалиша Владыку Христа съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, къ Богу приближившеся крещеніемъ и дьявола отвергшеся». Ясно, что Іаковъ называетъ Русскихъ людей новоизбранными только по отношенію къ тѣмъ событіямъ, которыя описывалъ. Подоб-

ное выраженіе въ такомъ смыслѣ можетъ употребить писатель всякаго столѣтія, не только XI-го. — Хотя въ началѣ Житія написано «сице убо бысть *малымъ* преже сихъ лѣтъ, сущю самодержцю всея Рускыя земля Володимеру...», но понятіе о маломъ очень неопредѣленно. Притомъ эти слова напоминаютъ Греческое техническое выраженіе: οὐ πρὸ πολλοῦ τῆς παθ' ἡμᾶς γενεᾶς—не задолго, что иногда означало у Греческихъ писателей слишкомъ цѣлое столѣтіе. *)

Въ концѣ Житія авторъ, писавшій по Русски, помѣстилъ молитву: «О святая царя Константине и Володимире! помогайта на противныя сродникомъ ваю и люди избавляйта отъ всякыя бѣды *Грѣческыя* и Рускыя». Можно бы подумать, что написавшій Житіе былъ Грекъ и что въ этихъ словахъ его выразилась привязанность къ отчизнѣ; выраженіе «маломъ преже сихъ лѣтъ» онъ могъ употребить въ Греческомъ смыслѣ. Впрочемъ для этого не было никакой нужды быть непремѣнно Грекомъ: вѣроятно, это выраженіе могло имѣть такое же значеніе и по-Русски. Признавъ автора Грекомъ трудно было бы объяснить, отчего онъ, описывая ниспроверженіе идоловъ, которыхъ били жезліемъ, говоритъ: «се же на поруганіе бѣсу, иже прельщаше *ны* симъ образомъ». Изъ этого однакоже никакъ нельзя заключить, что авторъ самъ былъ прежде язычникомъ и крестился при самомъ Владимірѣ.

Если въ Житіи Владиміръ представляется еще *непрославленнымъ* отъ Бога, то и это не служитъ свидѣтельствомъ въ пользу особенной давности сочиненія: когда именно послѣ-

*) Напр. въ Паноплія Евеимія Зигавена о Богомильской ереси сказано, что она получила начало въ Болгаріи οὐ πρὸ πολλοῦ *не задолго.* Зигавенъ писалъ это въ 1181 г., а Богомилъ жилъ при Петрѣ I въ 927—968 г.

довало причтеніе Владиміра церковью къ лику Святыхъ — неизвѣстно *); съ другой стороны самъ авторъ себѣ противорѣчитъ, признавая Владиміра праведнымъ и святымъ, какъ видно изъ приведенной молитвы. Если авторъ Сказанія не упоминаетъ о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 1071 г. отъ того, что не дожилъ до этого времени, то онъ уже никакъ не могъ быть ни Іаковомъ пресвитеромъ, о которомъ упоминается въ 1074 г., ни Іаковомъ черноризцемъ, предлагавшимъ вопросы митрополиту Іоанну въ 1080 — 1088 г. Впрочемъ умолчаніе о перенесеніи мощей 1071 г. пополняется другими списками того же Сказанія: таковы списки Румянц. Музея XVI ст. и Погодинскій, гдѣ упоминается не только о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 1071 г., но и въ 1115 г. при Мономахѣ. Еще указываютъ на слова Сказанія по окончаніи описанія войны Ярослава съ Святополкомъ въ 1019 г: «оттолѣ преста крамола въ Русской земли». Изъ этихъ словъ заключаютъ, что Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ писано до 1021 г., такъ какъ въ этомъ году произошла новая крамола, вражда Ярослава съ Брячиславомъ Полоцкимъ, а послѣ того, съ 1023—1026 продолжалась война Ярослава съ Мстиславомъ. Едва ли можно придавать этимъ словамъ особенную важность: ихъ находимъ мы и въ томъ спискѣ Сказанія, гдѣ говорится о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 1115 г. Здѣсь, по поводу церквей во имя св. мучениковъ, упоминается объ Изяславѣ, Святославѣ и Всеволодѣ Ярославичахъ, Святополкѣ Изяславичѣ, Мономахѣ, говорится даже о *мятежѣ*, *крамолѣ* и *голкѣ* въ людяхъ при избраніи Мономаха, а между тѣмъ нѣтъ ни слова о крамолахъ между князьями. Причина этому понятна: авторъ

*) Ср. Исторія Русской церкви. I. М. 1848. стр. 156.

писалъ Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, а не исторію княжескихъ усобицъ. Намъ кажется, что слово крамола въ приведенномъ мѣстѣ относится къ поступкамъ Святополка и къ безпорядкамъ въ Руси, вызваннымъ его поведеніемъ, которые продолжались до воцаренія Ярослава.

Мы не отрицаемъ, что всѣ свидѣтельства въ пользу того, что разсматриваемыя сочиненія относятся къ XI вѣку, въ совокупности могли бы отчасти заставить склониться въ пользу этого мнѣнія; но къ сожалѣнію всѣ доводы въ пользу его разрушаются нѣсколькими словами въ самомъ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ. Въ томъ же самомъ спискѣ, въ которомъ найдено столько признаковъ древности, между прочимъ упоминается о церквахъ, созданныхъ на мѣстахъ убіенія Бориса и Глѣба.

Изъ лѣтописи же извѣстно, что церкви эти построены не ранѣе XII столѣтія, а именно на Альтѣ, гдѣ убитъ Борисъ, въ 1117 г., и на Смядинѣ, гдѣ убитъ Глѣбъ, еще позже въ 1145-мъ *). Мѣсто Сказанія, гдѣ говорится объ этихъ церквахъ, никакъ нельзя счесть за позднѣйшую вставку: такъ оно слито по смыслу съ самымъ изложеніемъ Сказанія. Въ подтвержденіе приведемъ выписку изъ Сказанія по списку, напечатанному въ Хр. Чт: «И не вѣдяху мнози ту лежащю святою страстотерпцю тѣлесѣ; но якож рече Господь: не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, ни свѣщи въжегъше подъ спудомъ не поставляють, но на свѣтилѣ, да свѣтить темныя; тако и сія святая постави я свѣтити въ мирѣ премногыми чюдесы, сіяти въ Руской великой странѣ, идѣже множьство страждущихъ спасени бывають, слѣпіи прозирають, хромііи быстрии серни бывають, глухіе прострение приемлють. Но или могу вся исповѣдати или сказати творимая чюдеса? По истинѣ ни весь миръ можетъ

*) Ипат. Лѣт. стр. 8. Лавр. Лѣт. стр. 128—129. — Новгор. 1. стр. 10.

понести, яже дѣются предивная чюдеса паче пѣска морьскааго. И не ту едино, но и по всѣмъ странамъ и по всѣмъ землямъ приходяща, болезни вся и недугы отгоняща, сущихъ въ темницахъ и въ узахъ посѣщаета, и на мѣстехъ, идеже мученичьскыимъ вѣнцемъ увязостася создани бысть церкви во имя ею, да и ту тако чюдеса многа посѣщающе съдѣваета. Тѣмъ же вою како похвалити не свѣмъ, или что рещи не доумѣю и не възмогу. Ангела ли вою нареку иже обрѣтаетася бажь въскорѣ? но плотьскы на земли пожила еста въ человѣчьствѣ. Человѣка ли вою имену? но паче всѣхъ человѣка ума приходить множьствомъ чудесъ посѣщениемъ.» и проч. Этого слишкомъ довольно, чтобы видѣть ходъ мыслей автора: св. мученики не могли остаться въ безвѣстности, имъ суждено было прославиться чудесами въ цѣломъ мірѣ, въ обширной землѣ Русской, гдѣ столько страждущихъ отъ нихъ исцѣляются, слѣпые прозирають, глухіе получають слухъ и т. д.: словомъ, чудесъ такъ много, что и весь міръ не можетъ ихъ помѣстить; и не только здѣсь, но и вездѣ, по всѣмъ странамъ и по всѣмъ землямъ святые мученики, приходя, исцѣляютъ болѣзни, посѣщаютъ узниковъ; и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ пріяли мученическій вѣнецъ, построены имъ церкви для того, чтобы и тутъ они, приходя, творили многія чудеса, которыхъ столько, что авторъ не находитъ словъ для достойнаго восхваленія св. мучениковъ. Такой порядокъ мыслей автора въ Сказаніи намъ кажется совершенно естественнымъ. Что же тутъ считать за позднѣйшую вставку? Мѣсто, гдѣ говорится о церквахъ, построенныхъ въ XII в., такъ естественно слито съ предыдущимъ и послѣдующимъ, что невозможно считать этихъ словъ за чужую мысль, не принадлежащую самому автору и навязанную ему кѣмъ либо изъ послѣдующихъ редакторовъ. Все при-

веденное нами мѣсто изъ Сказанія еще менѣе возможно считать за позднѣйшую приписку: оно составляетъ существенную часть всего сочиненія и необходимо вытекаетъ изъ всего прежде сказаннаго; выбросить все это мѣсто значило бы нарушить гармонію цѣлаго сочиненія, исказить древній памятникъ и посягнуть на священное право литературной собственности писателя хотя и не XI-го, но все-таки XII-го столѣтія. Въ подтвержденіе нашихъ словъ слѣдовало бы выписать все сочиненіе; но и сдѣланная уже нами выписка довольно длинна; желающихъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго нами отсылаемъ къ самому Сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ по какому угодно списку.

Такимъ образомъ несомнѣнно то, что предлежащій памятникъ писанъ не ранѣе половины XII столѣтія; онъ не могъ быть писанъ прежде построенія упоминаемыхъ въ немъ двухъ церквей, изъ которыхъ вторая, на мѣстѣ убіенія Глѣба построена въ 1145 г.

Естественно, что авторъ, упомянувъ объ этомъ событіи половины XII вѣка, едва ли могъ умолчать въ своемъ сочиненіи о тѣхъ предшедшихъ событіяхъ, которыя непосредственно относились къ избранному имъ предмету.

Предъ нами теперь точная копія съ Погодинскаго списка, еще неизданнаго. Съ этимъ спискомъ за недостаткомъ другихъ, мы сравнимъ напечатанный въ Хр. Чт., не вдаваясь въ подробности, только бы видѣть составъ обоихъ списковъ на сколько нужно для того, чтобъ судить, какой изъ двухъ скорѣе можетъ быть признанъ болѣе первообразнымъ.

За исключеніемъ нѣкоторой разницы въ словахъ и въ правописаніи, которую очень легко было бы означить при изданіи въ подстрочныхъ варіантахъ, оба списка довольно близки. Главное ихъ различіе составляютъ пропуски въ печатномъ. На эти

пропуски мы намѣрены указать, начиная съ того мѣста, гдѣ въ печатномъ спискѣ заключается собственно текстъ сказанія и слѣдуетъ отдѣльно описаніе чудесъ (Хр. Чт. 359).

Въ рукописномъ спискѣ нѣтъ заключительныхъ словъ сказанія, помѣщенныхъ въ печ. передъ описаніемъ чудесъ: «и нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ». Вслѣдъ за предшествовавшими этому словами въ ркп. непосредственно помѣщено описаніе наружности и свойствъ Бориса, согласное съ лѣтописью. За этимъ слѣдуетъ «Сказаніе о чюдесѣхъ» св. мучениковъ, которое начинается общимъ вступленіемъ о чудесахъ, а потомъ разсказывается объ огненномъ столпѣ, о чудѣ съ Варягомъ, о пожарѣ церкви св. Василія и объ открытіи мощей при В. К. Ярославѣ митрополитомъ Іоанномъ. Ничего этого нѣтъ въ печ. Далѣе въ ркп. слѣдуетъ разсказъ о чудесахъ съ Миронѣгомъ и слѣпымъ, помѣщенныхъ въ печ. подъ №№ 1 и 2 (Хр. Чт. 359—361). Послѣ этого въ ркп. сказано: «по сихъ преставися (В. Кн.) Ярославъ», и потомъ повѣствуется о новомъ чудѣ во время перенесенія мощей въ присутствіи В. К. Изяслава, брата его Всеволода и митрополита Георгія, и объ исцѣленіи Святослава Черниговскаго. Этого также нѣтъ въ печ. Далѣе въ ркп. повѣствуется о чудѣ съ нѣмымъ и хромымъ, которое находится и въ печ. съ прибавкою ошибочнаго заглавія: «чюдо 3-е о слѣпомъ и хромомъ» и начинается въ обоихъ спискахъ словами: «бѣ нѣкто человѣкъ нѣмъ и хромъ»; изъ самаго же разсказа видно, что этотъ человѣкъ былъ зрячимъ вопреки заглавію. Потомъ въ обоихъ спискахъ повѣствуется о двухъ чудесахъ съ женщиною въ Дорогобужѣ и съ слѣпымъ; въ печ. они помѣщены подъ №№ 4 и 5. Послѣ того въ ркп. говорится о смерти Святослава Черниговскаго, строившаго церковь св. мученикамъ. «Всеволодъ же приимъ всю власть земли Руськыя и сверши ю

(церковь) всю, и яко бысть свершена и абие на ту нощь врушися ки верхъ и скрушися вся. Потомъ же преставися Всеволодъ съ миромъ.... Святополкъ же Изяславичь прия княжение въ Кыевѣ»... За тѣмъ помѣщенъ разсказъ, слышанный писателемъ отъ *самовидцевъ*, о чудѣ съ двумя мужами, которыхъ В. Кн. *Святополкъ* Изяславичь заключилъ въ темницу. Далѣе говорится объ украшеніи гроба св. мучениковъ, сдѣланномъ Мономахомъ (еще тогда княжившимъ въ Переяславлѣ), о намѣреніи Олега Черниговскаго построить церковь, о смерти Святополка, воцареніи Мономаха и о перенесеніи имъ мощей въ присутствіи князей Олега и Давыда съ сыновьями, митрополита Никифора и духовенства. Обо всемъ этомъ умолчано въ печ. сп. — Не продолжаемъ сравненія потому, что не имѣемъ подъ рукою другихъ списковъ; въ томъ же, который у насъ теперь, не достаетъ конца: чуда 6-го, помѣщеннаго въ печ., въ нашемъ сп. нѣтъ. Но изъ того, что разсказы о чудесахъ помѣщены въ рки. по порядку времени въ срединѣ разсказа о событіяхъ, непосредственно относящихся къ предмету Сказанія, надо заключать, что это чудо 6-е относится къ временамъ Мономаха. Этого не видно изъ печ. сп., какъ равно не видно и того, что чудеса 3, 4 и 5-е относятся ко времени отъ смерти В. К. Ярослава до смерти сына его Святослава Черниговскаго. Въ печ. эти разсказы о чудесахъ составляютъ какъ бы отдѣльную статью, прибавленіе къ тексту сказанія; тогда какъ въ рки. повѣствованіе не прерывается и разсказы о чудесахъ слиты съ нимъ нераздѣльно.

Къ какому заключенію можетъ привести сдѣланное сравненіе? Трудно, кажется, рѣшить окончательно, который изъ списковъ ближе къ подлиннику. Въ такомъ ли отчетливомъ видѣ авторъ написалъ первоначально все сочиненіе, или раз-

сказъ о чудесахъ и послѣдующихъ событіяхъ прибавилъ послѣ, или же эта прибавка сдѣлана кѣмъ другимъ, или же наконецъ списокъ, изданный въ Хр. Чтеніи, есть только извлеченіе изъ другаго? Дѣло въ томъ, что Сказаніе, до начала чудесъ, представляется довольно законченнымъ: историческое вступленіе, разсказъ о убіеніи Бориса и Глѣба, первое открытіе мощей и восхваленіе св. мучениковъ—вотъ части сочиненія. Очень можетъ быть, что авторъ сначала такъ и намѣренъ былъ заключить свое сказаніе. Этимъ можно объяснить, почему онъ, въ той части сочиненія, которая несомнѣнно должна быть признана первоначальною, къ слову упомянувши вскользь о церкви 1145 г., промолчалъ о дальнѣйшихъ событіяхъ послѣ открытія мощей Бориса и Глѣба. Можетъ быть также и то, что въ послѣдствіи, собравъ свѣдѣнія, авторъ продолжалъ и дополнилъ начатое.

Какъ бы то ни было, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ писано не ранѣе половины XII вѣка: это несомнѣнно. Такой приговоръ нашъ относится не къ одному только Сказанію, но также и къ Похвалѣ Владиміру, которая, какъ увидимъ, писана еще позднѣе Сказанія; что же касается до Житія, то оно не подлежитъ нашему изслѣдованію, такъ какъ мы намѣрены были говорить объ Іаковѣ мнихѣ; Іаковъ же мнихъ этого Житія не писалъ. Все это мы сей часъ увидимъ при разсмотрѣніи втораго нашего вопроса, къ которому теперь переходимъ: о томъ, кому приписать разсматриваемыя нами сочиненія?

Авторъ Похвалы извѣстенъ. Въ началѣ этого сочиненія ясно сказано, что оно написано Іаковомъ мнихомъ; слѣдовательно и сомнѣнія въ этомъ не можетъ быть никакого. Дѣло наше рѣшить по возможности, не онъ ли авторъ и остальныхъ двухъ?

Для этого прежде всего приведемъ въ подробности заглавія всѣхъ трехъ сочиненій.

Первое изъ сочиненій, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, озаглавлено такъ: «Мѣсяца Июля въ 15 день. Память и похвала князю Рускому Володимеру, како крестися Володимерь и дѣти своя крести и всю землю Рускую отъ коньца и до коньца и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Иѩковомъ мнихомъ. Господи благослови отче!» Второе озаглавлено просто: «Житіе блаженнаго Володимера». Заглавіе третьяго по характеру точно такое же какъ и перваго: «Мѣсяца Июля въ 24 день. Сказаніе страстей и похвала о убьеніи святую мученику Бориса и Глѣба. Господи благослови отче!»

Разительное сходство въ характерѣ заглавій перваго и третьяго сочиненій невольно заставляетъ уже склониться къ мысли, что авторъ Похвалы Владиміру и Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ есть одно и тоже лицо, Іаковъ мнихъ; недостаетъ только какого нибудь подтвержденія этой мысли для того, чтобы принять ее окончательно. Подтвержденіе это мы находимъ въ слѣдующемъ:—Въ сказаніи говорится: «....сущю самодержцю Рускыя земля князю Володимеру сыну Святославлю,... иже святымъ крещеніемъ просвѣти всю землю Русскую; прочая же того добродѣтели индѣ скажемъ». Обѣщаніе свое сказать о добродѣтеляхъ Владиміра авторъ сдержалъ, написавъ въ послѣдствіи Похвалу, въ которой говоритъ: «....азъ худый мнихъ Иѩковъ, слышавъ отъ многихъ о благовѣрнемъ князи Володимери всея Рускыа земля о сыну Святославлѣ, и мало собравъ отъ многыхъя, добродѣтели его написахъ и о сыну его, реку же святую и славную мученика Бориса и Глѣба,—како просвѣти благодать

Божія сердце князю Рускому Володимеру.... и вкада св. крещенія». За этимъ продолжается разсказъ исключительно о Владимірѣ до конца.

Еще могло бы родиться сомнѣніе: дѣйствительно ли приведенное мѣсто изъ Похвалы относится къ самой Похвалѣ и слова «добродѣтели его написахъ» не слѣдуетъ ли понимать такъ, что Іаковъ указывалъ ими на другое свое сочиненіе, неизвѣстное намъ, а не на Похвалу именно (Хр. Чт. 315). Если бы и такъ, то во 1-хъ, допустить подобную мысль—допустить и надежду на отысканіе когда либо еще памятника XII в., именно «Добродѣтелей», обѣщанныхъ въ Сказаніи и упомянутыхъ въ Похвалѣ; а во 2-хъ это нимало не заставляетъ отказаться отъ мысли, что Іаковъ написалъ Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, а не кто либо другой.—Какъ ни любопытно однакожь всякое, даже простое современное свѣдѣніе о памятникахъ, не дошедшихъ до насъ, тѣмъ не менѣе, судя безпристрастно, нельзя допустить такого толкованія приведенныхъ словъ Іакова. «Написахъ» естественно не могло быть употреблено иначе какъ въ прошед. врем., хотя Іаковъ и поставилъ его въ началѣ, т. е. тогда, когда все сочиненіе не было еще вполнѣ написано или, лучше, переписано. Вышеприведенныя слова Іакова ясно относятся къ Похвалѣ, и вполнѣ оправдываются всѣмъ ея содержаніемъ. Во всякомъ случаѣ они не могли относиться къ Житію,—это несомнѣнно.

Сравнивая Житіе Владиміра съ двумя другими памятниками, мы не находимъ никакой возможности приписать его одному и тому же писателю: такъ оно различно съ ними по характеру и по мыслямъ о тѣхъ же предметахъ, въ нихъ выраженнымъ. Нѣсколько словъ Житія, сходныхъ съ началомъ сказанія: «сице

убо бысть малымъ преже сихъ лѣтъ » *) показываютъ только то, что это фраза, какъ уже замѣчено выше, была общимъ мѣстомъ, или же можетъ быть и то, что автору не безъизвѣстно было Сказаніе, какъ равно и лѣтопись Нестора, изъ которой многое встрѣчаемъ въ Житіи слово въ слово. Кто изъ нихъ кѣмъ пользовался—предоставляемъ себѣ изслѣдовать когда нибудь; теперь же рѣчь о другомъ: о причинахъ, почему нельзя приписать Житія Іакову. Причины эти въ разнорѣчіяхъ Похвалы и Житія. Такъ напр. Іаковъ въ Похвалѣ называетъ В. Кн. Владиміра святымъ и праведнымъ, Апостоломъ въ князехъ (Хр. Чт. 320, 324—325), а сочинитель Житія молится для него о вѣнцѣ праведнаго, укоряетъ современниковъ, что они не воздаютъ должной чести памяти Владиміра и предлагаетъ молиться о немъ, чтобы Богъ прославилъ его (Хр. Чт. 335), хотя въ то же время называетъ его также святымъ (Хр. Чт. 336) вмѣстѣ съ царемъ Константиномъ. У Іакова въ Похвалѣ сказано, что Владиміръ жилъ во св. крещеніи 28 лѣтъ; а сочинитель Житія говоритъ, что Владиміръ умеръ послѣ крещенія спустя 33 года (Хр. Чт. 328, 334). Кромѣ того въ одномъ изъ списковъ этого самаго Житія означено имя автора (Опис. Рум. Муз. 434), опущенное неизвѣстно по какой причинѣ въ спискѣ, напечатанномъ въ Хр. Чт. По списку, упоминаемому нами, въ заключеніи Житія написано: «....чающе надежа великаго Бога, Спаса нашего Іисусъ Христа, воздати комуждо противу дѣломъ неизреченную радость, юже буди улучити всѣмъ крестьяномъ *и мнѣ грѣшному Ѳеодосію* (Хр. Чт. 335—336).

Непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ молитва: «О святая

*) Сказаніе начинается словами: «Родъ праведныхъ благословится, рече Пророкъ, и сѣмя ихъ въ благословеніи будетъ (Пс. III, 3.). Сице убо бысть....» и проч.

царя Константине и Володимере! Помогайта на противныя сродникомъ ваю и люди избавляйта отъ всякыя бѣды Грѣческыя и Рускыя *и о мнѣ грѣшнемъ* помолитася Богу, яко имуще дерзновение къ Спасу, да спасуся ваю молитвами. Молюся и мило васъ дѣю *писанїемъ грамотица сея малыя*, юже, похваляя *) ваю, написахъ недостойнымъ умомъ и худымъ невѣжьственнымъ смысломъ....» и проч.

Не ясно ли, что со вставкою пропущенныхъ словъ: «и мнѣ грѣшному Ѳеодосію» молитва неразрывно связывается со всѣмъ предыдущимъ, безъ чего она кажется какою-то приставкою. Ясно также, что имя Ѳеодосія не имя писца, такъ какъ въ молитвѣ сказано, что онъ же грѣшный (Ѳеодосій) написалъ грамотицу малую въ надеждѣ на милость святыхъ царей Константина и Володиміра.

Если такъ, то нѣтъ никакой надобности искать автора Житія и приписывать сочиненіе одного писателя другому, и притомъ еще такому, которому оно уже ни въ какомъ случаѣ не могло принадлежать. И такъ, Житіе Владиміра написано Ѳеодосіемъ. Какимъ и когда? Это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не войдемъ, такъ какъ онъ не относится къ Іакову мниху.

Теперь объ Іаковѣ.

Его нельзя смѣшивать въ одно съ другими лицами этого имени, жившими въ XI столѣтіи, каковъ несомнѣнно Іаковъ пресвитеръ, современникъ св. Ѳеодосія Печерскаго, и каковъ

---

*) Въ печат. «похваляю», гдѣ *ю* поставлено вмѣсто ѭ, написаннаго вмѣсто ѩ: это причастіе; *юже* относится не къ нему, а къ *написахъ*. *Редакт.*

вѣроятно черноризецъ Іаковъ, современникъ Іоанна митрополита, прозваннаго пророкомъ Христа, писавшаго отвѣтъ на вопросы предложенные Іаковомъ.

Что касается до перваго, то въ лѣтописи означенъ и самый 1074 годъ, подъ которымъ объ немъ упоминается.

О второмъ Іаковѣ можно рѣшить по соображеніямъ о современномъ ему митрополитѣ Іоаннѣ.

Судя по отзывамъ лѣтописи о митрополитѣ Іоаннѣ II, надо заключать что онъ, а не другой митрополитъ этого имени названъ «пророкомъ Христа» *) и будучи «хытръ книгамъ и ученью, рѣчистъ книгами святыми» написалъ «Правило церковное отъ святыхъ книгъ Иякову черноризцю». А какъ митрополитъ Іоаннъ II жилъ въ 1080—1089 гг. то и черноризецъ Іаковъ не есть Іаковъ мнихъ, написавшій Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ послѣ 1145 г. и Похвалу Владиміру еще позже.

Есть еще Іаковъ чернецъ, написавшій посланіе къ духовному сыну Дмитрію, или къ Великому Князю Дмитрію. Языкъ этой статьи, по мнѣнію А. Х. Востокова, гораздо древнѣе временъ Дмитрія Юрьевича и Дмитрія Донскаго, а потому Г. Востоковъ полагаетъ, что если слова «Великому Князю» не позднѣйшая приписка, то здѣсь дѣло идетъ о В. К. Дмитріѣ Александровичѣ (1276—1294) а можетъ даже еще о древнѣйшемъ В. К. Всеволодѣ Юрьевичѣ (1176—1212), носившемъ въ крещеніи имя Дмитрія. Итакъ знаменитый филологъ нашъ остановился на князьяхъ XIII и конца XII столѣтій, притомъ прежде на позднѣйшемъ. М. П. Погодинъ считаетъ этого Дмитрія Изяславомъ Ярославичемъ (1054—

---

*) Неволинъ—о Митр. Іоаннѣ II, см. выше стр. 73—74.

1078), который также имѣлъ христіанское имя Димитрія. Если чернецъ Іаковъ дѣйствительно былъ духовникомъ В. К. Димитрія-Изяслава (1078 г.), то онъ по времени и по имени могъ быть тѣмъ самымъ черноризцемъ Іаковомъ, къ которому митрополитъ Іоаннъ писалъ посланіе. Предположеніе, что оба одно и тоже лицо, можно будетъ принять тогда, когда оно хоть чѣмъ нибудь подтвердится. Во всякомъ случаѣ духовникъ В. К. Димитрія-Изяслава не есть одно лицо съ нашимъ Іаковомъ мнихомъ; если же чернецъ Іаковъ былъ духовникомъ Димитрія-Всеволода (1176—1212), то могъ быть и нашимъ Іаковомъ, какъ и всякій монахъ этого имени, жившій въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтія. Впрочемъ, кромѣ того что оба Іакова писали и можетъ быть въ одно время, — нѣтъ никакихъ другихъ основаній считать ихъ за одно и то же лицо, а потому и разсужденія объ этомъ ни къ чему положительному не приводятъ.

Заключеніе всего сказаннаго нами такое: Іаковъ-мнихъ, Русскій писатель XII вѣка, написалъ Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, Память и Похвалу В. К. Владиміру и можетъ быть еще какое нибудь сочиненіе, до насъ не дошедшее или не открытое. Больше этого объ Іаковѣ мнихѣ ничего неизвѣстно.

Такимъ образомъ всѣ разсужденія привели насъ къ мыслямъ, уже высказаннымъ Академикомъ П. Г. Бутковымъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ «Разборъ трехъ древнихъ памятниковъ Русской духовной литературы», напечатанномъ въ апрѣльской книжкѣ Современника 1852 г.

Какъ ни увлекательно было бы, признавъ Іакова писателемъ XI вѣка, а не позднѣйшаго времени, въ сочиненіяхъ его видѣть памятники первоначальнаго просвѣщенія Руси, — тѣмъ

не менѣе, какъ намъ кажется, нельзя не склониться на сторону мнѣнія Академика П. Г. Буткова: вѣрностію выводовъ и безпристрастіемъ оно говоритъ само за себя *).

*) Считаемъ долгомъ замѣтить, что самостоятельная повѣрка выводовъ П. Г. Буткова, здѣсь представленная *А. Ѳ. Тюринымъ*, обнявъ ихъ вполнѣ въ отношеніи къ лицу Іакова-мниха, не касается только нѣкоторыхъ стороннихъ вопросовъ. Такъ здѣсь нѣтъ ничего: 1) о *неполнотѣ* списка Сказанія, изд. въ Хр. Чт. (Разб. стр. 8), 3) о томъ, что авторъ Житія пользовался Несторомъ, а не на оборотъ (Разб. стр. 5 и 6), 3) о томъ, кто такой былъ Ѳеодосій, написавшій Житіе Владиміра (стр. 5). Кромѣ того П. Г. Бутковъ признаетъ, что митрополитъ Іоаннъ, прозванный пророкомъ Христа, былъ Іоаннъ IV, и что онъ-то писалъ Посланіе объ опрѣснокахъ. *Редакт.*

V.

О МИТРОПОЛИТѢ ІОАННѢ II,

КАКЪ СОЧИНИТЕЛѢ ПОСЛАНІЯ КЪ АРХІЕПИСКОПУ РИМСКОМУ КЛИМЕНТУ

О ОПРѢСНОКАХЪ.

Записка Профессора К. А. Неволина.

Въ хронологическомъ изслѣдованіи о времени жизни извѣстнаго лица, чѣмъ съ бо̀льшею точностію опредѣляются время и обстоятельства жизни другихъ лицъ, съ которыми это лицо могло находиться въ сношеніяхъ, тѣмъ съ бо̀льшею выпуклостію выдвигается передъ нами образъ его, тѣмъ тверже установляется мѣсто его во времени. Такимъ образомъ, предполагая, что въ XI вѣкѣ былъ у насъ писатель, нѣкто Іаковъ мнихъ или черноризецъ, и что онъ велъ переписку съ митрополитомъ Іоанномъ II, послѣдствіемъ которой было извѣстное Посланіе «Іоанна Митрополита Рускаго, нареченаго пророкомъ Христа, къ Іякову черноризьцю», съ изложеніемъ правилъ о различныхъ предметахъ церковнаго благочинія,—важно опредѣлить значеніе этого митрополита какъ писателя. Изъ четырехъ митрополитовъ Русскихъ, носившихъ по іерархическимъ каталогамъ

имя Іоанна и жившихъ въ XI и XII столѣтіяхъ, Іоаннъ III, управлявшій Русскою церковію одинъ только годъ (1089 — 1090 г.), не можетъ имѣть, согласно словамъ Нестора, никакого притязанія на славу авторства. За тѣмъ остаются прочіе три Іоанна: изъ нихъ Іоаннъ I правилъ Русскою церковію 1018—1035, Іоаннъ II 1080—1088, Іоаннъ IV 1164— 1166 г. Достоинство втораго изъ нихъ, какъ писателя, можетъ быть подтверждено такимъ свидѣтельствомъ, которое не оставляетъ желать лучшаго, какъ скоро предполагается за достовѣрное, что митрополитъ Іоаннъ III не былъ писатель. При этомъ предположеніи, только митрополиту Іоанну II, а не другому какому либо, можетъ принадлежать посланіе, которое сохранилось до сихъ поръ какъ на Славянскомъ, такъ на Греческомъ и на Латинскомъ языкахъ, и которое на Славянскомъ языкѣ имѣетъ надписаніе: «Къ Архіепископу Римьскому отъ Іоанна Митрополита Рускаго о опрѣсноцѣхъ», а въ рукописяхъ на Греческомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, прямо значится писаннымъ къ Римскому папѣ Клименту. Два ученые представили изслѣдованія объ этомъ посланіи: Калайдовичь въ Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка с. 207 и 208 (въ Предисловіи къ изданному тамъ Славянскому тексту этого посланія) и Митрополитъ Евгеній въ Словарѣ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина (въ статьѣ: «Іоаннъ III, а по счету другихъ каталоговъ IV»).

На Славянскомъ языкѣ извѣстны слѣдующія рукописи этого посланія:

1. Рукопись библіотеки Гр. Толстова Отд. 3. № 65, принадлежащая теперь Императорской Публичной Библіотекѣ (въ С. Петербургѣ), въ 8-ю долю листа, полууставная, на пергаменѣ, конца XIV или начала XV вѣка, на 150 листахъ.

Посланіе Митрополита Іоанна находится въ этой рукописи, на *л.* 138—148. *Нач*: «Възлюбихъ, Господи, любовь твою, человѣче Божій!»

2. Рукопись также библіотеки Графа Толстова Отд. 2. № 341, принадлежащая теперь Императорской Публичной Библіотекѣ, въ 4-ку, скорописная, XVI вѣка, на 377 листахъ. Здѣсь на *л.* 225—227 помѣщены два отрывка изъ посланія Іоанна митрополита Русскаго къ Римскому Архіепископу.

3. Кормчая Румянц. Муз. № 238, писанная въ большой листъ, полууставомъ, въ 1620 году. Здѣсь на *стр.* 545 и *слѣд*: находится посланіе «Іванна митрополита Русскаго къ Архіепископу Римскому о опрѣсноцѣхъ».

4. Рукопись Московской Синодальной Библіотеки № 562, подъ заглавіемъ: «Посланія Россійскихъ митрополитовъ и другихъ лицъ», въ 4° листа, XVI вѣка. Объ этой рукописи вообще см. въ *Дополн. къ Акт. Ист. т.* I. № 11 (*въ концѣ*). О томъ, что въ ней есть посланіе митрополита Іоанна къ Римскому архіепископу, см. у Калайдовича и митрополита Евгенія въ указанныхъ выше сочиненіяхъ.

5. Кормчая Библіотеки Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ, Отд. I. № 108, XVI вѣка, въ л., полууставная, на 230 листахъ. Посланіе митрополита Іоанна вставлено здѣсь въ грань вторую.

Въ Книгѣ, несправедливо называемой *Кирилловою*, напечатанной въ Москвѣ въ 7152 (1644) г. при Патріархѣ Іосифѣ, помѣщена, на *л.* 257, выписка изъ посланія Іоаннова, подъ заглавіемъ: «Указаніе отъ Правилъ обличительно на ереси Латинскія, Іоанна митрополита Русскаго Архіепископа, о опрѣсноцѣхъ». Все посланіе напечатано Калайдовичемъ въ

указанномъ выше изданіи (*стр.* 209—218) по списку библіотеки Гр. Толстова Отд. 3. № 65.

На Греческомъ языкѣ это посланіе находится въ библіотекахъ: Московской Синодальной *), Императорской Вѣнской, Венеціанской св. Марка, Парижской и Оксфордской **). Рукопись Московской Синодальной библіотеки писана въ XIV вѣкѣ, и посланіе митрополита Іоанна въ ней значится писаннымъ именно къ папѣ Клименту. Какимъ вѣкамъ принадлежатъ рукописи прочихъ библіотекъ, и значится ли въ нихъ посланіе митрополита Іоанна писаннымъ къ тому же папѣ, мнѣ неизвѣстно. Левъ Аллатій (въ сочиненіи: De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione, Coloniae Agripp. 1648. pag. 474) приводитъ, на Греческомъ языкѣ, съ Латинскимъ переводомъ одно мѣсто изъ этого посланія (объ утвержденіи пра-

---

*) См. Accurata codicum Graecorum mss. bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio, ed. a *Chr. Frid. de Matthaei*. T. I. Lipsiae, 1805. 8. Здѣсь подъ № CCCLIII значится: Codex in charta bombycina sec. XIV, huc missus a Dositheo patriarcha Hierosolymitano. Fol. 100 ἰωάννȣ μητροπολίτȣ ρωσίας ἐπιστολη πρὸς κλήμεντα πάπαν τῆς πρεσβυτέρας ρώμης· ἀπεδεξάμην τὴν εν κυρίῳ ἀγάπὴν σȣ. Въ указателѣ авторовъ, помѣщенномъ при II-мъ томѣ каталога Маттеева, приводится только одинъ разъ Ioannes metropolita Rossiae, со ссылкою на № 353.

**) *Fabricii* bibliotheca Graeca, ed. *Harles*. Vol. XI. Hamb. 1808. pag. 651: «Ioannes metropolita Russiae in epistola ad Clementem (VIII. qui ab a. 1592 ad 1605 papatum tenuit), citatur ab Allatio de consensu p. 474. *Fabr*. MSS. *Vindobon*. in cod. caes. CCLXXXII. nr. 1. v. *Lambec*. V. p. 469. qui citat in not. 3. *Sigismundi L. B. in Herberstein* commentar. rerum Moscoviticarum, Basil. typis I. Oporini, 1551. fol. p. 30. — *Venetiis* in bibl. Marc. cod. CLXXX. v. cat. codd. gr. Marc. p. 104. et cel. Morell. bibl. MSSt. gr. et lat. I. p. 105 cui videtur epistola scripta de differentia fidei Russos inter et Latinos.—*Paris*. in bibl. publ. codd. CDLXXVIII. nr. 6. CMLXVIII. nr. 16 et MCCCXLIII. nr. 1. — *Oxon*. in bibl. Bodlei. cod. Barocc. LXXVI.—*Harl*.» Выписанное здѣсь до замѣтки *Fabr*. находится въ ed. 3. T. X. Hamb. 1737. 4. p. 521; прочее за тѣмъ есть прибавленіе Гарлеса.

вилъ Шестаго Вселенскаго Собора согласіемъ папы Агаѳона). Онъ именуетъ папу, къ которому писано посланіе, Климентомъ, основываясь, конечно, на какой нибудь Греческой рукописи, изъ которой заимствовалъ приведенное мѣсто.

Герберштейнъ, бывши въ Москвѣ, перевелъ это посланіе, кажется, съ Русскаго языка на Латинскій и помѣстилъ его въ своихъ запискахъ (Rerum Moscoviticarum commentarii, ap. *Starczevski pag.* 22) *) Отсюда, можетъ быть, оно перешло въ одно Греческое рукописное собраніе каноновъ **).

Къ какому же папѣ было писано посланіе?

Я уже замѣтилъ, что Греческая рукопись Московской Синодальной Библіотеки, въ которой находится посланіе Митрополита

---

*) Первое изданіе сочиненія Герберштейна вышло въ Вѣнѣ (въ 1549 г., но безъ означенія года). Какъ Греческій текстъ посланія митрополита Русскаго Іоанна къ Римскому папѣ Клименту до сихъ поръ не изданъ въ печати, то и нельзя судить, подходитъ ли переводъ Герберштейна ближе къ Русскому или къ Греческому тексту посланія. Впрочемъ, вѣроятнѣе, что Герберштейнъ не имѣлъ въ виду Греческаго текста: 1) потому что онъ не говоритъ объ этомъ; 2) потому что онъ не называетъ Римскаго архіепископа по имени, тогда какъ въ Греческихъ рукописяхъ этотъ архіепископъ прямо называется папою Климентомъ; 3) Герберштейнъ даже съ сомнѣніемъ выражаетъ, что это посланіе писано къ Римскому архіепископу: ad archiepiscopum, ut ipsi dicunt, Romanum; 4) начало посланія у Герберштейна: dilexi decorem tuum, болѣе соотвѣтствуетъ началу Славянскаго, нежели Греческаго, текста.

**) *Fabricii* bibliotheca Graeca, ed. *Harles* Vol. XII. Hamb. 1809. pag. 197: «Ait in praefatione Ehingerus» (ad librum a se editum Κάνονες τῶν Ἀποστόλων καὶ τῶν ἁγίων Συνόδων Viteb. 1614. 4) «contulisse se etiam codicem MS graecum canonum, suppeditatum ab Höschelio, sed in libro illo nullum ejus rei documentum reperire potui, neque ad calcem voluminis quicquam aliud accessionis loco habetur, quam 1) Ioannis metropolitae Russiae epistola lat. ad episcopum rom. data a. 1549 et a Sigismundo ab Herberstein publica*t*a in Rerum moscoviticarum commentariis. 2) Symbolum fidei» etc. Все это мѣсто есть уже въ ed. 3. t. XI. Hamb. 1740. 4. pag. 40.

Русскаго Іоанна, принадлежитъ XIV в., а Славянская рукопись Графа Толстова, Отд. 3. № 65 съ тѣмъ же посланіемъ — концу XIV или началу XV вѣка, что въ первой рукописи оно надписано къ папѣ Клименту, и у Льва Аллатія приводится какъ писанное къ папѣ того же имени. Вотъ исходныя точки для рѣшенія предложеннаго вопроса! Надобно при томъ, чтобы Римской престолъ занималъ папа съ именемъ Климента тогда, когда въ Россіи въ то же время былъ митрополитъ Іоаннъ.

Албертъ Фабрицій сначала полагалъ, что посланіе писано къ Клименту VIII, занимавшему папскій престолъ съ 1592 до 1605 г. Потомъ онъ отнесъ это посланіе къ 1549 году, или, можетъ быть, только смѣшалъ годъ обнародованія этого посланія Герберштейномъ въ Латинскомъ переводѣ съ годомъ написанія *). Но справедливо замѣтилъ уже митрополитъ Евгеній, что въ 1592 — 1605 г. не было никакого Русскаго митрополита Іоанна, а начальствовалъ тогда въ Россійской церкви патріархъ Іовъ; что въ 1549 г. никакого не было ни въ Россіи митрополита Іоанна, ни въ Римѣ папы Климента. Сверхъ того, предположеніе, что посланіе было писано къ папѣ Клименту VIII опровергается и тѣмъ, что посланіе находится уже у Герберштейна въ изданіи 1549 года; то же предположеніе, а равно предположеніе, что посланіе писано въ 1549 году, опровергается тѣмъ, что оно на Греческомъ и на Славянскомъ языкахъ находится въ рукописяхъ XIV или XV вѣка.

Сочинитель Кіевскаго каталога Всероссійскихъ митрополитовъ **) и, можетъ быть, уніатъ Кульчинскій въ книгѣ Spe-

---

*) См. предъидущ. прим.

**) Подъ симъ каталогомъ разумѣется «Роспись митрополитовъ Кіевскихъ», помѣщенная въ Московскомъ любопытномъ мѣсяцословѣ на 1776-й годъ, изд. Рубана, М. 8. Въ этой росписи объ Іоаннѣ III (*стран.* 70—71) замѣчается, что онъ былъ митрополитомъ «1164—

cimen ecclesiae Ruthenicae *), полагали, что разсматриваемое посланіе писано къ папѣ Александру III (1159—1181 г.), современнику Русскаго митрополита Іоанна III. У Митрополита Евгенія приведено это мнѣніе безъ всякихъ опроверженій. Оно не можетъ быть принято потому, что посланіе въ Греческихъ рукописяхъ надписывается, какъ уже сказано, къ папѣ Клименту.

Калайдовичъ сообщилъ объ этомъ посланіи только мнѣнія другихъ, безъ всякаго съ своей стороны сужденія.

Митрополитъ Евгеній, сдѣлавши общее замѣчаніе, что «при всѣхъ Россійскихъ митрополитахъ Іоаннахъ не было ни какого папы Климента современникомъ имъ», полагаетъ однако же, что «посланіе Іоанново несомнительно по всѣмъ вышеупомянутымъ свидѣтельствамъ, а ошибка только въ надписи имени папы», приписываетъ посланіе митрополиту Іоанну III, а по счету другихъ каталоговъ IV (1164—1166 г.), и сочи-

---

1166, а Палинодія 1176 лѣто ему полагаетъ», и далѣе пишется: «сей митрополитъ бѣ премудръ въ ученіи духовномъ и мірскомъ и писалъ ко Римскому папѣ Александру Третьему, увѣщевая его обратится ко древнему благочестію и съ восточною Православною церковію къ соединенію». Ссылка на Палинодію раждаетъ мысль, не заимствовано ли это извѣстіе оттуда.

***) Въ Specimen ecclesiae Ruthenicae per *Ignatium Kulczynsky*, Romae, 1733. 8. *pag.* 114, о митрополитѣ Іоаннѣ III пишется: «Ioannes III similiter Graecus vir, sacris prophanisque literis ornatus, ad primam Russiae Cathedram promotus fuit anno 1176. Hic Archipraesul reddidit per epistolam obedientiam Alexandro III Pontifici Romano, ita exigente Rostislao Orthodoxo Principe Isaslai successore, ut testatur Stricovius fol. 224». Эта ссылка на Стрыковскаго относится только къ словамъ: Isaslai successore. Извѣстія о митрополитѣ Іоаннѣ и о сношеніяхъ его съ папою Александромъ III у Стрыковскаго въ Kronica polska, litewska etc. v Krolewcu 1582. fol. 224 совсѣмъ нѣтъ. Не занялъ ли свое извѣстіе Кульчинскій также изъ Палинодіи, исказивши только ея слова по своему?

нителя этого посланія отличаетъ отъ митрополита Іоанна II, которому приписываетъ извѣстное Правило церковное, надписанное къ Іакову черноризцу.

Въ «Очеркѣ исторіи Русской церкви въ періодъ до-Татарскій» (Спб. 1847. 8. с. 69) разсматриваемое посланіе прямо отнесено къ Іоанну IV. Доказательствъ никакихъ не представлено; вѣроятно, принято только мнѣніе, высказанное въ Кіевскомъ каталогѣ Всероссійскихъ митрополитовъ и у Кулчинскаго.

Равнымъ образомъ въ «Исторіи Русской церкви» (періодъ I. М. 1848. 8. с. 84 и 89) принято, впрочемъ также безъ приведенія какихъ либо доказательствъ, что посланіе писано митрополитомъ Іоанномъ IV въ 1164—1166 годахъ, и слѣвательно къ папѣ Александру III.

Въ изслѣдованіи о лицѣ, къ которому писано посланіе митрополитомъ Русскимъ Іоанномъ, должно держаться несомнительно надписанія Греческихъ рукописей, по которымъ оно показывается писаннымъ къ папѣ Клименту. Не было ли дѣйствительно между Римскими папами какого нибудь, съ именемъ Климента, современника одному изъ нашихъ митрополитовъ Іоанновъ XI и XII вѣка? Изъ истинныхъ и признанныхъ Римско-Католическою церковію папъ такого, дѣйствительно, не было. Но съ именемъ Климента былъ одинъ антипапа, и притомъ современникъ нашимъ митрополитамъ Іоаннамъ—II и III. Извѣстно, что по настоянію Нѣмецкаго короля Генриха IV, бывшаго въ распрѣ съ Григоріемъ VII Гильдебрандомъ, на сеймѣ въ Бриксенѣ 25 Іюня 1080 года избранъ былъ въ папы архіепископъ Равеннскій, канцлеръ Гейнриха, Гибертъ, который принялъ наименованіе Климента III. Онъ умеръ въ 1099 году, спустя двадцать лѣтъ послѣ своего избранія и сопротивленія тремъ законнымъ папамъ.

Этому папѣ были современны Русскіе митрополиты: Іоаннъ II и Іоаннъ III. Къ нему слѣдовательно было писано посланіе однимъ изъ Русскихъ митрополитовъ Іоанновъ. И какъ митрополитъ Іоаннъ III не былъ писателемъ, то посланіе могло быть писано только Іоанномъ II.

Такимъ образомъ честь авторства, по устраненіи митрополита Іоанна III, принадлежитъ митрополиту Іоанну II несомнительно. Почему этотъ же митрополитъ Іоаннъ II долженъ быть признанъ и сочинителемъ посланія къ Іакову черноризцу, которое надписывается: «Іоанна митрополита Русскаго, нареченнаго пророкомъ Христа *), написавшаго Правило Церковное

*) Калайдовичь (въ *Русс. Достоп.* ч. 1. с. 88) о названіи пророка Христова, приписываемаго митрополиту Іоанну, сдѣлалъ замѣчаніе, что названіе пророка было нѣкогда общимъ именемъ многихъ архипастырей Греческихъ, и что многіе митрополиты Русскіе, прибывшіе изъ Греціи, могли его удержать за собою. Митрополитъ Евгеній (см. въ его Словарѣ: Іоаннъ II) считаетъ это замѣчаніе несправедливымъ Но въ пользу Калайдовича можно привести свидѣтельства изъ Дюканжа (см. въ его Словаряхъ слова προφήτης и propheta). *)

*) Для тѣхъ, у кого нѣтъ подъ рукою словарей Дюканжа, отмѣтимъ, что въ нихъ есть между прочимъ выписка изъ стар. Глоссарія Латино-Греческаго, гдѣ слово Antistites толкуется какъ ἱερεῖς ζάκοροι, προφῆται, ἐπίσκοποι; къ этой выпискѣ прибавлено замѣчаніе, что слово προφήτης въ такомъ значеніи встрѣчается у Макровія и пр. Въ такомъ же и въ подобномъ значеніи употребляемо было и слово praedicator. Не менѣе Дюканжевыхъ любопытны замѣчанія Стефана въ Thesaurus Ling. Gr., Шлейснера въ Lexicon in N. T. подъ словами προφήτης и προφητεύω и пр. Здѣсь кстати вспомнить, что въ нѣкоторыхъ старыхъ Славян. ркпсяхъ слово κήρυγμα (проповѣдь: Кор. AXV : 14) переведено словомъ *пророчьство*, *пророкованию* (такъ же какъ и προφητεία: Тим. А. I: 18. IV : 14). Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то мѣсто Правила м. Іоанна, гдѣ слово *пророкъ* употреблено въ особенномъ смыслѣ: «Иже въ пѣнии Въскресни Господи и Всяко дыханию и въ Алѣлугия и въ Прокимонъ вечерним церковныхъ — иерею̀мъ и архиереюмъ сѣдати, бѣлцемъ или простьцемь никакоже, аще князь илі пророкъ будетъ». Дальнѣйшія разсужденія объ этомъ будутъ высказаны въ другомъ мѣстѣ. *Редакт.*

отъ Святыхъ книгъ вкратцѣ Іакову Черноризцу». Тѣмъ болѣе оба посланія, т. е. посланіе къ папѣ Клименту и посланіе къ Іакову Черноризцу, надобно приписать одному лицу, что въ сочинителѣ того и другаго посланія выражается равно-обширное знаніе церковныхъ законовъ.

И такъ Іаковъ Черноризецъ, кто бы онъ ни былъ, находился въ перепискѣ съ митрополитомъ Іоанномъ II (а не другимъ какимъ либо) и былъ ему современникъ.

V.

ДРЕВНІЯ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ

X — XI ВѢКА.

Записка И. И. Срезневскаго.

Всегда и вездѣ какъ драгоцѣнности чтимы были тѣ древніе памятники языка и словесности, въ которыхъ слово является самобытнымъ, вольнымъ и невольнымъ изображеніемъ мыслей и чувствъ народа или лицъ, связанныхъ съ нимъ духовнымъ родствомъ. Таковы между прочимъ лѣтописи и отдѣльныя сказанія; таковы и жизнеописанія мужей, которыхъ подвигами дорожила память народная. Что эти послѣднія могли и даже иногда должны были быть содержаніемъ отдѣльныхъ повѣствованій, этого нельзя оспорить ни силой разсужденій, ни силой данныхъ. Содержаніемъ отдѣльныхъ повѣствованій *могли* быть жизнеописанія лицъ всякаго рода, заслужившихъ народное уваженіе; содержаніемъ отдѣльныхъ повѣствованій *должны были* быть жизнеописанія тѣхъ лицъ, которыхъ имена внѣдрялись въ совѣсти народа вмѣстѣ съ религіозными убѣжденіями, съ сознаніемъ заслугъ этихъ лицъ какъ подвижниковъ вѣры. Воспоминанія о дѣлахъ первыхъ, не рѣдко безъ занесенія въ лѣ-

тописи, становились достояніемъ народныхъ преданій, рапсодій и цѣлыхъ эпопей; воспоминанія о дѣлахъ вторыхъ считали долгомъ своимъ сохранить въ отдѣльныхъ повѣстяхъ по крайней мѣрѣ служители вѣры. Такъ было всюду.—Было ли такъ и у насъ? При раскрытіи древнихъ памятниковъ нашей письменности въ новое время, лѣтописи не могли не обратить на себя вниманія прежде многихъ другихъ, и многія изъ жизнеописаній, въ нихъ найденныхъ, сочтены были за ихъ исключительное достояніе. Найденные потомъ отдѣльные списки жизнеописаній показались выписками изъ лѣтописей, которымъ приданы были только внѣшнія формы отдѣльности. Но такъ ли и было, какъ показалось? Была ли такъ счастлива древняя Русь, что въ своихъ первыхъ лѣтописцахъ имѣла и первыхъ жизнеописателей всѣхъ своихъ великихъ людей, между прочимъ и тѣхъ, которые прославлены Церковію, такихъ жизнеописателей, трудами которыхъ, какъ главнымъ или даже единственнымъ источникомъ, можно было пользоваться при составленіи отдѣльныхъ жизнеописаній? Это вопросъ не новый, потому что онъ уже нѣсколько разъ былъ поднимаемъ; но и не устарѣвшій, потому что и до сихъ поръ остается не совсѣмъ рѣшеннымъ. Рѣшена только часть его: позднѣйшіе составители передѣлокъ и сводовъ жизнеописаній пользовались лѣтописями; это доказывается данными, столь ясными и разнообразными, что при нихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но эта часть вопроса есть самая неважная. Гораздо важнѣе та, которая касается древнѣйшихъ годинъ нашей письменности. Лѣтопись Несторова, заключенная припиской игумена Сильвестра 1116 года, содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ жизнеописаній. Изъ того, что всѣ списки этой лѣтописи отличаются одни отъ другихъ почти только мелочами, тогда какъ событія послѣдующія за 1110 годомъ описываются

въ разныхъ спискахъ различно, можно выводить, что въ 1116 году она была въ томъ же видѣ какъ есть и теперь. Такой выводъ, можетъ быть, и не *совершенно* справедливъ; но во всякомъ случаѣ въ высшей степени вѣроятенъ. Жизнеописанія, находящіяся въ этой лѣтописи, составлены ли всѣ самимъ лѣтописцемъ, или же внесены имъ въ нее изъ разныхъ источниковъ, если не всѣ, то хоть нѣкоторыя, и какія именно? Вотъ важнѣйшая часть вопроса, нами обозначеннаго: не мудрено, что на нее устремлялась изыскательность нашихъ ученыхъ все болѣе; но она же и самая трудная: не мудрено, что отвѣтныя изслѣдованія приводили и приводятъ къ довольно различнымъ рѣшеніямъ. Сожалѣть ли объ этомъ? Едва ли! Сожалѣть можно скорѣе о томъ, что многіе древніе памятники нашей словесности и этого рода и другихъ до сихъ поръ еще не довольно извѣстны, не только не изданы, и что ихъ неизвѣстность не можетъ не мѣшать успѣшному ходу изслѣдованій, неоспоримо важныхъ для раскрытія древнихъ судебъ нашей образованности, а можетъ быть и сочувствію къ тому, что осталось намъ отъ предковъ, сочувствію, которое должно быть святыней для всякаго великаго народа. Равнодушіе ученыхъ, призванныхъ радѣть объ этой святынѣ: вотъ что достойно сожалѣнія — тамъ, гдѣ оно есть; а не разнообразіе ихъ соображеній и мнѣній, всегда благодѣтельныхъ для пробужденія вниманія къ тому, чего оно касается.

Впрочемъ разнообразіе мнѣній не всегда есть признакъ кореннаго ихъ различія. Самыя разнообразныя мнѣнія могутъ быть слѣдствіемъ только взгляда на особенныя стороны разсматриваемаго предмета: взглядъ на каждую раждаетъ особенное мнѣніе; соединеніе взглядовъ можетъ привести разнообразіе мнѣній къ примиряющему единству. Не всегда и это примиреніе мнѣній можетъ быть удачно—по односторонности, по

недостатку данныхъ для соображенія, или по слабости соображенія; но и оно не напрасно, какъ не напрасно всякое новое мнѣніе, высказываемое съ любовью къ дѣлу.

Такъ думалось мнѣ при чтеніи различныхъ мнѣній о нашихъ древнихъ лѣтописяхъ и жизнеописаніяхъ, и эта дума придала мнѣ рѣшимость передать на судъ изслѣдователей и свои посильныя соображенія.

На этотъ разъ, по поводу предшествовавшихъ чтеній, представляю замѣчанія о древнихъ жизнеописаніяхъ князя Владимира и князей Бориса и Глѣба.

Немногіе изъ древнихъ князей Русскихъ прославлены въ столь многихъ сказаніяхъ какъ Равноапостольный. Одно изъ превосходнѣйшихъ и вмѣстѣ, вѣроятно, древнѣйшее есть «Похвала кагану нашему Владимиру» пресвитера Илларіона, бывшаго послѣ (съ 1051 г.) митрополитомъ (См. въ Прибавл. къ Твор. св. О. 1844. II. стр. 329, и въ Чтеніяхъ М. Общ. Древностей, годъ III. № 7). Никто еще не отрицалъ, что это твореніе современно первымъ годамъ прославленія Владимира, какъ написанное еще при жизни Ярослава, произнесенное въ храмѣ, можетъ быть, въ его присутствіи, между 1037, когда построена церковь Благовѣщенія, въ немъ упоминаемая, и 1050, когда скончалась супруга Ярослава Ирина, о которой въ Похвалѣ говорится какъ еще о живущей подъ охраной Господа. Надо быть совсѣмъ непривычнымъ къ подобнымъ произведеніямъ, чтобы не чувствовать наслажденія при чтеніи этой Похвалы, столь же драгоцѣнной и какъ свидѣтельство высшей образованности хоть нѣсколькихъ изъ членовъ нашего Русскаго духовенства того времени (Илларіонъ былъ Русскій), и какъ художественный панегирикъ первому просвѣтителю Руси. Срав-

нивая ее съ другими древними воспоминаніями о Владимирѣ, замѣчаемъ, что изъ нея перешло въ нихъ многое—если не слова и выраженія, то мысли и образы: въ ней находимъ и уподобленіе Владимира и Ольги Константину и Еленѣ, и намекъ на равноапостольство Владимира («радуйся въ владыкахъ апостоле»), и м. т. п. *). Не много здѣсь историческихъ подробностей, потому что не ихъ сообщеніе было и цѣлію писателя; но рисунокъ общій такъ полонъ, что послѣдующіе жизнеописатели не могли уже сообщить ничего новаго кромѣ подробностей. Въ другомъ трудѣ, можетъ быть, и самъ Илларіонъ это сдѣлалъ; но если и сдѣлалъ, если этотъ трудъ и сохранился, то какъ узнать его между другими! Во всякомъ случаѣ отдѣльность Илларіоновой Похвалы Владиміру отъ того, что въ томъ же родѣ читаемъ въ Лѣтописи Несторовой, очевидна.

Не таково Слово о Владимирѣ князѣ, называемое иначе Житіемъ блаженаго Володимера и т. п. (См. въ Христ. Чтеніи. 1849. II. стр. 329). Почти все содержаніе это Слова или Житія, кромѣ вступленія и заключенія, дословно извѣстно изъ Несторовой Лѣтописи. Можно слѣдовательно думать, что оно выписано оттуда; можно впрочемъ допускать и противное. При этомъ нельзя не отмѣтить, что и въ Словѣ и въ Лѣтописи Владимиръ представляется еще не прославленнымъ: «мы же крестьяне суще не въздаемъ почестья противу оного възданіа.... Да аще быхомъ мольбу приносили Богу зань въ день преставленіа его, вида бы Богъ тщаніе наше къ нему, прославилъ бы и». Въ Словѣ это не противорѣчитъ ни чему, до-

*) Замѣтимъ кстати, что Илларіонъ въ своихъ произведеніяхъ поражаетъ образцовою чистотой языка, по которой нельзя ему не дать одного изъ почетнѣйшихъ мѣстъ между писателями *Старославянскими*.

казывая только, что оно писано до установленія праздника 15 Іюля; но въ Лѣтописи, продолженной до 1110 года, когда безъ сомнѣнія уже славилась память святаго князя, это, кажется, не совсѣмъ у мѣста, если только разсматривать Лѣтопись какъ сочиненіе одного писателя, всюду высказывавшаго только свои убѣжденія *). Если же Слово такъ писано до установленія праздника 15 Іюля, то оно должно быть отнесено къ памятникамъ XI вѣка. Тутъ получаетъ важность упоминаніе имени *Θеодосія*—какъ будто имени писателя — въ одномъ изъ списковъ **). Основываясь на древности Слова, можно видѣть въ имени Θеодосія имя игумена Печерскаго, скончавшагося въ 1074 г. и за три года до кончины (1071) принимавшаго участіе въ торжествѣ открытія мощей св. Бориса и Глѣба; но списокъ, въ которомъ встрѣтилось имя, не принадлежитъ къ числу лучшихъ, онъ даже не полонъ: въ немъ недостаетъ заключенія; въ другихъ же въ заключительномъ молитвенномъ обращеніи къ царямъ Константину и Владиміру, сочинитель упоминаетъ о себѣ только безъименно: «О святая царя! Помогайта на противныя сродникомъ ваю, и люди избавляйта отъ всякыя бѣды.... и о мнѣ грѣшнемъ помолитася къ Богу, яко имуще дерзновеніе къ Спасу, да спасуся ваю молитвами. Молю ся и мило васъ дѣю писаніемъ грамотица сея малыя, юже похваляя ваю, написахъ недостойнымъ умомъ и худымъ и не-

*) Есть еще въ Словѣ упоминаніе о 33 годахъ жизни Владиміра послѣ крещенія: это вѣроятно описка, въ которой писецъ написалъ крещеніе вмѣсто княженіе («се же 30 лѣтъ и 3 бывъ во *княженіи*), а л҃г (33) поставилъ вмѣсто л҃е (35).

**) «Сего бо в память дръжать Русстіи (князи и) людіе... (и) прославляють Бога... чающе надежа великаго Бога (и) Спаса нашего І. Х. вздати комуждо противу дѣломъ (=трудомъ) неизрѣченную радость, юже буди улучити всѣмъ крестьяномъ *и мнѣ грѣшному Θеодосію*. Ср. сп. Патерика Рум. Муз. № 307.

вѣжьственнымъ смысломъ». Такъ не могъ, кажется, писать переписчикъ. Тутъ бы кстати было сочинителю упомянуть свое имя, и онъ не написалъ его; а тамъ, гдѣ оно написано въ одномъ изъ списковъ, написано, кажется, не совсѣмъ кстати.

Столь же важна Память и Похвала или также Житіе князя Владимира: «списано Иаковомъ мнихомъ». Во вступленіи имя писателя повторено: «Азъ худый мнихъ Иаковъ, слышавъ отъ многихъ о благовѣрнемь князѣ Володимери... събравъ отъ многыхъ, добродѣтели его написахъ, и о сыну его, реку же, св. и слав. мученику Бориса и Глѣба». Это мѣсто очень важно, какъ указаніе на то, что и между составителями жизнеописаній Бориса и Глѣба надобно искать одного, написаннаго Іаковомъ мнихомъ. Оставляя впрочемъ это въ сторонѣ, обратимся къ вопросу, когда и какимъ Іаковомъ написана Память и Похвала Владимиру? Для его рѣшенія представляются слѣдующія данныя:

а. Упоминаніе о написанномъ тѣмъ же писателемъ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ даетъ право заключать, что Память Владимиру составлена не ранѣе погребенія братьевъ мучениковъ Ярославомъ въ 1020 году, или даже не ранѣе перенесенія ихъ въ новую церковь въ 1071 году.

б. Въ Памяти нѣтъ ничего, что бы могло служить доказательствомъ ея поздняго составленія *). А доказательствомъ древности хоть отчасти могутъ служить лѣтописныя замѣтки, гдѣ событія припоминаются очень кратко и случайно, начиная съ Игоря, съ означеніемъ лѣтъ при очень немногихъ случаяхъ.

*) Считать за такое доказательство нѣкоторыя выраженія, напр. что Владимиръ «крести всю землю Рускую отъ коньца до коньца», «всю землю Рускую и грады вся украси св. церквами» и т. д. едва ли можно; это только особенность слога, повторяющаяся часто, при разныхъ случаяхъ.

в. Въ ней и расказъ и выборъ текстовъ изъ Св. Писанія, не говоря уже о расположеніи его частей, не представляютъ ничего общаго съ Лѣтописью. Есть напротивъ то, чего въ ней нѣтъ и что ей противорѣчитъ. Такъ напр. Владиміръ, по мнѣнію Іакова, началъ княжить въ Кіевѣ 11 Іюля 6486 (по Лѣтописи въ 6488); по принятіи крещенія «поганьскыя боты Перуна и *Хрьса* и ины.... попра»: «на другое лѣто по крещеніи къ порогомъ ходи; на третье лѣто Корсунь взя» и т. д. *). Изъ этого очевидна независимость ея составленія отъ пособія, представлявшагося сочинителю ея въ Лѣтописи, если бы она была у него подъ руками.

г. Но важнѣе многихъ другихъ слѣд. показаніе сказанія: «Умысли же и на Грѣчьскыи градъ Корсунь, и сице моляшеся князь Владиміръ Богу: «Господи Боже, владыко всѣхъ! сего у Тебе прошу, да си ми-градъ да приму, и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю и да научатъ люди закону крестьяньскому». Изъ этого можно заключить, что сочинитель отдѣлялъ фактъ крещенія Владимира отъ факта о водвореніи вѣры въ землѣ Русской, и могъ даже считать походъ Владимира совершившимся уже тогда, когда самъ былъ просвѣщенъ

*) Замѣтить еще можно одно любопытное мѣсто: «Взыскаа спасенія и пріи отъ бабѣ своеи Олзѣ, како приала св. крещеніе.... То все слышавъ отъ бабѣ своеи Олзѣ... тоя и житіе подража... то слышавъ и разгарашется Св. Духомъ сердце его, хотя св. крещенія». Предлогъ *отъ*, мнѣ кажется, стоитъ здѣсь не по ошибкѣ вмѣсто *объ*, а въ настоящемъ своемъ смыслѣ: Владиміръ слышалъ не объОльгѣ, а отъ Ольги, что было болѣе чѣмъ возможно, или покрайней мѣрѣ возможнѣе чѣмъ неслышать. Владиміръ скончался въ глубокой старости (decrepitae aetatis. Tithmar. VII: 52), а между тѣмъ отъ кончины Ольги (6477) до кончины Владимира (6523) прошло только 46 лѣтъ; слѣдовательно еще при жизни Ольги онъ былъ юношею: трудно представить, чтобы Ольга не заботилась о наставленіи въ вѣрѣ своихъ внуковъ, съ которыми жила вмѣстѣ (Лавр. лѣт. 6476).

св. крещеніемъ въ Кіевѣ или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. Снесши это показаніе съ показаніемъ о походѣ къ Корсуню на третій годъ послѣ крещенія Владиміра, видимъ, что онъ дѣйствительно такъ и считалъ. Это показаніе мнѣ кажется важнымъ потому, что оно болѣе всего показываетъ несогласіе мнѣній сочинителя съ мнѣніями лѣтописца и взаимную ихъ независимость.

Здѣсь кстати теперь напомнить нѣсколько словъ Лѣтописи. Описавши крещеніе Владимира въ Корсуни въ 6496 году, лѣтописецъ заключаетъ: «Се же несвѣдуще право глаголють, яко крестилъся есть въ Кіевѣ, и ини же рѣша: Василеви, друзии же инако скажють». Изъ этого нельзя не заключать, что во время написанія этой части Лѣтописи (слѣдовательно—основываясь на незаподозрѣнной вѣроятности—до 1116 года) существовало нѣсколько различныхъ сказаній о Владимирѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ не изъ чего заключать, что эти сказанія были только устныя, а не письменныя. Сравнивши это показаніе Лѣтописи съ прежде обозначенными данными, изъ которыхъ ни одно не опровергаетъ, что разсматриваемое сочиненіе Іакова писано до 1116 года, я позволяю себѣ заключать, что оно есть одно изъ тѣхъ, о которыхъ намекаетъ лѣтописецъ въ вышеприведенномъ показаніи. Такое заключеніе, конечно, не можетъ быть принято за совершенно вѣрное; но и не можетъ быть, какъ кажется, причтено къ числу невѣроятныхъ. Не невѣроятнымъ можетъ счесться и то, что этотъ Іаковъ былъ тотъ самый пресвитеръ Іаковъ, котораго желалъ назначить (1074) своимъ преемникомъ игуменъ Печерскій Θеодосій, что̀ впрочемъ «братіи нелюбо бысть, яко нездѣ есть постриганъ, бѣ бо Іаковъ пришелъ съ Льтьця» (стр. 60). «Съ Льтьця» родит. жен: я = ѧ т. е. съ Льтицы. Подъ этимъ именемъ

рѣки должно разумѣть Переяславскій монастырь Михаиловскій*). Пришедши изъ тѣхъ тѣстъ, гдѣ былъ убіенъ князь Борисъ, Іаковъ легко могъ оживиться намѣреніемъ увѣковѣчить память обоихъ братьевъ-мучениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ описать и жизнь равноапостольнаго отца ихъ Владиміра, и написать по преданіямъ не совсѣмъ сходнымъ съ преданіями, казавшимися достойными вѣры лѣтописцу Кіевскому.

Этимъ однако не отвергается, что разсматриваемое сочиненіе Іакова было подвергаемо передѣлкѣ въ послѣдующее время, хотя бы и въ XII вѣкѣ, хотя бы и соимённикомъ Іакова.

Какъ бы то ни было всѣ три разсмотрѣнные памятника представляютъ свидѣтельства, что у насъ издревле были жизнеописанія Равноапостольнаго, написанныя безъ помощи лѣтописей.

—

Сказанія о жизни и кончинѣ князей Бориса и Глѣба, сохраненныя въ спискахъ XIV—XVII в., представляютъ любопытныя черты разнообразія и въ изложеніи общемъ, и въ частностяхъ.

Что касается до общихъ отличій въ изложеніи, то въ этомъ отношеніи, кромѣ краткихъ очерковъ въ прологахъ, любопытны особенно два сказанія. *Одно*, начинаясь молитвою («Владыко Господи Вседержителю сътворивыи небо и землю... подаи же разѹмъ срдцю моемѹ да съповѣдѣ.... житиꙗ и мѹче-

---

*) 6657 (1149): Изяславъ же и Ростиславъ, пришедша къ Переяславлю и переѣхавше Лтицю поидоста за городъ.... И бысть на утрѣя Изяславъ отслуша обѣднюю у св. Михаилѣ. Ипатьев. Лѣт. стр. 43. 6597 (1089): Въ се же лѣто священа бысть церкы св. Михаила (Переяславьская) Ефремомъ митрополитомъ тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже въ Переяславли митрополья, и пристрои ю великою пристроею. Лавр. Лѣт. стр. 99. Слич. Ипат. стр. 10. Изъ этого ясно, что и до 1089 была тутъ церковь, только не столь большая. Въ 1072 упоминается игуменъ Николай (Лавр. 78).

ниꙗ ст҃8 страстотѣрпцю Бориса и Глѣба»...:) и замѣчаніемъ «елико слышахъ отъ инѣхъ христолюбецъ, то да исповѣдѣ», представляетъ во вступленіи краткое воспоминаніе о грѣхопаденіи и освѣщеніи падшаго разума человѣческаго словомъ евангельскимъ («Искони бо — рече — сътвори Богъ небо и землю и вся ꙗже на земли....и не дасть имъ до коньца погыбн8ти въ прельсти идольстѣи»), а въ заключеніи слѣдующее объясненіе: «Се же азъ Нестеръ грѣшьныи о житии и о пог8блении и о чюдесѣхъ ст҃ою и блажен8ю страстотр҃пцю сею опаснѣ вѣд8щихъ и списавъ ꙗ, др8гаꙗ самъ свѣды, отъ многыхъ мало въписахъ».... Въ этомъ сказаніи жизнь, кончина и чудеса Бориса и Глѣба составляютъ одно цѣлое, раздѣленное впрочемъ на двѣ части. Первая оканчивается такъ: «Се же списахъ азъ грѣшныи о жизни и погублении ст҃ую блж҃ную стр҃пцю Бориса и Глѣба, нъ аще Бу҃ велящю, то и чюдесъ ею мало нѣчто исповѣмы.... аминь». Вторая начинается: «Блг҃свенъ г҃ъ Б҃ъ оц҃ъ г҃а нашего Іс҃а Х҃а. иже не дасть насъ погыбнути въ прелести идолестѣи» и пр. *Другое* сказаніе начинается: «Родъ правьдьныхъ въ вѣкы благословиться и сѣмя ихъ въ благословлении б8деть. Сице 8бо бысть маломъ преже сихъ лѣтомъ, с8щю самодр҃жцю Руськыꙗ земля Володимер8».... и оканчивается молитвою: «Владыко Господи, призри съ небесе на насъ 8богыхъ»... За этимъ слѣдуетъ краткій очеркъ внѣшности и характера Бориса, а за тѣмъ отдѣльное «Сказаніе о чюдесѣхъ ст҃ою страстотр҃пцю Христов8», начинающееся словами Эклесіаста: «Не возможеть человѣкъ глаголати и не насытиться око зрѣти, 8хо слышати». Эти два сказанія, оживленныя одинакимъ духомъ благочестія и одинаково любопытныя по подробностямъ изложенія, мало отличаясь въ содержаніи, рѣзко отличаются и слогомъ и словами разсказа какъ два сочиненія, на-

писанныя одно отъ другаго, по видимому, совершенно независимо. Притомъ же можно еще замѣтить, что не первое (Несторово), а второе въ нѣсколькихъ мѣстахъ заключаетъ въ себѣ дословно тоже, что читается и въ Несторовой лѣтописи.

Что касается частныхъ отличій въ спискахъ каждаго изъ этихъ двухъ сказаній, то первое изъ нихъ, сколько мнѣ удалось до сихъ поръ замѣтить, за исключеніемъ разныхъ пріемовъ правописанія, во всѣхъ спискахъ остается почти совершенно одинаковымъ. Напротивъ того между списками втораго есть большая разница, заставляющая предполагать, что нѣкоторые переписчики позволяли себѣ и сокращать и дополнять первоначальный подлинникъ по своему разумѣнію. Судя по языку и отчасти по правописанію, можно думать, что эти видоизмѣненія первоначальнаго подлинника были начаты очень давно, ранѣе времени написанія древнѣйшихъ изъ уцѣлѣвшихъ списковъ, ранѣе XIV вѣка. Но что же именно надобно считать надбавками къ первоначальному подлиннику и что пропусками изъ онаго? Для рѣшенія этого вопроса нужно всмотрѣться въ самые списки въ отношеніи къ ихъ составу, и при этомъ не допускать пристрастія въ пользу древнѣйшихъ списковъ только потому, что они древнѣе. Наша старинная письменность богата примѣрами того, что списки позднѣйшіе гораздо важнѣе древнѣйшихъ, какъ болѣе или менѣе вѣрныя копіи съ очень древнихъ изводовъ, несохранившихся въ подлинникѣ. Если въ нихъ поздній переписчикъ, напр. XVI или XVII вѣка и дѣлалъ вольныя и невольныя измѣненія противу того древняго извода, съ котораго переписывалъ, то въ этихъ измѣненіяхъ понятія о языкѣ и правописаніи его времени всегда такъ ярко бросаются въ глаза, что ихъ не трудно отличить, такъ же какъ не трудно и оцѣнить важность

тѣхъ мѣстъ, которыя переписаны вѣрно. Труднѣе совладать съ тѣми списками, въ которыхъ чистота древняго извода скрылась по немногу отъ переписыванія текста не прямо съ него, а со списка въ списокъ, изъ которыхъ каждый былъ немного новѣе предъидущаго, и оставлялъ на себѣ черты вліянія всѣхъ предъидущихъ; но такіе списки непобѣдимы для критики только тогда, когда не съ чѣмъ ихъ сравнивать, когда ими одними надобно руководствоваться для разбора древнихъ памятниковъ, въ нихъ сохранившихся. Въ числѣ списковъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ позднихъ гораздо болѣе, чѣмъ древнихъ, и между поздними есть очень важные, сохранившіе на себѣ ясные слѣды вѣрной передачи изводовъ древнихъ; тогда какъ древнѣйшіе такъ обильны описками, что руководствоваться ими одними нѣтъ никакой возможности.

Таковъ между прочимъ и тотъ харатейный списокъ XIV вѣка, который считается многими самымъ лучшимъ. На 28-ми листахъ этого списка помѣщено Сказаніе Несторово; на слѣдующихъ за тѣмъ $27^1/_2$ — Сказаніе неизвѣстнаго; а потомъ на $18^1/_2$ остальныхъ — Сказаніе о чюдесѣхъ: послѣднія двѣ статьи украшены рисунками, которые повторились и въ нѣкоторыхъ спискахъ болѣе позднихъ, но съ нимъ почти дословно согласныхъ. Важность этого списка очевидна, но не безотносительно. Считать его самымъ важнымъ, самымъ лучшимъ, мнѣ кажется, невозможно; потому что въ немъ всякаго рода описками испорчены довольно многія строки, отъ чего иногда смыслъ очень измѣнился, а иногда и совсѣмъ утратился. Приведу здѣсь только нѣсколько примѣровъ такихъ описокъ, сравнивая на этотъ разъ списокъ Синодальный со спискомъ Софійскимъ XVII вѣка, хоть и позднимъ, хоть переписаннымъ и

небрежно и также съ нѣкоторыми описками и подновленіями въ языкѣ, но съ извода древняго и хорошаго.

Въ самомъ началѣ, въ перечнѣ сыновей Владимира въ Синодальномъ спискѣ стоитъ: «а ѿ Рогониды Д (4) сн҃ы имуща: Изѧслава и Мѣстислава. и Всеволода. а ѿ *онои* Всеслава и Мьстислава»: передъ именемъ Всеволода очевидно пропущено имя Ярослава, а вмѣсто *онои* надобно читать *инои* = *инои*. Въ расказѣ о кончинѣ Владимира: «Ст҃ополкъ потаи смр҃ть.... и *ночь* приимавъ помостъ на Берестовомъ»: вмѣсто *ночь* надобно читать *въ ночь* или *ночью* = *нощью*; а вмѣсто приимавъ — проимавъ. Въ скорби Бориса о кончинѣ отца: «ни понесо красоты мужьства твоѥго. ни сподобленъ быхъ твоихъ сѣдинъ. но о блаженниче». Не говоря о пропускѣ *хъ* въ концѣ слова понесо*хъ* замѣтимъ пропускъ двухъ словъ, отъ которыхъ зависитъ смыслъ: «ни сподобленъ быхъ *цѣловати родительскихъ* твоихъ сѣдинъ». Въ изложеніи замысла Святополка на жизнь Бориса, написано: «испусти свои злꙑи гласъ. рече пу*стошьн*ѣ чади» —опискою вмѣсто «*Путшин*ѣ чади». Въ расказѣ объ убіеніи Бориса: «и насуша копьи Путша, и Тальць, Рловиць (вмѣсто *Е*ловичь), Ряшко (вмѣсто *Л*яшко). Въ слѣдъ за этимъ пропускъ: *и тако прободѣно бысть чс҃тное и многомилостивьноѥ тѣло блаженаго Бориса»*. Ниже опять пропускъ: *Такожь и Борисъ не бѣ въ ср҃дцѣ* ꙋꙗзвьнъ». Въ расказѣ о пути Глѣба къ Смоленску: «и пришедъ на Волгу на поли»: опущено — *на* ꙋ*сть Тмы*. По совершеніи убійства «*окаании* ꙋ*бийци взвратившеся прїидоша и повѣдаша Ст҃ополку,* ꙗко сотворих(*ом*)ъ повеленоѥ тобою: все здѣсь напечатанное курсивомъ, въ Синодальн. спискѣ опущено. Послѣ битвы Альтской «несяхꙋть ѥго (Святополка) на носилѣхъ, и пробѣгоша с нимъ *верстїю*»: вмѣсто *верстїю* надобно

читать: (къ) *Берестову*. Такихъ описокъ въ Синодальномъ спискѣ много, такъ много, что изучать Сказаніе исключительно или преимущественно по этому списку невозможно. Списокъ Софійскій, если бы даже и нечѣмъ было доказать его важность, самъ собою выказалъ бы свои достоинства въ сравненіи съ Синодальнымъ, какъ необходимое пособіе для дополненія очевидныхъ пропусковъ, отъ которыхъ зависитъ и полнота и ясность смысла. И между тѣмъ Софійскій списокъ — XVII вѣка. Кстати замѣтимъ, что списокъ Синодальный харатейный носитъ на себѣ признаки Новгородскаго говора; списокъ Софійскій такими особенностями не отличается.

Ограничиваясь пока сравненіемъ двухъ списковъ, Синодальнаго и Софійскаго, и продолжая его далѣе, остановлюсь на различіи ихъ въ отношеніи къ содержанію Сказанія. Различіе поразительно въ очень многихъ мѣстахъ. Въ глаза бросаются между прочимъ слѣдующія частности:

Въ спискѣ Синодальномъ есть оговорки отъ лица писателя. Такъ въ самомъ началѣ сказанія есть замѣчаніе: «прочаıа же ıего (Владимира) добродѣтели индѣ скажемъ; нынѣ же нѣсть время». Другое подобное помѣщено послѣ неполнаго перечета княженій, розданныхъ Владимиромъ своимъ дѣтямъ: «нъ сихъ останꙋ много глаголати, да не многописании взабыть влѣземь; но о нем же начахъ си и скажемъ». Еще ниже въ концѣ размышленія Святополка передъ убіеніемъ Глѣба, послѣ словъ: «грѣхъ матери моıеı не очистить ми ся, и съ праведьными не напишюся, нъ да потреблюся отъ книгъ живущихъ», прибавлено отъ лица писателя: «ıако же и бысть, ıаже послѣди скажемъ; нынѣ же нѣсть время; нъ на предлежащее въззратимся». Въ Софійскомъ спискѣ этихъ оговорокъ нѣтъ.

Въ спискѣ Синодальномъ послѣ общаго упоминанія о по-

бѣдахъ Ярослава надъ Святополкомъ («и брани многы съ нимъ съставивъ. и всегда пособиемь Біимъ, поспѣшениемь сто̃ю (побѣжаше)» и пр.), слѣдуетъ: «Сто̃полкъ же оканьныи нача княжити въ Кыевѣ. Ярославу же не вѣдущю отни смрти. Варязи мнози бяху оу Ярослава» и пр. Все почти совершенно дословно такъ, какъ въ Лѣтописи: тутъ сначала помѣщено то, что принадлежитъ въ лѣтописи къ 6523-му году; потомъ: «В лѣ ҂г. ф. кд. (6524) приде Ярославъ и сташа противу себѣ оба полы Днѣпра» и пр.; далѣе: «В лѣ ҂г. ф. кг. (6526) приде Болеславъ съ Сто̃полкомъ на Ярослава» и пр.; наконецъ: «Въ лѣ ҂г. ф. кз (6527). сь треклятыи Сто̃полкъ, приде съ множествомъ Печенѣгъ» и пр. Всего этого лѣтописнаго сказанія отъ словъ «Сто̃полкъ же оканьныи нача княжити въ Кыевѣ» до словъ: «сь треклятыи Сто̃полкъ приде съ множьствомъ Печенѣгъ» нѣтъ въ спискѣ Софійскомъ, гдѣ о Лѣтописи напоминаетъ только послѣднее мѣсто *):

Прочее' (*сь*) трѣклятыи (Сто̃полкъ) приидѣ со множествомъ Печенѣгъ. и Ярославъ воя *совокупль* (=*совкупи*) изыидѣ противꙋ (к*му*) *на Алто* (=*на Льто*) и *станы сташа* (=*ставъ*) на мѣсто (=*ѣ*) идѣже *бы*ͭ (=*и*) оубьенъ сты̃и Борисъ. и *воздвигъ* (=*въздвѣъ*) рꙋцѣ на нбо̃ *и* ре. Се кровь брата моего вопиетъ к' тебѣ Вл̃ко ꙗко̃ (*и*) Авелѣва преже. и ты мьсти его ꙗко̃ *братаоубійца Каина*' (*и на ономъ положи стенание и трѧсение. на братоубиицѣ Каинѣ*). ей молю тя гї да *и сии мьсть тако приимет*' (= *въсприиметь прямо тому*). И помолився (*и*) рекъ. ѡ брата моѧ аще (*и*) тѣломъ

---

*) Въ слѣдующей выпискѣ *курсивомъ* набраны слова и буквы Софійскаго списка, которыхъ нѣтъ въ Синодальномъ, а *курсивомъ въ скобкахъ* — слова и буквы Синодальнаго, которыхъ нѣтъ въ Софійскомъ.

ѾсУдУ Ѿошла есть'. но блгодатью (= *благодати*) жива еста и Гви предстоита. (*и*) млтвою помозита ми. И *се* (=*си*) рекъ поидоша прѣвУ себѣ. и покрыша поле *Лядьское* (=*Летьское*) мнѡство(*мъ*) вои. и (*съ*)стУпишася въсходящУ слнцю и бы сѣча зла Ѿинудь. (*и съступишася трижды и*) биша са чрес (*весь*) днь. и Уже къ вечерУ ѡдолѣ Ярославъ. а *се* (= *сьи*) окаанныи Стополкъ побеже. и нападѣ нань бѣсъ'. *и рас'слабі и* (=*и рослабѣша кости его*) *и* ꙗко на кони емУ не могУщи сѣдѣти. и несоша (= *яхуть*) и на носилѣхъ. и прибегоша *къ Берестов*У (=*верстію*) съ нимъ. ѡнъ же *рече*. побѣгнѣте *и* се женУ*ть* (*путь*) по насъ. и посылахУ*ть* противУ. и нѣ бѣ (*никого же и*) гонящаго (*никогоже*) всл҃ѣ его, и *сь* лѣжа в немощи. и въсхопив'ся глаше. побѣгнемъ. еще женУть *по на*. ѡхъ м'нѣ *горѣ мнѣ погыбох побѣжите*. и не можаше на единѣмь мѣсте терпѣти. и пробеже ЛядскУю землю. *женомъ* (= *гонимъ*) гнѣвомъ Бжиимъ и *пробѣгъ* (=*прибѣже*) в'пУстыню мѣжУ Чахъ (=*ы*) и Ля(=*ы*) *и* тУ испроверже *злѣ* (=*злыи*) животъ свои *окан'ный*. и приатъ возмѣздие' Ѿ Га. ꙗкож показаше посланаꙗ нань *пагУба* (= *рана пагубная*). *а* по смрти вечнУю *приятъ* мУкУ. и тако обою *погрѣши* (= *лихованъ бысть*) животУ. и з'дѣ не кнꙗніа ток'мо но и живота (*гонзе*). *а* тамо не токмо цртвіа нбнаго *бы лишенъ* (*и еже*) съ англы *и* житіа (*погрѣши*) но (*и*) мУцѣ *и* ѡгнУ (=*ю*) предастся. и е'сть *пропасть* (= *могыла*) его и до днe сего. ис'ходить Ѿ нея (*него*) смрад золъ на показание члкомъ. да аще кто се слышавъ *а* створить *се* (=*си*). *сей же приметь* ѡсУ*жение лютѣе' сих* (*иже створить и вяще сихъ*). ꙗкоже Каинъ мьсти нѣ вѣдый (*приꙗти*) е'динУ прия ранУ. а Ламѣхъ *вѣдыи казнь* (= *зане видѣ*) на Каине *того ради* (=*тѣмже*) о҃ (70) (= *седмьдесятицею*) *мьстій прия* (= *мьсти*

ся кму). такова (*ти*) ѿместїа сѫть *злотворящи*^х^ (=*злымъ дѣлателемъ*) ꙗко^ж^ *оубо* и Оулїанъ цр҃ь иже много крови сты^х^ (*мч҃нкъ*) пролиа (*горкую нечл҃вечьную смр҃ть прия*. *не вѣдомо* ѿ *кого*) ѡбрѣтенъ бы^с^ копїемъ въ срдцѣ *прободѣнъ* (= *прудруженъ*). тако и сей *ѡкан'ныи* бѣгая (*не вѣдыи ся* ѿ *кого*) злосрътьстнѫю смр҃ть прия'. И ѡтолѣ преста крамола *в Рѫси* (=*въ Рустѣи земли*). *А* (=*и*) Ярославъ всю прия власть Рѫськыя земля. и нача(*тъ*) ѡ тѣлеси^х^ (=*ѣ*) стою въспрошати....»

Разностей между этимъ мѣстомъ Сказанія и 6527-мъ годомъ Лѣтописи гораздо менѣе чѣмъ сходства: очевидно, что или и сказатель и лѣтописецъ выписали его изъ одного и того же общаго источника, или же что одинъ изъ нихъ двоихъ занялъ его отъ другаго. Такъ какъ общаго источника, изъ котораго бы могло быть перенесено это мѣсто и въ Лѣтопись и въ Сказаніе, нѣтъ, и сколько можно судить, никогда не было; то остается заключать, что или въ Лѣтопись зашло оно изъ Сказанія, или въ Сказаніе изъ Лѣтописи. Куда же откуда? Для рѣшенія этого вопроса могутъ быть въ виду слѣдующія обстоятельства:

а. Разсматриваемое мѣсто находится не во всѣхъ лѣтописяхъ, а только въ тѣхъ, гдѣ помѣщена особенная статья «О убіеніи Борисовѣ», или, какъ читается въ Ипатьевскомъ спискѣ, «Убіенье святыхъ новоявленіихъ мученикъ Бориса и Глѣба». Эта статья есть сокращенная выписка изъ Сказанія, такъ же какъ 6523 годъ Лѣтописи есть выписка изъ «Житія Володимира». Выписка оканчивается слѣд. мѣстомъ: «Глѣбу же оубьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама» (Лавр. 98; далѣе слѣдуетъ: «по семь же вземше везоша и положиша и оу брата своего Бориса оу церкве св. Василья»;

а потомъ извлеченіе изъ Похвалы Борису и Глѣбу). Что выписка изъ Сказанія могла и не такъ оканчиваться въ древней Лѣтописи, какъ читаемъ въ спискѣ Лавр. и другихъ подобныхъ, тому свидѣтельствомъ служатъ лѣтописи Воскресенская, Софійская, Никоновская и пр., гдѣ та же выписка не перервана невзначай и не продолжается припоминаніемъ того, что случилось позже происшествій, описанныхъ въ слѣдъ за расказомъ объ убіеніи Глѣба, а идетъ далѣе: «и повръжену на поустѣ межи двѣма колодама, (и Господь не оставляетъ своихъ рабъ, яко же рече Давидъ...) и сему убо святому лежащю долго время, и не остави въ невидѣніи и въ небреженіи отъ инудь пребывати.... но не бысть памяти ни единому о взисканіи тѣлеси святого, доньдеже не терпя Ярославъ сего злаго убійства и пр. (извлеченія изъ Похвалы въ нѣкоторыхъ Лѣтописяхъ нѣтъ).

б. Разсматриваемое мѣсто повторяется въ спискахъ Лѣтописи гораздо разнообразнѣе чѣмъ въ спискахъ Сказанія. Очень немногое въ нихъ кажется прибавленнымъ, а различныхъ убавокъ довольно много. Между прочимъ въ Лавр. спискѣ и другихъ подобныхъ нѣтъ выраженія: «и оттолѣ крамола преста въ Русской землѣ».

в. Разсматриваемое мѣсто по характеру изложенія болѣе походитъ на тѣ мѣста лѣтописей, которыя вписаны изъ книгъ церковныхъ или вообще духовныхъ, чѣмъ на тѣ, въ которыхъ лѣтописецъ выражается какъ лѣтописецъ, передающій воспоминаніе о событіяхъ. Въ Сказаніи-же это мѣсто по характеру изложенія не отличается ничѣмъ отъ другихъ мѣстъ его.

г. Въ слѣдъ за разсматриваемымъ мѣстомъ въ Лѣтописи Воскресенской, Софійской и под., помѣщено продолженіе Сказанія о томъ, какъ найдено было тѣло Глѣба, какъ оба погребены вмѣстѣ, и пр. — и не дословно а съ выпусками. А потомъ

Лѣтопись продолжается знаменитымъ мѣстомъ: «И нача Ярославъ вои дѣлити» и пр.

д. Всматриваясь въ общій составъ расказа о Борисѣ и Глѣбѣ, какъ онъ помѣщенъ въ Лѣтописи, замѣчаемъ, что въ немъ не разъ прервана нить повременности, и что притомъ годы 6523—6526 и въ немъ кажутся такою же вставкой, какой они кажутся въ Сказаніи. Всматриваясь въ Сказаніе по Софійскому списку, гдѣ нѣтъ описанія событій 6523 — 6526 года, видимъ цѣлость, видимъ развитіе мысли ничѣмъ непрерываемое. Мысль идетъ такъ:—По кончинѣ Глѣба были явленія въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло его «между двѣма колодама»; но «не бысть ни единому памяти о възысканіи тѣла, дондеже Ярославъ движеся». Ярославъ, мстя за беззаконное убійство братьевъ, выступилъ войною противъ Святополка, много разъ его побѣждалъ, сошелся наконецъ съ нимъ на Альтѣ, жестоко разбилъ и заставилъ бѣжать. Святополкъ, «женомъ гнѣвомъ Божіимъ, прибѣгъ въ пустыню межꙋ Чахы и Ляхи» и тутъ погибъ. Тогда «преста крамола въ Руси; а Ярославъ всю прия власть Русьскыя земля, и нача о тѣлеси святою въспрашати». Открыто было и тѣло Глѣба, перенесено въ Вышьгородъ и погребено вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса... Съ тѣхъ поръ хотя многимъ и неизвѣстно было, «гдѣ святою положена тѣлеса, но прославляховѣ всей Русской странѣ, и премногыми чюдесы сіяста яко солнце».

Сообразя эти обстоятельства, я заключаю, что разсматриваемое мѣсто перенесено не изъ Лѣтописи въ Сказаніе, а изъ Сказанія въ Лѣтопись, и тамъ присоединено къ описанію 6523—6526 года. Если бы это мѣсто, отнесенное въ Лѣтописи къ 6527 году, не заключалось въ Сказаніи первоначально, то чѣмъ же бы могло быть вознаграждено его отсутствіе, какъ

не передачей того же самаго другими словами? Безъ него Сказаніе лишается цѣлости, какъ и безъ всякой другой своей части Въ Лѣтописи оно могло и не быть въ этомъ видѣ.

Что касается до тѣхъ мѣстъ Сказанія, которыя дословно повторяются въ Лѣтописи и отмѣчены годами 6623—6626, то заключеніе о нихъ должно быть, кажется, совершенно противное. Онѣ находятся только въ нѣкоторыхъ спискахъ Сказанія. Если бы онѣ были въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ первоначально, то что же бы могло заставить того или другаго переписчика ихъ выключить изъ Сказанія совершенно, безъ всякаго слѣда? Да и можно ли ихъ ожидать въ томъ Сказаніи, гдѣ хоть въ общихъ выраженіяхъ, но уже сдѣланъ прежде намекъ о событіяхъ, описываемыхъ въ этихъ мѣстахъ, и намекъ окончательный («и брани многы с нимъ состави, и всегда пособиемъ Божіимъ и поспѣхомъ святою побѣжаше, а ѡкан҄ный посрамленъ отбѣгаше»), естественно сливающійся съ расказомъ о послѣдней битвѣ Альтской! Не изъ Сказанія перешли онѣ въ Лѣтопись, а напротивъ изъ Лѣтописи въ Сказаніе.

Если же все это такъ, то слѣдуетъ заключить: 1) что тѣ списки Сказанія, въ которыхъ нѣтъ вставки о годахъ 6523—6526, списаны съ изводовъ болѣе древнихъ, чѣмъ тѣ, гдѣ эти вставки есть, что слѣдовательно подлинникъ Софійскаго списка и ему подобныхъ древнѣе подлинника списка Синодальнаго, и что по этому надбавокъ къ первоначальному составу Сказанія легче ожидать отъ Синодальнаго списка, чѣмъ отъ Софійскаго; 2) что Сказаніе составлено прежде той Лѣтописи, въ спискахъ которой находятся повѣствованія о Борисѣ и Глѣбѣ, съ нимъ сходныя; а такъ какъ онѣ находятся во всѣхъ спискахъ, сходныхъ съ Лаврентьевскимъ до 6618 года или и далѣе, и такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилась за-

мѣтка написателя, игумена Сильвестра, 6624=1116 года, доказывающая, что Лѣтопись въ этомъ видѣ была до 1116 года; то должно допустить, что Сказаніе писано по крайней мѣрѣ раньше 1116 года.

Но какъ же допустить это послѣднее заключеніе, когда въ Сказаніи есть намекъ, касающійся 1117 и 1145 года, т. е. построенія церквей на Альтѣ, гдѣ убитъ Борисъ, и на Смядинѣ, гдѣ убитъ Глѣбъ? Мѣсто Сказанія, сюда относящееся въ Синодальномъ спискѣ читается такъ: «По истинѣ всь миръ можеть понести ꙗже дѣются предивнаꙗ чюдеса. и паче пѣска морьскаго. и не токмо ту но и по всѣмъ странамъ и по всѣмъ землямъ. преходяща. болѣзни и вся недугы ѿгонита. сущихъ в темничахъ и во оузахъ посѣщакта. и на мѣстѣхъ идеже мч҃нчкы вѣнцемъ оувязостася. създанѣ быста цркви во имя кю. да и ту тако же многа чюдеса посѣщающа сдѣвакта». Въ отношеніи къ этому обстоятельству я позволяю себѣ представить на видъ изслѣдователей слѣдующія соображенія:

а. Выписанное мѣсто изъ Сказанія по Синодальному списку находится въ заключеніи Сказанія, которое могло быть и измѣняемо въ частяхъ, и умножаемо новыми прибавленіями, независимо отъ содержанія самаго Сказанія, гораздо позже написанія Сказанія. Заключеніе могло даже быть совсѣмъ замѣнено другимъ подобнымъ, какъ и видимъ напр. въ Лѣтописи, гдѣ, такъ же какъ и въ Сказаніи, въ слѣдъ за упоминаніемъ о погребеніи Бориса и Глѣба въ Вышегородѣ, помѣщено заключеніе, но не это, а въ томъ же духѣ другое.

б. Выписанное мѣсто заключенія не во всѣхъ спискахъ Сказанія повторяется одинаково; напротивъ того въ тѣхъ, которыхъ подлинникъ можетъ считаться древнѣйшимъ, выражаетъ ту же мысль, но безъ намека о годахъ 1117 и 1145. Такъ въ

Софійскомъ читаемъ: «По истинѣ ни весь миръ можетъ сказати яже дѣются предивная чюдеса паче песка морьскаго не токмо тꙋ. идѣж ею же тѣлеса. но во всѣх странах. болѣзни вся и недꙋгы Ѿгонита и сꙋщая въ оузах и в темницах избавляета. и на мѣстѣ идѣ же създани цркви во имя ею. многа чюдѣса исцѣленія сътворяются». Для объясненія этого мѣста въ такомъ видѣ достаточно, можетъ быть, упоминанія о годахъ 6628—1020 и 6580—1071: въ 1020 году воздвигнутъ былъ первый храмъ, и освященъ 24 Іюля въ день убіенія св. Бориса; въ 1071 году построенъ былъ новый храмъ и установлено празднество 2 Мая (см. Сказаніе о чюдесахъ и Несторово Чтеніе о житіи о погубленіи Бориса и Глѣба). О двухъ только церквахъ въ одномъ городѣ говорится въ выписанномъ мѣстѣ: «на мѣстѣ, идѣ же създани цркви» *).

Изъ этого слѣдуетъ, что Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ написано хоть и не ранѣе 1071 года, но и не позже 1113, когда уже выстроена была новая церковь Олегомъ, и 1116 года, когда Сказаніе уже было занесено въ Лѣтопись, слѣдовательно можетъ быть еще и во время Изяслава Ярославича... и почему же не Іаковомъ мнихомъ, тѣмъ самымъ, который былъ (какъ думаетъ М. П. Погодинъ) духовнымъ отцемъ Изяслава **)? До-

*) Если бы было множ. число, то стояло бы «съданы цркви». Что обѣ церкви были освящены во имя святыхъ братьевъ это подтверждается Чтеніемъ Нестора: Архіепископъ Іоаннъ говорилъ Ярославу: «лѣпо ли бы намъ... цр҇квь въ имѧ 'ею възградити», — и Ярославъ «краси цр҇квь ѐ верхъ... повелѣже и на иконѣ ст҇ою написати»; Изяславъ «видѣ цр҇ковь ст҇ою ветху сущю... повелѣ цр҇квь въградити въ имѧ ст҇ою назнаменавъ же и мѣсто близь ветхыѧ цр҇кви». Въ Сказаніи о чудесахъ: о церкви, построенной въ 1020 г.» В томж дн҇ь (24 Іюля) и цр҇кви свщ҇ена бы҇ в память ст҇ою; о церкви 1071 года: «ѹмысли... Изяславъ создати каменѹ цр҇квь во имя ст҇ѹю стр҇тотрпц҇ю».

**) Если думать, что Поученіе мниха Іакова къ князю Димитрію было написано для князя Изяслава Ярославича (1020 — 1078), то изъ того, что въ Поученіи духовный отецъ обращается къ юношѣ, надобно заключать, что онъ былъ значительно старше его; если же онъ самый

пустить это, кажется, возможно, хотя и не какъ необходимость. Противорѣчитъ этому только одно обстоятельство: въ тѣхъ самыхъ спискахъ Сказанія, которыя остаются безъ вставокъ лѣтописныхъ разсказовъ 6523—6526, и по представленному соображенію заключаютъ въ себѣ въ болѣе чистомъ видѣ древній текстъ Сказанія, какъ оно писано до 1113 года, нѣтъ и тѣхъ оговорокъ отъ лица писателя, которыя находятся въ другихъ спискахъ Сказанія. Это противорѣчіе можетъ быть сглажено съ помощью такого предположенія: тотъ, кто послѣ 1145 года взялся за передѣлку Сказанія и дополнилъ его выписками изъ Лѣтописи, упоминаніемъ о церквахъ, построенныхъ на Альтѣ и на Смядынѣ, и т. д., могъ позволить себѣ и вставку оговорокъ отъ своего лица—тѣмъ легче, что говорилъ о себѣ безъименно.

Я продолжу свое предположеніе еще далѣе. Въ спискѣ Сказанія, напечатанномъ въ Христ. Чтеніи, есть все, что заставляетъ отнести Сказаніе не къ XI а къ XII вѣку; но въ немъ еще нѣтъ полнаго Сказанія о чудесахъ: есть только частныя повѣствованія о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ спискѣ Синодальномъ помѣщено уже полное Сказаніе о чудесахъ. Изъ этого можно заключить, что оба Сказанія, какъ одно цѣлое, были трудомъ третьяго писателя, который придавая полноту Сказанію о чудесахъ, какъ необходимому дополненію къ Сказанію о житіи и кончинѣ, привнесъ свою мысль и въ это Сказаніе.

Во всякомъ случаѣ, обѣ повѣсти о жизни и кончинѣ Бориса и Глѣба въ первоначальномъ видѣ составлены независимо отъ Лѣтописи.

былъ и сочинителемъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, написаннаго около 1071 года, то въ это время, когда Изяславу было уже около 50 лѣтъ, ему Іакову было около 65 лѣтъ. Этотъ мнихъ Іаковъ могъ быть и тотъ самый, которому Θеодосій желалъ передать игуменство, въ 1074 году, когда ему было бы около 70 лѣтъ.

VI.

ЕЩЕ ОБЪ ІАКОВѢ МНИХѢ.

Преосвященнаго Макарія, Епископа Винницкаго.

Съ особеннымъ вниманіемъ я прочелъ двѣ ученыя статьи, напечатанныя въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности», статью М. П. Погодина: *Іаковъ мнихъ, Русскій писатель XI вѣка, и его сочиненія*, и статью А. Ѳ. Тюрина, выражающую собою мнѣніе П. Г. Буткова *объ Іаковѣ мнихѣ, какъ писателѣ XII вѣка*. Высказавъ еще въ 1849 году свои соображенія объ этомъ писателѣ, — соображенія робкія и нерѣшительныя, потому что я могъ основать ихъ только на одномъ, случайно попавшемся мнѣ, спискѣ нѣкоторыхъ его сочиненій, тогда же мною изданномъ (Хр. Чт. 1849, ч. II), — я желалъ найти въ новыхъ статьяхъ объ Іаковѣ мнихѣ или подтвержденіе прежнихъ моихъ мыслей, или основаніе перемѣнить ихъ. Но скажу откровенно, при всемъ достоинствѣ обѣихъ

статей, онѣ не привели меня ни къ какому рѣшительному убѣжденію. Мнѣ кажется, что—I) одно мнѣніе не такъ сильно, чтобы принять его; II) другое, раздѣляемое мною, не такъ слабо, чтобы отъ него отказаться.

I.

Мнѣніе гг. Буткова и Тюрина основывается на слѣдующемъ доказательствѣ, которое съ перваго взгляда представляется очень твердымъ. Самъ составитель Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Іакову мниху, говоритъ въ похвалѣ имъ: «и не токмо ту (т. е. въ Вышгородѣ), но и по всѣмъ странамъ и по всѣмъ землямъ преходяща болѣзни и вся недугы отгонита, сущихъ въ темницахъ и во узахъ посѣщаета, и *на мѣстѣхъ*, *идѣже мученичкы вѣнцемъ увязостася*, *създанѣ быста церкві во имя ею*, да и ту такоже многа чудеса посѣщающа сдѣваета». А церковь на мѣстѣ убіенія Бориса, какъ извѣстно изъ лѣтописи, создана въ 1117 году, другая же на мѣстѣ убіенія Глѣба въ 1145 году (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 128 — 129; II, 8; III, 10; IV, 7). Слѣдовательно составитель Сказанія писалъ уже послѣ 1145 года.

Но спрашивается: несомнѣнно ли подлинно представленное мѣсто Сказанія? Не вставлено ли оно, или не измѣнено ли какимъ либо переписчикомъ XII, XIII или XIV вѣка? Такъ читается это мѣсто, сколько намъ извѣстно, въ спискахъ Погодинскомъ, Сахаровскомъ, который напечатанъ нами въ Хр. Чтеніи, и Макарьевской Чети-минеи подъ 24 Іюля, хотя здѣсь похвала св. Страстотерпцамъ отдѣлена отъ Сказанія и помѣщена особо послѣ изложенія ихъ чудесъ (рукоп. Новгор. Соф. Библ. № 99). Но въ другихъ спискахъ мѣсто это читается

иначе. Напримѣръ — а) въ спискѣ, помѣщенномъ въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, хотя съ сокращеніями, оно читается: «и сіа святыа постави свѣтила в Руси снати премногыми чюдѣсы, идѣжъ стражющіи в болезни исцѣлеваютъ, слепыя просвѣщаютъ, хромии ходятъ, скръчені испростираются, ни ли чюдѣсъ мощно исчести, по истиннѣ ни весь миръ не можетъ понести, *не токмо и здѣ, но и по всеи Русѣ земли, приходящимъ къ нимъ с вѣрою»* (—стр. 41); б) въ спискѣ полномъ и обширномъ, помѣщенномъ въ Степенной книгѣ, — такъ: «вси приходящіи ко гробомъ ихъ, и призывающіи имена ихъ, *не токмо ту, идѣже святая телеса ихъ положена быста, но и по всѣмъ странамъ и по всѣмъ землямъ* молитвами ихъ и посѣщеніемъ отъ всякихъ болѣзней и страстей свобожахуся, слѣпіи прозираху, хроміи хожаху, слуціи исправляхуся, сухія руки и ноги имуще здравіи бываху, въ погребѣхъ и въ темницахъ заключенніи и во узахъ сѣдящіи единымъ призываніемъ имена ихъ святыхъ свободу получаху» (—I, стр. 200); в) въ спискѣ (XV в.) Румянцевскаго Музеума № 435 —такъ: «не ту ни инде, но и по всѣмъ странамъ и по всѣмъ землямъ преходящи болѣзни и недуги отгонита, и сущихъ въ темницахъ и въ узахъ посѣщаета, и на мѣстехъ, идѣже мученичьскымъ вѣнцемъ увязостася, *и создана бысть церковь во имя ваю*, да и ту такоже многа чудеса створяста посѣщающіи» (*Восток.* Опис. Рум. Муз. стр. 688); г) въ спискѣ XVI в. Румянцевскаго же Музеума № 436 — такъ: «не токмо ту, идеже ею тѣлеса, но въ всѣхъ странахъ болѣзни вся и недугы отгонита, и сущая въ узахъ и в темницахъ избавляета, и *на мѣстѣхъ, идеже церкви ею въ имя создана*, многа чюдеса исцѣления сътворяются» (*Восток.* тамъ же стр. 697). Скажутъ ли, что Погодинскій списокъ древнѣе прочихъ, и по-

тому его чтеніе надобно предпочесть? Но и Погодинскій список, пусть онъ дѣйствительно относится къ XIV или даже къ XIII вѣку, писанъ въ такое время, когда переписчикъ могъ уже сдѣлать небольшую вставку о церквахъ, построенныхъ на Альтѣ и Смядинѣ. А съ другой стороны извѣстно, что и въ позднѣйшихъ спискахъ сохранился до насъ наиболѣе вѣрный текстъ нѣкоторыхъ древнихъ сочиненій *).

Впрочемъ, согласимся, что чтеніе Погодинскаго списка есть самое вѣрное, — новый вопросъ: о какихъ церквахъ говорятъ вышепоказанныя лѣтописи, какъ устроенныхъ на мѣстахъ убіенія св. Бориса и Глѣба, — точно ли о церквахъ первоначальныхъ? О церкви, созданной на Альтѣ, читаемъ: «въ лѣто 6625 (1117) Володимеръ Всеволодичь заложи церковь *камяну* святою мученику» (I. 128); о церкви — на Смядинѣ: «въ тоже (т. е. 6653 или 1145) лѣто заложиша церковь *камяну* на Смядинѣ, Бориса и Глѣба, Смольньскѣ» (III, 10). Значитъ ли, что прежде на этихъ мѣстахъ не было другихъ церквей — деревянныхъ? Безъ сомнѣнія, не значитъ: и въ самомъ Вышгородѣ, гдѣ покоились мощи св. страстотерпцевъ, прежде нежели тотъ же Владиміръ Мономахъ создалъ въ 1115 году церковь каменную, существовали преемственно двѣ церкви деревянныя во имя св. братьевъ, устроенныя Ярославомъ и потомъ Изяславомъ (*Нестор*. рукоп. Житіе св. Бориса и Глѣба; Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 78, 127). Нѣтъ ли даже какихъ либо намековъ, что на Альтѣ или на Смядинѣ дѣйствительно суще-

*) Когда эта статья была уже окончена и переписана, мы получили 34-й листъ «Извѣстій», содержащій въ себѣ, между прочимъ, записку И. И. *Срезневскаго*: «Древнія Жизнеописанія Русскихъ Князей X — XI вѣка». Здѣсь съ великимъ удовольствіемъ мы встрѣтили (—стр. 122—127) подтвержденіе нѣкоторыхъ нашихъ мыслей, изложенныхъ въ настоящей статьѣ.

ществовали церкви прежде XII вѣка? Есть, по крайней мѣрѣ, касательно церкви на Альтѣ. Когда прен. Ѳеодосій Печерскій, при смерти своей, въ 1074 году указалъ было братіи избрать на мѣсто его въ игумена *Іякова презвитера:* то братіи, говоритъ Лѣтописецъ, это «не любо бысть, глаголюще: «яко не здѣ есть постриганъ»; бѣ бо Іяковъ пришелъ *съ Летьца* (по др. *со Лтьца*) съ братомъ своимъ Пауломъ» (—I. 80). *Съ Летьца* или *со Лтьца*, конечно, значитъ съ Альты: потому что и у самаго Лѣтописца и по другимъ памятникамъ *Летьское* поле значитъ *Альтское* поле и *Альта* называется *Льто* (—I, 62, 129, 254). Если это справедливо, то слѣдуетъ, что на Альтѣ еще прежде 1074 года существовала церковь, въ которой Іаковъ мнихъ былъ прежде пресвитеромъ, и при церкви, вѣроятно, существовалъ монастырь, въ которомъ Іаковъ принялъ постриженіе. Далѣе — подъ 1154 г. въ Ипатіевской лѣтописи читаемъ: «тогда же много зла створиша Половци около Переяславля, и пожгоша села вся, и *Летьскую божницу,* и святою мученику Бориса и Глѣба (храмъ—по списк. X и Е) зажгоша» (П. С. Р. Лѣт. II. 77; снес. I, 147). Что это за Летьская божница, очевидно, отличная отъ храма во имя св. мучениковъ, построеннаго Мономахомъ на Альтѣ (см. Кіевлянин. II, стр. 10)? Не есть ли это остатокъ той древней деревянной, небольшой церкви, которая еще прежде 1074 года существовала на Альтѣ, и при которой Іаковъ былъ нѣкогда пресвитеромъ? Существовала ли какая либо церковь на Смядинѣ прежде XII вѣка, — не знаемъ. Но довольно было и одной церкви на Альтѣ, чтобы Іаковъ мнихъ, бывшій прежде при этой церкви пресвитеромъ, могъ сказать, обращаясь къ св. страстотерпцамъ: «и на мѣстехъ, идѣже мученичьскымъ вѣнцемъ увязостася, *и сздана*

бысть церковь во имя ваю, да и ту такоже многа чудеса стваряета посѣщающіи» (какъ въ спискѣ Рум. Муз. № 435).

Новымъ подтвержденіемъ мысли, что Іаковъ мнихъ, составившій Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ, писалъ уже въ XII вѣкѣ, могъ бы служить Разсказъ о чудесахъ св. страстотерпцевъ, слѣдующій непосредственно за Сказаніемъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: потому что въ этомъ Разсказѣ прямо повѣствуется о событіяхъ не только XI, но и XII вѣка. Но Сказаніе и Разсказъ суть два отдѣльныя сочиненія. 1) Сказаніе представляется законченнымъ, и составитель его выражаетъ даже мысль, что онъ не намѣренъ описывать чудесъ св. братьевъ. Изложивши, послѣ вступленія, собственно исторію мученической кончины кн. Бориса и его погребенія въ Вышгородѣ, потомъ исторію такой же кончины кн. Глѣба и погребенія его, по волѣ Ярослава, въ томъ же Вышгородѣ въ одной *могилѣ* вмѣстѣ съ Борисомъ, авторъ Сказанія заключаетъ (а объ открытіи св. мощей и о перенесеніи ихъ, даже первомъ, онъ вовсе не говоритъ): «но яко же рече святый: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, ни свѣщи вьжегша спудомъ покрываютъ, да свѣтитъ темныя.* тако и сия святая постави свѣтити в мирѣ премногыми чюдесы сияти в Рустѣи сътранѣ, идѣже много стражющихъ спасени бываютъ, слѣпии прозирають, а хромии быстрѣе серны бываютъ, случии простренме приемлють. *Но или могу вся исповѣди или сказати творимая ту чюдеса?* По истинѣ, ни весь миръ можетъ яже дѣются предивная чюдеса; по истинѣ, весь миръ можетъ понести, яже дѣются предивная чюдеса, и наче пѣска морьскаго» (по списку Погодин.). Послѣ того слѣдуетъ похвала св. мученикамъ: «тѣмъ же ваю како похвалити, не свѣмъ, или рещи,—не доумѣю и возмогу».... За похвалою—молитва

къ св. страстотерпцамъ, и наконецъ молитва къ Богу, оканчивающаяся заключительными словами: «яко Ты еси Богъ нашъ, и Тебѣ славу всылаемъ Отцю и Сыну и Святому Духу» (такъ и въ Погодин. спискѣ) или: «яко милостивъ и человѣколюбецъ Богъ еси, и Тебѣ славу всылаемъ со безначальнымъ твоимъ Отцемъ и всесвятымъ и благимъ....» (такъ въ Румянц. № 435). 2) Есть рукописи, въ которыхъ Сказаніе о св. страстотерпцахъ помѣщено одно и за нимъ не слѣдуетъ Разсказъ о чудесахъ ихъ (напр. Румянц. Муз. №№ 435 и 436), равно какъ есть другія рукописи, въ которыхъ встрѣчается Разсказъ о чудесахъ безъ этого Сказанія (Рум. Муз. № 434, *Восток*. Опис. стр. 674—675). 3) Даже въ тѣхъ рукописяхъ, гдѣ Сказаніе и Разсказъ встрѣчаются вмѣстѣ, между ними не находится ни какой связи. Въ спискѣ, напечатанномъ въ Хр. Чтеніи, Разсказъ начинается совершенно ex abrupto.... Въ спискѣ Погодинскомъ между Сказаніемъ и Разсказомъ помѣщено Описаніе наружности и свойствъ одного Бориса (почему и не Глѣба?), которое вовсе не служитъ переходомъ отъ одного сочиненія къ другому, а представляется вставкою (нельзя не замѣтить, что въ спискѣ Румянц. Муз. № 435 это описаніе помѣщено гораздо болѣе кстати въ самомъ сказаніи о св. Борисѣ, прежде его кончины); потомъ слѣдуетъ Разсказъ о чудесахъ, начинающійся особымъ, общимъ вступленіемъ, какъ совершенно отдѣльное сочиненіе.... Въ слѣдствіе такихъ данныхъ почитать этотъ Разсказъ сочиненіемъ того же самаго писателя, которому принадлежитъ Сказаніе о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ, намъ кажется, было бы несправедливо.

Еще одно замѣчаніе: мнѣніе объ Іаковѣ мнихѣ, какъ писателѣ XII вѣка, основывается на томъ, что онъ писалъ *послѣ* созданія церквей на Альтѣ и Смядинѣ въ 1117 и 1145 годахъ.

Но отсюда строго не слѣдуетъ, что онъ жилъ и писалъ именно въ XII вѣкѣ, а не въ XIII или даже XIV.

II.

Обратимся къ другому мнѣнію объ Іаковѣ мнихѣ, по которому онъ жилъ и писалъ въ XI вѣкѣ и, можетъ быть, былъ тотъ самый Іаковъ, котораго рекомендовалъ въ 1074 году на свое мѣсто преп. Ѳеодосій во игумена Кіево-печерской братіи.

1. Свое Сказаніе о св. страстотерпцахъ Борисѣ и Глѣбѣ, написанное прежде Житія св. Владиміра и прежде Похвалы ему, Іаковъ начинаетъ словами: «*Родъ правьденыхъ въ вѣкы въ благословении будеть.* Сице убо бысть маломъ преже сихъ лѣтомъ, сущю самодержцю рускыя земля Володимеру, сыну Святославлю, внуку же Игореву, иже святымъ крещениемь просвѣти всю землю Рускую, прочая же его добродѣтели индѣ скажемъ, нынѣ же нѣсть время; а о сихъ по раду сице есть: се убо Володимеръ имѣяше сыновъ 12».... (по списку Погод.). Что ни говорите, а выраженіе: *сице бысть маломъ преже сихъ лѣтомъ*, безъ сомнѣнія значитъ: *такъ было за немного лѣтъ до насъ или до настоящаго времени.* И странно было бы, если бы кто либо, черезъ двѣсти или хоть черезъ полтораста лѣтъ послѣ св. Владиміра, вздумалъ сказать: «сице бысть маломъ *преже сихъ* лѣтомъ, *сущю* самодержцю Рускыя земля Володимеру». Г. Бутковъ, отвергая, что слова: *маломъ преже сихъ лѣтомъ*— показываютъ близость жизни инока Іакова ко дню Владиміровой кончины, утверждаетъ: «слова сіи относятся скорѣе къ изложеннымъ въ статьѣ событіямъ, нежели къ сочинителю, какъ явившемуся на свѣтъ не ранѣе XII вѣка» (Разбор. трехъ древн. Памятн. Русск. Дух. Литер., напечат. въ Современ. 1852, ч. II,

отд. II, стр. 90). Но прочтите еще представленный нами отрывокъ и скажите: кто же, если не сочинитель пишетъ: сице бысть маломъ преже *сихъ* лѣтомъ, т. е. преже тѣхъ лѣтъ, когда жилъ онъ? И что значитъ: «слова сіи скорѣе относятся къ изложеннымъ въ статьѣ событіямъ»? То ли, что событія эти послѣдовали вскорѣ по смерти св. Владиміра, или то, что они совершились не за много лѣтъ до времени сочинителя? Перваго предположенія рѣшительно принять нельзя: оно не имѣетъ ни малѣйшаго основанія въ текстѣ. Послѣднее совершенно согласно съ ходомъ рѣчи: «*сице бысть* маломъ преже сихъ лѣтомъ».... А если принять это предположеніе,—то всё же надобно допустить, что Іаковъ мнихъ жилъ спустя не много лѣтъ послѣ кончины Владиміровой: потому что послѣднее изъ описанныхъ имъ въ Сказаніи событій есть перенесеніе тѣла Глѣбова отъ Смоленска въ Вышгородъ и погребеніе вмѣстѣ съ тѣломъ Борисовымъ,— что̀ совершилось въ 1020 г. т. е. не болѣе, какъ черезъ пять лѣтъ по смерти св. Владиміра (*Несторъ*. въ Житіи Бориса и Глѣба, Рум. Муз. № CLII). «Потому-то», продолжаетъ г. Бутковъ, «въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ, со словъ того же Іакова написано: сице убо бысть *преже сихъ лѣтъ* истинному самодержцю всеа Руси Владиміру. Тутъ уже нѣтъ прилагательнаго *малымъ* (—тамъ же)». Но если бы выраженіе: *малымъ преже сихъ лѣтъ* — относилось не къ сочинителю статьи, а къ описаннымъ имъ событіямъ, какъ послѣдовавшимъ вскорѣ по смерти Владиміра: въ такомъ случаѣ не нужно было бы не только лѣтописцу XIII вѣка, но и писателямъ всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ опускать въ этой статьѣ слово: *малымъ*. А то вотъ мы видимъ, что въ самомъ началѣ XIII вѣка лѣто-

писецъ, вздумавшій помѣстить эту статью въ своей лѣтописи не цѣликомъ, а въ сокращеніи, счелъ уже неприличнымъ выразиться: «сице убо бысть *маломъ* преже сихъ лѣтомъ, сущю....» Равнымъ образомъ и въ послѣдующее время авторъ Степенной Книги, не переписавшій только, а отчасти и измѣнившій въ слогѣ эту самую статью, нашелъ нужнымъ совсѣмъ опустить означенное выраженіе и замѣнить его другими словами (Степ. кн. I, 184). Оно сохранилось только въ тѣхъ рукописяхъ, въ которыхъ статья была переписываема цѣликомъ съ болѣе древнихъ подлинниковъ (находится во всѣхъ, извѣстныхъ намъ, спискахъ).

Г. Тюринъ сдѣлалъ и съ своей стороны замѣчаніе противъ этого выраженія: «Хотя въ началѣ Житія написано «сице убо бысть *малымъ* преже сихъ лѣтъ, сущю самодержцю всея Рускыя земля Володимеру....», но понятіе о маломъ очень неопредѣленно. Притомъ эти слова напоминаютъ Греческое техническое выраженіе: οὐ πρὸ πολλοῦ τῆς καθ᾽ ἡμᾶς γενεᾶς — не задолго, что иногда означало у Греческихъ писателей слишкомъ цѣлое столѣтіе. Напр. въ Паноплія Евѳимія Зигавена о Богомильской ереси сказано, что она получила начало въ Болгаріи οὐ πρὸ πολλοῦ не задолго» (Извѣстія Втор. Отд. Импер. Ак. Наукъ л. 32, стр. 86). Дѣйствительно, понятіе о маломъ очень неопредѣленно; но, безъ сомнѣнія, *малое* всегда означало, какъ и нынѣ означаетъ, *малое*, а не *многое*. Что же касается до того, будто у Грековъ есть техническое выраженіе: οὐ πρό πολλοῦ τῆς καθ᾽ ἡμᾶς γεννεᾶς, которое иногда будто бы означало у Греческихъ писателей слишкомъ цѣлое столѣтіе,—съ этимъ мы не можемъ согласиться. Намъ не случалось встрѣтить ни одного подобнаго примѣра у Греческихъ писателей, и природные Греки, съ которыми мы на-

рочито объ этомъ бесѣдовали, ни какъ не соглашаются приписать такое широкое значеніе приведенному выраженію *).

2. Мнихъ Іаковъ въ началѣ Похвалы св. Владиміру, упомянувъ, какъ св. Ап. Павелъ заповѣдалъ ученику своему Тимоѳею передавать другимъ слышанное имъ отъ учителя, какъ св. Лука написалъ Евангеліе и Дѣянія Апостольскія, и какъ «потомъ многихъ Святыхъ писати начаша житіа и мученія,» продолжаетъ: «тако же и язъ худый мьнихъ Іаковъ, *слышавъ отъ многыхъ* о благовѣрномъ князѣ Володимерѣ всея Рускія земля, о сынѣ Святославлѣ, и, *мало собравъ отъ многия*

---

*) Ссылка на Евѳимія Зигавена не чужда погрѣшности и не доказываетъ того, что хотѣлъ доказать авторъ. Зигавенъ жилъ при Алексѣѣ Комнинѣ 1 (1081—1118), по порученію котораго и написалъ свою Паноплію, какъ самъ показываетъ въ предисловіи къ ней и въ концѣ статьи о Богомилахъ, упоминая здѣсь о дѣйствіяхъ этого императора, остававшагося еще въ живыхъ, и какъ еще яснѣе свидѣтельствуетъ дочь императора Алексѣя Комнина I, Анна, въ Исторіи жизни своего родителя (*Ann. Comnen.* Alexiad. lib. XV, p. 490, ed. Paris, sev—p. 387, ed. Venet.). Далѣе, чтобы правильнѣе понять, въ какомъ смыслѣ употребилъ Зигавенъ въ началѣ статьи о Богомилахъ выраженіе: ὀυ πρὸ πολλοῦ τῆς καϑ ἡμᾶς γεννεᾶς, надобно взять это выраженіе въ контекстѣ рѣчи. Вотъ заглавіе статьи: Κατά Βογομίλων. Βόγον μὲν γὰρ ἡ τῶν Βυλγάρων γλῶσσα καλεῖ τὸν Θεὸν, Μίλον δὲ τό ἐλέησον. εἴη δ' ἂν Βογόμιλος κατ' αὐτὰς ὁ τῦ Θεῦ τὸν ἔλεον ἐπισπώμενος. Вотъ за тѣмъ самое начало статьи съ послѣдующими строками: Ἡ τῶν Βογομίλων αἷρεσις ὀ' πρὸ πολλῦ συνέστη τῆς καϑ' ἡμᾶς γενεᾶς, μέρος ὖσα τῆς τῶν Μασαλιανῶν, καὶ συμφερομένη τὰ πολλὰ τοῖς ἐκείνων δόγμασι, τινὰ δὲ καὶ προσεξαιρῦσα, καὶ τὴν λύμην αὐξήσασα. διεγνώσϑη δὲ κατὰ τοῦς χρόνως Ἀλεξίυ τῦ ϑεοκυβερνήτυ Βασιλέως ἡμῶν, ὃς ἐντέχνως, καὶ πάνυ ϑαυμασίως τὸν ἔξαρχον αὐτῆς ϑηρευσας, Βασίλεως ἦν ὖτος ὁ Ἰατρὸς, ἀνὴρ ὀλίϑριος μᾶλλον, καὶ λοιμὸς, καὶ φϑορᾶς μεσὸς, καὶ πάσης κακίας ὄργανον (Πανοπλ. δογματ. τίτλ. κз). Изъ этого видно, что когда Зигавенъ говоритъ: ересь Богомиловъ возникла не за-долго до нашего поколѣнія», то онъ имѣетъ въ виду вовсе не Богомила — основателя этой ереси, жившаго въ извѣстное время, котораго и не знаетъ, какъ опредѣленное лице,—а разумѣетъ

добродѣтели его, написахъ, и о сыну его, реку же святою и славную мученика Бориса и Глѣба». Отсюда видно, что Іаковъ писалъ о св. Владимірѣ по слухамъ, и если выражается: *мало собравъ*, то—собралъ или избралъ именно *отъ многия добродѣтели* князя, о которой слышалъ, а не то, чтобы собралъ о добродѣтеляхъ его изъ какихъ либо письменныхъ свидѣтельствъ, какъ представилось это г. Тюрину (Изв. II-го Отд. Импер. Ак. Наукъ, л. 32, стр. 85). Правда, и въ последней половинѣ XII вѣка можно еще было *слышать* о св. Владимірѣ, какъ и въ послѣдующее время (ibid.). Но тогда можно уже было и *читать* о св. Владимірѣ въ Лѣтописи преп.

вообще еретиковъ, называвшихся по-Болгарски *Богу-милыми*. Видно такъ же, что ересь Богомиловъ *открыта*, сдѣлалась извѣстною уже во дни императора Алексѣя, при которомъ и жилъ Зигавенъ, а прежде слѣд. скрывалась; потому и естественно, если современники его, не зная въ точности о происхожденіи новооткрытой ереси, полагали, что она возникла *незадолго* до ихъ поколѣнія. Видно наконецъ, что основателемъ или начальникомъ (ἔξαρχον) этой ереси Зигавенъ признаетъ не Богомила, а Василія-врача, котораго и открылъ и потомъ казнилъ императоръ Алексѣй, и съ которымъ бесѣдовалъ даже самъ Зигавенъ, какъ пишетъ въ той же статьѣ о Богомилахъ. И слѣдовательно, повторяемъ, очень естественно, если Зигавенъ, вмѣстѣ съ своими современниками, могъ говорить: «ересь Богомиловъ возникла не задолго до нашего поколѣнія». Въ подтвержденіе своей мысли указываемъ на современницу Зигавена Анну Комнену, которая пишетъ, что во дни ея родителя Алексѣя «появился *новый* видъ ереси, никогда прежде неизвѣстный въ церкви (τὸ τῆς αἱρέσεως εἶδος καινὸν..)» именно ересь Богомиловъ; что эта ересь, хотя, «*какъ кажется* (ὡς ἔοικεν), была и *прежде времени моего родителя*, но скрывалась...., а родитель мой открылъ ее и обнаружилъ», — и потомъ разсказываетъ самую исторію открытія ересеначальника Василія съ его учениками и исторію его казни (Alexiad. lib. XV, p. 486, ed. Paris, sev p. 384, ed. Venet.).

Редак. съ своей стороны считаетъ долгомъ исправить опечатку, вкравшуюся въ статью А. Ѳ. Тюрина: на стр. 80 въ прим. вмѣсто 1081 г. напечатано 1181.

Нестора и естественно было такіе поздніе *слухи* о равноапостольномъ князѣ повѣрять древнѣйшею *лѣтописью* или, по крайней мѣрѣ, согласовать съ нею въ лѣтосчисленіи. Между тѣмъ Іаковъ въ своей Похвалѣ св. князю сообщаетъ о немъ свѣдѣнія, не только несогласныя съ лѣтописью, но даже противорѣчащія ей въ самомъ лѣтосчисленіи. Какой разумный писатель половины XII вѣка могъ бы предпочесть въ этомъ дѣлѣ сбивчивые слухи опредѣленному свидѣтельству древнѣйшей лѣтописи? И не должно ли отсюда заключить, что Похвала св. Владиміру написана не на основаніи лѣтописи Несторовой и даже прежде ея? Чтобы дѣло было яснѣе, повторимъ здѣсь нѣкоторыя замѣчанія М. П. Погодина: 1) «Весь образъ хронологическаго извѣстія (въ Похвалѣ) указываетъ, что онъ прямо взятъ изъ памяти и преданія, со слуха, а не выписанъ откуда либо: «на другое лѣто по крещеніи Владиміръ сдѣлалъ то, на шестое то, и т. д. 2) Хронологія не та, что у Нестора: Владиміръ крестился въ 987 г., ходилъ къ порогамъ въ 988, взялъ Корсунь 989, заложилъ церковь въ 990, основалъ Переяславль въ 991, уставилъ десятину въ 995. Она заключаетъ однако жъ противорѣчія: сочинитель говоритъ сначала, что Владиміръ жилъ по крещеніи 28 лѣтъ, а онъ скончался въ 1015 году, слѣдовательно крестился въ 887 г., а потомъ говоритъ, что Владиміръ крестился въ 10 лѣто по убіеніи Ярополка, а Ярополкъ убитъ въ 980 г., слѣдовательно Владиміръ крестился въ 990 году. Впрочемъ это ошибки или противорѣчія незначительныя и легко объяснимыя въ сочиненіяхъ такого рода, писанныхъ по памяти, чрезъ много лѣтъ послѣ описываемыхъ происшествій. Въ лѣтописяхъ, писанныхъ изъ года въ годъ, такихъ ошибокъ не бываетъ. 3) «Владиміръ ходилъ къ порогамъ»: явно современное выраженіе. 4) Авторъ

опредѣляетъ именно, какого числа Владиміръ овладѣлъ Кіевомъ, по смерти Ярополка (Іюня 11), чего нѣтъ нигдѣ. 5) Авторъ именно говоритъ, что Владиміръ предпринималъ походъ на Корсунь, уже принявъ св. крещеніе, на третій годъ. И Несторъ свидѣтельствуетъ, что въ его время было точно преданіе о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ, имъ однако же отвергаемое: «се же не свѣдуще право (т. е. не знающіе правды, истины) глаголютъ, яко крестилъся есть въ Кіевѣ, иніи же рѣша: Василивѣ, друзіи же инако скажуть» (Лавр. сп. с. 48). Оба преданія могли быть вѣрны» (Изв. I. стр. 330).

3. Другое, болѣе обширное, сочиненіе мниха Іакова о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ написано такъ же не на основаніи лѣтописи Несторовой. Напротивъ, можно полагать, какъ сознался и г. Бутковъ, что оно само внесено въ Несторову лѣтопись, хотя въ разные списки ея — съ разными измѣненіями и сокращеніями (Разб. трехъ памятн., примѣч. 37). Мысль эта вытекаетъ изъ слѣдующаго соображенія: извѣстно, что преп. Несторъ самъ написалъ особое Слово о житіи и погубленіи св. Бориса и Глѣба; потому естественно было ему и въ лѣтописи помѣстить или это Слово, или, хотя въ сокращеніи, тѣ же свѣдѣнія о св. Страстотерпцахъ, какія изложилъ въ Словѣ. Между тѣмъ въ лѣтописи мы читаемъ сказаніе о св. мученикахъ, во многомъ несогласное съ Словомъ Несторовымъ, — сказаніе слѣдовательно, которое Нестору не принадлежитъ, и которое, такъ и кажется, внесено въ его лѣтопись изъ какого либо Торжественника, особенно судя по заключенію, оканчивающемуся словами: «сподобита же и насъ, поющихъ и почитающихъ ваю *честное торжьство*, въ вся вѣки до скончанья» (Собр. Р. Лѣт 1, 60). Кѣмъ и когда внесено это Сказаніе, приписываемое мниху Іакову, въ лѣтопись Несто-

ровy,—внесено, впрочемъ, въ сокращеніи и съ перемѣнами,— не знаемъ. И потому не можемъ выводить изъ этогó обстоятельства, что Іаковъ писалъ *прежде* препод. Нестора. Но можемъ, по крайней мѣрѣ, утверждать, что на основаніи сходства между лѣтописью Несторовою и Сказаніемъ Іакова мниха о св. братьяхъ-страстотерпцахъ, несправедливо заключать, будто Іаковъ писалъ *послѣ* Нестора.

4. Что же касается, наконецъ, до «Житія блаженнаго Володимера», которое въ нѣкоторыхъ рукописяхъ помѣщается между Похвалою ему и Сказаніемъ о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ,—сочиненіями мниха Іакова: то, не имѣя пока возможности сказать что нибудь рѣшительное объ этомъ Житіи, принадлежитъ ли оно Іакову или не принадлежитъ, ограничимся нѣкоторыми о немъ замѣчаніями.

а) Гг. Бутковъ и Тюринъ прямо приписываютъ означенное Житіе блаж. Володимера иноку Ѳеодосію: потому что въ другомъ спискѣ будто бы этого же самаго Житія, хранящемся въ Рум. Муз.. (№ 434) ясно упоминается въ концѣ *грѣшный Ѳеодосій*, какъ написавшій *грамотицу сію* (Изв. II. стр. 93). Но здѣсь ошибка, можетъ быть, невольная, которой причиною я. При изданіи Володимерова Житія въ Хр. Чтеніи 1849, я первый сказалъ въ предварительныхъ примѣчаніяхъ, что другой списокъ этого Житія находится въ Рум. Муз. подъ заглавіемъ: «Слово о томъ, како крестися Володимеръ, возмя Корсунь». Тогда я основалъ свою мысль только на краткой выпискѣ изъ слова, представленной г. Востоковымъ въ Опис. Рум. Муз. (стр. 434), и имѣющей дѣйствительно не малое сходство съ находившимся у меня спискомъ Житія. Теперь оказалось, что изданное мною «Житіе блаженнаго Володимера»

и находящееся между рукописями Рум. Музеума: «Слово о томъ, како крестися Володимеръ, возмя Корсунь», — при нѣкоторомъ сходствѣ, суть два *различныя* сочиненія. У меня подъ руками тотъ самый Патерикъ XIV—XV вѣка Новгор. Соф. библіотеки, съ котораго снята быта копія для Музеума Гр. Румянцева, и въ которомъ стоитъ вторая статья: «Слово о томъ, како крестися Володимеръ, возмя Корсунь».

б) Главная причина, почему колебался и я приписать «Житіе блаж. Володимера» мниху Іакову и потомъ вовсе не приписываютъ ему гг. Бутковъ и Тюринъ, заключается въ одномъ важномъ противорѣчіи между Житіемъ и Похвалою св. Владиміру, которая написана Іаковомъ мнихомъ: въ Похвалѣ сказано, что Владиміръ жилъ, по крещеніи своемъ, 28 лѣтъ; а въ Житіи, будто онъ жилъ, по крещеніи своемъ, 33 года. Но должно замѣтить, что это показаніе находится не въ самомъ Житіи, а уже въ приложеніи или заключеніи Житія, послѣ того, какъ сказано о кончинѣ св. Владиміра. И можно думать, что все это заключеніе есть уже позднѣйшее прибавленіе къ Житію: потому что въ другомъ, читанномъ нами, спискѣ этого самаго Житія, отличающемся отъ напечатаннаго въ Хр. Чтеніи 1849 г. только нѣсколькими словами вступленія и заключеніемъ, мы не нашли этого страннаго показанія, равно какъ и всего этого заключенія, замѣненнаго другимъ (Рук. Рум. Муз. № 436, л. 264—269; *Восток.* Опис. Рум. Муз. стр. 697).

в) Надобно, кажется, допустить, что Іаковъ мнихъ, кромѣ Сказанія о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ и Похвалы св. Владиміру, написалъ еще Житіе его или другое подобное сочиненіе о равноапостольномъ князѣ: потому что самъ Іаковъ говоритъ въ началѣ Похвалы: «азъ худый мънихъ Иаковъ,

слыша отъ многыхъ о благ. князѣ Володимерѣ:..., и, мало собравъ отъ многия добродѣтели его, *написахъ*, и о сыну его, реку же святою и славную муч. Бориса и Глѣба». Здѣсь нельзя думать вмѣстѣ съ г. Тюринымъ, будто слово *написахъ* указываетъ именно на Похвалу, въ началѣ которой оно стоитъ (Изв. II, стр. 99): иначе въ этой же Похвалѣ надлежало бы искать и написанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, къ которымъ равно относится означенное слово. И если слово *написахъ* Іаковъ относилъ собственно къ Похвалѣ, — въ такомъ случаѣ ему приличнѣе было бы выразиться: *написахъ о Владимірѣ и о бабѣ его Ольгѣ*, вмѣсто словъ: *и о сыну его Борисѣ и Глѣбѣ*: потому что въ Похвалѣ дѣйствительно содержится сказаніе и о св. Ольгѣ, тогда какъ о Борисѣ и Глѣбѣ ничего нѣтъ. Какое же другое сочиненіе мнихъ Іаковъ написалъ о св. Владимірѣ, прежде Похвалы ему? Отчасти Іаковъ самъ указываетъ на это сочиненіе, когда говоритъ: «мало собравъ отъ многия добродѣтели его, *написахъ*, и о сыну его, реку же св. и славную муч. Бориса и Глѣба, *како просвѣти благодать Божія сердце князю Рускому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву и возлюби ѝ человѣколюбивый Богъ, хотяй спасти всякаго человѣка и въ разумъ истиный пріити, и вжада святою крещенія»*. То есть Іаковъ прежде Похвалы св. Владиміру написалъ о томъ *какъ крестился св. Владиміръ*. А разсматриваемое нами «Житіе блаж. Володимера» говоритъ именно объ этомъ предметѣ и начинается прямо съ того, какъ «ходиша слугы его въ Болгары и въ Нѣмцы».... для испытанія вѣръ....

—

Какое же общее заключеніе изъ всего, нами сказаннаго? То, что вопросъ о мнихѣ Іаковѣ нельзя еще считать рѣшеннымъ, пока не сдѣлается извѣстнымъ наибольшее число списковъ приписываемыхъ ему сочиненій, и что, при настоящемъ положеніи дѣла, кажется, справедливѣе признавать Іакова писателемъ XI-го, нежели писателемъ второй половины XII вѣка.

VII.

ДОПОЛНЕНІЯ

къ запискѣ: Древнія Жизнеописанія Русскихъ Князей.

И. И. Срезневскаго.

I.

— *Не возможно чл̃комъ* (=*не возможетъ чл̃векъ*) глаголати и не насытится ꙗ*ко* ѡко *зренiа* (= *зрѣти*) *ни* ꙋхо слышаниꙗ....

Начиная этимъ изреченіемъ Экклесіаста (I: 8) и въ слѣдъ за тѣмъ представляя доказательства величія чюдесъ, творимыхъ въ мірѣ, сочинитель Сказанія о чюдесѣхъ с̃тою страстотерпцю Христову переходитъ къ предмету сказанія такъ:

— *Да* празднуемъ (= *юще*) *щедри на подание сꙋще* ихъ же прославилъ (= *правилъ*) Бг̃ъ премногою бл̃гтию и чюдесы. ꙗкоже и *сіе* (=сии) стр̃трп̃ца всеи *странѣ* (=*остинѣ*) нашеи Рꙋстеи (*земли*).

Непосредственно послѣ этого начинается расказъ объ открытіи мощей св. Бориса и Глѣба.

— Елма же инози не вѣдяахꙋ в Вышегородѣ лежащю (= е) ст҃ую (*мчнку и*) стртрпцю (*хв҃у*) Романа и Дв҃а. но Гь (*не веляше такому скрови(щ)у оубо в земль таить ти ся. нь*) ꙗви всимъ *) створи. Ѿвогда бо на мѣсте идѣже лежаста столпъ *бѣ видѣти* (= *видяху стоꙗще*) ѡгнѣнъ. овогда анг҃лы поюща слышахꙋ. и то видяще и слышаще вѣрнии(*и*) славяхꙋ Бг҃а приходяще поклоняхꙋ ся (*съ страхомъ*) на мѣсте томъ (*и пришелци многи прихожаху Ѿ инѣхъ странъ. и ови бѣ вѣроваху...*) Придешаж (*бо*) единою Варязи близи мѣста *скровена на земли* (= *иде же лежаста подъ землею погребена*) и ꙗко единъ въстꙋпи(*въ*) томъ часѣ ѡгнь изыде из (= Ѿ)гроба *пожьже* (= *зажеже*) нозѣ его. (*и скочь*) дрꙋжинѣ показаꙗ нача повѣдати и нозѣ показа *Ѿжьженѣ злѣ* (=*опаленѣи женѣ* **) и Ѿтолѣ начаша не смѣти бли приходити. но съ страхом. поклоняхꙋся. (*и*) по сих по малѣ дни. и вогорѣся црквеи(ы)*та* ст҃о Василіа *в нѣиже* (= ꙋ *неꙗ же*) лежаста ст҃ая. и теч*аша* (=*аху*) людие на позоръ (*и*) горяше *бо* црк*ви* (=ы) *та* ст҃аго Василіа *в нѣи же* (=ꙋ *неꙗ же*) лежаста ст҃ая и теч*аша* (= *аху*) людие на позоръ (*и*) горяще бо церкв*и* (=ы) Ѿ верха. износиша (= *есо*) вс*я* (= *е*) иконы и книгы и *сьсꙋды црк҃вныꙗ*. и ничтож не згорѣ (= *со*). (*но*) токмо црк*вь* (=ы) едина. Повѣдаша же Ꙗрославꙋ ѡ всемъ. (*семь*). *ѡнъ же* митрополита Иѡана призвавъ *вся бывшаꙗ* сказа емꙋ (*о ст҃ою мчнку брату своию*). *Архиеппъ* Ѿ ꙋ*жаса и радости шед повелѣ сьбрати мꙋжены и попы. и приидѣ съ крты Вышегородꙋ. и с ним градъ весь.*(= *И*

---

*) Въ подл. ошибкою: синимъ.

**) *Опаленѣи женѣ*: это мѣсто Синод. списка ясно доказываетъ небрежность его написанія: *опаленѣи* вмѣсто *ожьженѣи*, а *женѣ* есть окончаніе слова *ожьженѣ*, написанное писцомъ, незамѣтившимъ, что оно само по себѣ ничего не значитъ.

бы ꙗко *прибжастенъ и въ сумнении и в радости и въ дерзновѣньи къ Бу и ишедъ ѿ кнзя събере клиросъ и все поповество. и повелѣ поити в похрьстьхъ Вышегороду*) и *прийдоша* (=*поидоша*) до мѣста идѣже лѣжаста стаꙗ. бѣж *тꙋ* (=*и с ними*) Ирославъ княз. и поставили (*же*) *бяша* (=*ху*) клѣт'*щю* (=*ку*) налꙋ (*на томъ мѣстѣ*), идѣ же цркви (=ꙑ) *с'горѣ* (=*бяше сьгорѣла*). архиеп'пъ же пришед со крты. и въ той клѣтцѣ сътвори всѣнощ'ное пѣтіе (=*ние*) и *начавьшꙋ* (=*наставшю*) дни идѣ и ар'хиеппъ съ крты *княз и людие* идѣ же лежаста стꙋю телѣса (=*и*) и створь (=*и*) млтвꙋ (*и*) повелѣ надъ гробома (=ъ) (*ст*оꙗ) перьсть (*сущюю*) ѿкопати (=*овати*).... и изнесоша стою ѿ зем'ля и пристꙋпль (=*и*) Иѡанъ митрополитъ *и кнзь Ирославъ* (=*съ прозвутеры*) съ страхом и любовіею. ѿкрыста гроба (=ъ) стою (*ти*) видѣша (*чюдо преславно*) телеси (*стою*) *акы слнце свѣтящеся... и внесше* (=*нсоше*) в тꙋ храминꙋ ꙗже *бѣ на мѣстѣ погорѣв'шеꙗ црkве поставиша я* (=*бяше поставлена*) над землею на дѣсней странѣ. *Бѣ* (=*бысть*) мꙋж именемъ Миронѣгъ иже ѡгород'никъ бѣ Вышегородѣ (Хр. Чт. стр. 357) *).... Мꙋжь бѣ нек'то слѣпъ (Хр. Чт. стр. 360).... *Шедъ* Миронѣгъ *сказа* (=*повѣда*) ѿба (=*обѣ*) чюда (*ѣ*) кнзю. Ирославъ же (*князь*) сіа слышавъ слав(*л*)яше Бга и стою (= *аꙗ*) мчнкꙋ (= *а*) и призвавъ кнзь митрополита Іѡан'на (*с веселиемъ*) вся (=*си*) ему сказа(ше). *Митрополитъ же нꙋдяше и црkвь создати*

*) Слово *огородникъ*, безъ сомнѣнія, не можетъ быть принимаемо въ томъ смыслѣ, какой утвердился за нимъ теперь. Изъ раcказа очевидно, что Миронѣгъ былъ чѣмъ то въ родѣ градоначальника, и слѣдовательно назывался *огородникомъ* въ этомъ смыслѣ: въ чтеніи Нестора вмѣсто огородникъ стоитъ *старѣишина града* и *властелинъ градный*.

въ имя стою мчнкꙋ (*=Архиєпп же слышавъ хвалу въздавъ Бви. и кънязю глше свѣтъ бгоꙋгоденъ. дабы сдѣлалъ цркві прелѣпу и чтну*). и годѣ бы кнзю съвѣтъ сь (=кго). *и повелѣ цркві создати и ꙋкрасити ю иконами блголеп'не и книгами испол'ни* (*=и възради цр'вь велику, имѣющю верховъ пять исписавъ всю и ꙋкраси ю всею красотою и шедше съ хрьсты*) митрополитъ[ж] Иωанъ и кнзь Ѩрославъ и *попове* (*=все поповьство*) и людіе (*=и*) *со свѣщами и с кадилы и в'земьше стою тѣлеса и вложиша ю въ новꙋю цркві. и свѣтиша ю свѣщеніемъ* (*=и принесоша стая и цркві остиша. и ꙋставиша праздьникъ праздьноваши. мця иꙋля въ кд. въ нь же днь ꙋбиенъ преблжныи Борисъ. въ тъ же день цркы освѧщена и принесена бы стая*). *Бысть[ж] бжствн'ныи литоргии свѣршаемѣ чюдо преслав'но* (*=И кще сущемъ въ цркви на стѣи литургии. и кнзу и митрополиту и*) бѣ члкъ имыи ѿ *родꙋ ногѣ сꙋсѣ* (*=ту хромъ*) (Хр. Чт. стр. 361)....

(*И*) то *же* чюдо самъ видѣ (*еше*) блговер'ныи кнзь Ѩрославъ. и митрополитъ *Іωанъ. игумени и поповѣ.* и люди вси *на свѧщеніе прише*[д], хвалꙋ въздаша Бгу. и стыма. и (*по литургии поя кнзь на обѣдъ всѣ*[х] *и митрополита и прозвутеры и*) праздньствоваше(*а*) (*праздьньство яко же подобаше*) *чтнѣ и блголѣп'не.* много же ѿ именія раздава (=я) кня[з] нищимъ (*=еникъ*) и сиротамъ (*=ымъ*) и вьдовамъ (*=ичамъ*) *попомъ*[ж] и *черньцемъ* и *на ꙋкраш*[е]*е стымъ црквамъ. Бѣ бо Ѩрославъ кнзь нищелюбивъ и млстивъ стареи братъ стыма. и ѿтолѣ ꙋстави праз'новати память стꙋю Романа и Давыда. тако бо вь крщнии бяста наречена. мца Июля въ* кд *дни на паметь стою мчнкꙋ кртны въ тои*[ж] *днь ꙋбьенъ*[ж] *преблжен'ный Борисъ. В тои*[ж] *днь и*

цркви сщена бы̑ въ память стою. По сихъ (*= по сихъ*) Ярославъ преставися поживъ (*добрѣ*) по смрти Оца своего лѣтъ ки̑ (*= л̃ и*) *въ добродѣтелнѣ пребываніи* оставивъ (*= ослабивиѳъ*) с̃ны наслѣдники *стола своего* (*= своѧ*). Изяслава Стослава (*= ъ и*) Всеволода. *многа на добродѣтель учивъ я въ миръ. и в любви пребывати о Хѣ Исѣ Гдѣ нашемъ* (*= управи имъ ѩкоже бѣ лѣпо. а Стослава в Черниговѣ. а Всеволода в Переѩславли. и прокыѩ по инѣмъ властемъ*). — Мца Маа к̃. днь. пренесеніе моще стую стртрпцу Бориса и Глѣба. *Бы ѩко мину по умертвіи блжен̇наго Ярослава кнзя Володимирича* (*= и минувшемъ*) лѣ к (*и цркъі уже обетша обетшавше и*) умысли *снъ его* Изяславъ *создати* (*= и възгради и*) *камену* црквь (*нову*) *въ имя* стую (*= ма*) стртотрпцю (*= ема*) *Бориса и Глѣба* (*въ верхъ одинъ*) *исписа ю в'сю. и украси ю пречюдне.* (*Чюдо о пренесеніи стою. Бы пренесенію время стма мученикома Романа и Двда*). И совокупишася (*= вшеся*) *вся* братия Изяслав. *Стъславъ* (*и*) Всеволодъ. и Геор'гии митрополитъ (*Кыевьскъіи и другыи*) *и епи* Петръ Переаславьскии Неофитъ Черниговскій (*кп'пъ*) (*Никита Бѣлозерьскыи*) Михаила Юрьевскій. игумени (*= ъ*) Феодосии Печерьскій (*= ого манастыря и*) Софроній стго Михаила (*и*) Германъ стго Спаса. *Никола ар'химандритъ.* и прочии вси игумени. (*и*) сътвориша праздньство свѣт'ло *стма мчнкома мца маия въ к̃ днь. на память стго Оца Офонасиѩ. ар'хиепа Александринскаго. пренесоша я в'новую юже Изяславъ созда. ѩже и до нн̃ѣ стоить въ Вышегородѣ.* (*И*) В'земьше *кнзи* первѣе (*= ок*) *блжен'наго* (*= стго*) Бориса *тѣло* в рацѣ (*деревянѣ*) *Изяславъ Стославъ Всеволодъ* на рама *своя* (*кнзи*). и *понесоша* пред'дущи черноризь-

цемъ со с'вѣщами. и по них діакони *с кадилы. по семъ* (=*тачеи*) прозвѵтеры (=*и*). по *них* (*сихъ*) митрополитъ и еп̃пи (*и*) по сихъ *кн̃зи рак8 на рам8 несях8* (*со ракою идяху*) и принесъше (=*оша*) *в'нов8ю цр̃кв* поставиша (*въ цр̃кви*) и ѩко ѿвер'зоша рак8 (*ис*=)*на* пол'нися цр̃кви вонѣ (*и*) бл̃го8ханіа пречюдне. (*и*) видѣвше^ж *се* (*си*) прославиша Бг̃а. *а* (*и*) митрополита 8*жасть* (=*съ*) ѡбидѣ. *бѣ* (=*бяше*) бо не твър'дъ вѣр*ою* (=*у*) к *нима* (*ст̃ма*). и паде (=*ъ*) ницъ прося(*ше*) прощеніа. и цѣлова(*вше*) мощи *и прочіи по немъ.* и вложиша в камен8 рак8. по семъ же (*възем̃ше*) *ст̃го* Глеба в раце каменѣ въставл*ьше* (=*ивше*) на сани (*и к мъше* 8*жи и*) повезоша. и ѩко быша въ двѣре^х *цр̃кви* ста *не двигн8щи ся* (=*не поступящи*) рака, и повелѣша народ8 звати Ги̃ помил8й. *и стоя рака часъ единъ. и подвизавши поиде сама ра-ка. и вси т8 с8щии прославиша Бг̃а.* и моля8^т гви и ст̃ма и (*абие повезоша и*) целоваше (= *ша*) *митрополитъ и еп̃пи и кн̃зи.* ст̃го Бориса глав8. *а* (=*и*) ст̃го Глеба *рак8* (=*руку*) вземъ митрополитъ (*Георгии*) бл̃гоюше кн̃зи. Изяслава. и Ст̃ослава. и Всеволода. *и положиша ѩ пакы въ рацѣ* (*и пакы Ст̃ославъ имъ руку митрополичю держаща ст̃го руку прилагаше къ вреду. имже боляше на шии и ко очима и к тѣмени, и по семь положи руку въ гробѣ*). и начаша пѣти ст̃8ю литоргию. (*и Ст̃ославъ реч къ Бернови. нѣчто мя на главѣ бодеть. и сня клобукъ и видѣ Бернъ ноготь....*) и по литоргии вся братия (*идоша и вси*) вк8пѣ (=*накупъ*) ѡбедаша 8 *старийшаго* 8 *Изяслава. и Геѡргии митрополитъ и еп̃пи и иг8мени. и поповѣ. и люди.* и праздньствоваша празднъство свѣтло. много мл̃тня (=*и*) 8богымъ сотвориша. и вдовамъ^ж и сиротамъ и целовав'шеся мирно разидошася кождо въ свояси. (*и*) ѿтолѣ 8тверди

таковыи праздникъ мца маия въ к҃ (=к҃) *днь въ славꙋ* стыма мчнкома блгодат'ю (=ь) *и члколюбіемъ* Гса наше Иса Ха.

Члкъ бѣ некыи нѣмъ и хромъ... (Хр. Чт. 365). Жена-некая въ градѣ Дорогобꙋжи раба сꙋщи... (Хр. Чт. 363). Члкъ бѣ нѣкыи слѣпъ в томь ж Дорогобꙋжи градѣ... (Хр. Чт. 364). *Многа бо стми творить Бгъ чюдеса исцеленіа. вѣрою просящимъ. яко ж сима стртотрпцьма Романомь и Двдомъ. не ток'мо идѣ ж тѣлеси ею нъ въ всѣи Рꙋстѣи земли и странѣ...* (*Симъ ꙋбо сице бывающимъ Стославъ снъ Ярославль ꙋмысли създати цркъвь каменꙋ стма, и създавъ ю дъ н҃ лакотъ възвышеи преставися. Всеволодъ же приимъ всю власть земли Рускыя. и сверши ю всю. и яко бы свершена. и абие на тꙋ нощь врутися еи верхъ, и скрушися вся. потомже*) преставися Всеволодъ *кнзь снъ Ерославль в'нꙋкъ Володимеръ* (*поживъ съ миромъ. исправивъ порученое му ѿ Га*). Стополкъ (*же*) Изяславличь прия княжение въ Киевѣ. (*а Двдъ и Ологъ в Черниговѣ. Володирь же в Переяславли. В та же времена поганомъ ꙋкреплешемъ паче насъ. и много насильствующимъ намъ. за наши грѣхы и бы забовение церкви сею стою мученику. и ни едииъ же можаше что сдѣяти о зданьи и о всѣхъ сказании чюдесъ. а и многомъ бывающемъ. и повѣдаху еже и самовидци бывше чюдеси сицему бывшю, яко Стополкъ кнзь*) *послꙋшав'ше ѡблыгающи* всадилъ *бяше* в погребъ два мужа *в малѣ* (*нѣ в которои*) винѣ *не испытавъ...*(*худѣ окована*)...(Святополкъ) ѿтолѣ не *много* насильствоваше (=*ъстьваше*) людемъ и *все со исправою творяше* (=*на многа преходя времена творяше праздникъ*) и часто в'Вышегоро (*ѣ*) прихо*жаше* (=*дя*) (*лѣтомъ*) *поклонятся*

гробома стою съ любовию многою. Къ нима же и мы во-пиемъ: Бголюбимая стртотрпца и застѫпникы наша. покори против'ныя подъ нозѣ княземъ нашимъ. и миренъ животъ дарѫита и намъ. въ здравіи пребывати. избавляющи ны млтвами си. ѿ ѫсоб'ныя рати. и ѿ напрасныя смрти и ѿ всяко зла. Бгѫ нашемѫ Слва.

Здѣсь оканчивается Софійскій списокъ. Остальное выписываю изъ Синодальнаго списка, исправляя описки по списку гр. Уварова, а недостающее за тѣмъ окончаніе изъ Румянцевскаго списка.

— Хотяше же и цркы начати зьдати на мѣстѣ ветхѣ окртъ гробу стою. глше бо нер'зно приноси ѿ мѣста на мѣсто. и сему же ѫмышлению не събывшюся по Бию строю. и по воли стою мчнку. Володимеръ же. иже и мономахъ рен̃ыи снъ Всеволожь. в та времена яко же рхохомъ предержаше Переяславльскую землю. и се ѫбо многую любовь имѣя къ стма. и многого приношения творяше къ стма. таче и сице ѫмысли створити. да окуить сребромъ и златомъ стѣи рацѣ чтьною мчнку. и пришедъ ночью премѣри гроба. расклепавъ же дъскы сребреныя позлативъ златомъ. и пакы же тако же пришедъ нощию. обложе окова чюдодѣиная. и достохвалная стая гроба. тако же нощию ѿиде. и на ѫтрѣя пришедшимъ ѫгрѣша с радостию покланяхуся и хвалу въздаша Бви и стма. кротость же и съмирения яко таку мысль възложив'ши в срце блговѣрному князу сице. и многы словесы похвалиша и. блгородьство же вкупѣ и великоѫмие. любы иже къ стма. и тощание къ Бу и къ стма црквама. иже творяше блговѣрныи кнзь Володимеръ. паче же к сима стыма се же преже створивъ. г. х. і. а послѣди по перенесении множаишая и сдѣлана стма гробома исковавъ ѫбо сребреныя доскы и стыя по нимъ издражавъ и позлативъ

покова сребромъ и златомъ. с крусталними великыми разънизаны оустрои. имущи верху по обилу злату. свѣтилна позлащенѣ. и на нихъ свѣща горяща. Ѹстрои въину, и тако Ѹкраси добрѣ ꙗко не могу сказати оного Ѹхыщ(р)ениꙗ. по дьстоꙗнию довольнѣ. ꙗко много приходящии ѿ Грекъ (и) инѣхъ земль глати. нигдѣ же сицеꙗ красоты бы. а многыхъ стхъ ракы видилѣ ѥсмы. и сице добрѣ Ѹстроивъı на память добрыхъ ѥму дѣлъ. первоѥ Ѹбо ѿ Га рекша. не скрываите имѣниꙗ на земьли нъ на нбси. вторoѥ (=ю) ѿ стою ꙗко тако почтившему ꙗ. третиѥ ѥже ѿ члвкъ блгословлениѥ. похвалу ѿ видящихъ и слышащихъ. Нъ ое мы оставивьша предъвидемъ. Ѥгда же Ѹбо Володимеръ преже окова стхъ рацѣ. Ольгъ снъ Стославль Ѹмысли възградити црквь скрушившую ся Вышегородѣ каменую. и приведъ зьдатели и повелѣ имъ здати. вдавъ имъ все по обилу ꙗже на потребу. и съвершенѣ ѥи бывши и списанѣ. многаждъı понужаше и моляше Стополка. да быша принесли стаꙗ мчнка въ създаную црквь. Он же акы зазьря труду ѥго. и не хотяше принести. зане не самъ бяше създалъ црквь тую. Малу же времени минувшю и Стополку преставившюся. на въторoѥ лѣто по оукрашении црки тоя. и многу мятежю (и крамолѣ) бывшю в людехъ и молвѣ немалѣ. и тъгда совкупившася вси люк. наче же болшии и нарочитии мужи. шедше причтомъ всихъ людии. моляху Володимера да шедъ Ѹставить крамолу сущюю в людехъ. и въшедъ Ѹтоли мятежъ и голку людьскую. и прия кнженик Рускѣ земли лѣт ҂г х к д. Володимеру же предержащю всю волость тогда Ѹмысли пренести сия стая стрща въ созданую црквь. и возвѣсти брати своѥи. Двдви и Олгови. тако же и тѣма всегда молящемася. и понужающа Володимера о пренесении стою. и тъгда Володимеръ совокупи сны своя тако же и Двдъ и Олегъ съ своими сны. при-

шедша Вышегороду. и митрополитъ Никифоръ събравыи вся епспы. и с Цернигова Феоктиста. и съ Переяславля Лазоря. Мину ѿ Полотьска. Данулу изъ Гургиєва. игумены вся. Прохора Печерьскаго. Саву стго Спса. Селивестра стго Михаила. Петра стыя Бца Влахернитьскыя. Григорѣи стго Андрѣя. и Феофилия Дмитрия. и вся прочая прпдбныя игумены. и всего стльска чина. и черноризьскаго. и вся клирикы и все поповьство. ту бо сошлося ѿ всѣхъ странъ Рускыя земля. и ѿ инѣхъ странъ много множество людии. и кнзи и все болярьство и все старѣишиньство. и воєводы всея Рускыя земьля. и вси предерьжащая страны вся. и съ проста рещи всяко множество ту бяше и всяка область. и вси батии и оубозии. съдравии и болящии. яко испольнитися граду вьсему. и по стѣнамъ граднымъ не вьмѣститися. и въ л҃ днь мца мая стиша цркв в суботу вторыи по пасцѣ. На ѹтрия же въ Стую недѣлю. яже поєтся о мѵроносицахъ. въ к҃ днь того же мца начаша пѣти ѹтрьнюю въ обою црквью (=и). и въставивше на сани на красныя (я) же бѣша на то ѹчинены (и) стго Бориса. и с нимъ идяше Володимеръ съ многомъ говѣниємь. и съ смирениємь. и с нимъ митрополитъ и поповьство и съ свѣщеми и кандилы. идяху влекущю ѹжи великыми. тѣснящеся и гнетуще вельможи и все болярьство бяше ѹстроєно по обѣма сторонама. ѹдѹже влечаху чтнѣи рацѣ. и не бя лзѣ ни ити ни повлещи ѿ мьножества людии. Тогда Володимеръ повелѣ метати людемъ кунами же и скро и паволокы (=сѹкна и скорлаты и паволокы) и ѹзрѣвше людиє тамо обратишася. а друзии то оставльша къ стма ракама течаху. да быша достоини были прикоснутися има. и вси єлико бяше мностово людии. и ни єдинъ бяше бе-слезъ не бы. ѿ радости же и веселия многа. и тако одва възмогоша влещи. Тако же и стго Глѣба по немь. въставивше на другыи сани. и Двдъ

с нимъ и кппы и клирици. и болярьство. людии бе-щисла множество. и всимъ зовущимъ кюриклиисонъ (=курьелейсонъ) и съ слезами Бā призывающимъ. И се чюдо преславно бы. яко же везяху стго Бориса (-+-идях8) бес пакости. токмо ѿ людии тѣснота бяше. а стго Глѣба яко въвезоша *) ста рака непоступьно. и яко потягоша силою. 8жа потерзахуся (=претръгнях8ся) вели суща зѣло. яко одва мужеви обяяти (=можаше м8жь ωбѣыти) обѣма рукама. и тако иная и вся (= единою) претерзахуся и людемъ зовущемъ Гди помил8и.**) бяше люди(и) множестьво много. и по всему граду ***). тщащеся и по забороламъ и по стѣнамъ градныхъ. и въсхождаше глас народа ѿ всѣх Гн помилуи. и абіє подвиже ся рака****) ω себѣ. тако приведше положиша ю съ чтию стих стртотрьпцовъ Романа и Дяда в новъсъзданнѣи цркви на деснои странѣ. мца Мая в к днь. таче разидошася вси въ своя домы славяще Бга. Многа же чюдеса сътвори Бгъ на мѣстѣ томъ стыма стртотрьпцема. ω Хѣ Ісѣ Гдѣ нашем нѣ и прно и в вѣк.

*) Въ Синод. *лебезоша* (?).

**) Въ Синод. *сущемъ*.

***) Тутъ оканчивается Синодальный списокъ. Окончаніе взято изъ Румянцевскаго.

****) Въ Румянц. раба.

VII.

ВАССІАНЪ, СОВРЕМЕННИКЪ ІОАННА III.

Записка М. И. Сухомлинова.

Произведенія древней нашей словесности, при единствѣ главныхъ началъ, представляютъ довольно замѣчательное разнообразіе по содержанію, характеру и соотношенію съ условіями современнаго имъ народнаго быта. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о значеніи нѣкоторыхъ отраслей древней словесности нашей рѣшаемъ былъ различно. Вникая въ причину этого различія, мы должны прійти къ убѣжденію, что она состоитъ преимущественно въ отсутствіи спеціальной разработки многихъ памятниковъ. Наука тогда только можетъ произнести приговоръ цѣлому, когда достигнетъ яснаго и полнаго сознанія составляющихъ его частей, когда всѣ памятники словесности будутъ изслѣдованы съ возможной тщательностью и безпристрастіемъ. Пока не будетъ совершена эта трудная работа, до тѣхъ поръ всякая попытка къ общей характеристикѣ будетъ сопряжена съ опасностью—прибѣгать къ произвольнымъ предположеніямъ и тѣмъ уклоняться отъ искомаго свѣта истины. Принимая посильное участіе въ трудахъ ученыхъ, руководи-

мыхъ этимъ убѣжденіемъ, я позволяю себѣ на этотъ разъ обратить вниманіе на личность замѣчательную и въ литературномъ и въ историческомъ отношеніи, на писателя XV вѣка *Вассіана*, котораго энергическое посланіе къ Іоанну III упрочило за нимъ имя доблестнаго патріота и даровитаго писателя.

I.

Самое раннее извѣстіе о Вассіанѣ сообщено имъ самимъ въ написанномъ имъ Житіи преподобнаго Пафнутія Боровскаго. Изъ этого Житія мы узнаемъ, что Вассіанъ былъ постриженъ пр. Пафнутіемъ и былъ однимъ изъ ближайшихъ его учениковъ [1]). Этимъ и ограничиваются свѣдѣнія о первоначальной жизни Вассіана; указанія же на его дальнѣйшую судьбу разсѣяны по лѣтописямъ. Въ 1456 году Вассіанъ былъ сдѣланъ игуменомъ Святотроицкой Сергіевой Лавры, 8-мъ считая отъ преподобнаго Сергія; черезъ 10 лѣтъ (1466) произведенъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря [2]), а въ 1468 или 1469 г. рукоположенъ въ архіепископа Ростовскаго. Съ этого времени расширяется кругъ его дѣятельности, и лѣтописцы съ большею подробностью останавливаются на событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Одни лѣтописи упоминаютъ о рукоположеніи Вассіана подъ 1468 г., другія подъ 1469 г.; но сходятся въ показаніи дня посвященія—13 декабря; притомъ нѣкоторыя называютъ только имя: «Въ лѣто 6977 (=1469) дек. въ 13 поставленъ былъ епископъ граду Ростову, именемъ Васіянъ, архимандритъ Спасской [3]); другія же имя и *прозвище*: «Тое же осени поставили архимандрита Спасского Васьяна *Рыла* въ архіепископы на Ростовъ, декабря 13». [4]) Прозвища какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ были весьма обычны въ XV вѣкѣ и удерживались даже послѣ постриженія въ монашество: такъ преемникомъ Вассіана былъ «архіепис-

купъ Іосафъ, бывалъ князь Оболенскій», а далѣе о немъ же сказано въ лѣтописи: «единъ владыка Ростовской князь Асафъ» безъ прибавленія: *бывалъ;* въ лѣтописяхъ встрѣчается также подъ 1495 г: «старцы Троицкые Сергіева монастыря: Веньяминъ Плещеевъ, Келарь Васьянъ Ковезинъ, Филиппъ Износокъ» и пр. [5]). Ни санъ, ни прозвище Вассіана не объясняютъ его произхожденія: примѣръ кн. Оболенскаго доказываетъ, что въ духовное сословіе вступали и аристократы; а прозвище *Рыло* могло быть и непростонароднымъ, ибо между современными воеводами были и князь Андрей Никитичь *Ноготь*, князь *Лыко* и другіе съ прозвищами такого же рода. Притомъ же въ древности не было строгой разборчивости въ раздачѣ прозвищъ: людямъ придавали названія частей тѣла, звѣрей, негодныхъ травъ и т. п. [6]) Но какого бы происхожденія ни былъ Вассіянъ, во всякомъ случаѣ не родъ, а личныя достоинства возвели его на высокую степень іерарха и государственнаго человѣка. 1479 годъ особенно богатъ извѣстіями лѣтописными объ участіи Вассіана въ дѣлахъ государственныхъ, объ его частыхъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ, который призывалъ его и на семейную радость, и для водворенія мира между враждующими князьями. Въ Новгородской 4-й лѣтописи читаемъ: «Въ лѣто 6987 (=1479) марта 25, въ 8 часъ нощи, родися великому князю сынъ Ивану Васильевичю отъ царевны Софьи, нареченъ бысть Василей Парискый; а крестили его въ Сергіевѣ манастырѣ архіепископъ *Васьянъ* Ростовскый да игуменъ Троецкой Паисей, априля въ 4, въ недѣлю Свѣтоносную» [7]). При освященіи соборной Успенской церкви, построенной въ 1479 г. Аристотелемъ Фіоравенти, митрополитъ шелъ съ крестнымъ ходомъ не посолонь, т. е. не по теченію солнца; великій князь призналъ это нару-

шеніемъ церковныхъ обычаевъ, и въ числѣ немногихъ, принявшихъ сторону в. князя, былъ и нашъ Вассіанъ. Тоже извѣстіе и въ тѣхъ же выраженіяхъ сообщаютъ нѣкоторыя лѣтописи подъ 1482, только вмѣсто Вассіана стоитъ имя его преемника: «вси священники, и *книжники*, и иноки и миряне по митрополитѣ глаголаху, а по в. князѣ мало ихъ, единъ владыка Ростовской князь Асафъ да архимандритъ Чудовской Генадей» [8]). Пользуясь усердіемъ и образованностью Вассіана въ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ, в. князь былъ постоянно въ близкихъ отношеніяхъ къ Вассіану и оказывалъ ему покровительство: такъ когда въ 1477 году митрополитъ Геронтій желалъ подчинить себѣ монастырь Кирилло-Бѣлозерскій, бывшій прежде подъ вѣдомствомъ Ростовскихъ епископовъ, Вассіанъ обратился съ жалобою къ в. князю, и в. князь велѣлъ созвать соборъ, слѣдствіемъ чего было то, что монастырь остался подъ властію Вассіана [9]). Однимъ изъ послѣднихъ подвиговъ Вассіана было его содѣйствіе къ примиренію князей в. княземъ во время несогласій, возникшихъ между ними по слѣдующему обстоятельству. Въ 1479 году великій князь, по жалобамъ и клеветамъ Лучанъ, свелъ намѣстника съ Лукъ Великихъ и съ Новугородскаго Литовскаго рубежа. Обиженный намѣстникъ, князь Иванъ Володиміровичь Оболенскій Лыко, уѣхалъ къ брату великаго князя, князю Борису, на Волокъ Ламскій. В. князь посылалъ за Лыкомъ; но Борисъ не выдалъ его; тогда, по тайному повелѣнію в. князя, Лыка схватили въ его селѣ и скованнаго привезли въ Москву. Узнавъ объ этомъ, Борисъ послалъ къ старшему своему брату князю Андрею Васильевичу Углицкому съ жалобой на в. князя, который чинитъ насиліе уѣзжающимъ къ нимъ, хотя, когда умеръ князь Юрій, ихъ старѣйшій братъ, в. князю «вся отчина его досталася, а имъ по-

дѣла не далъ изъ той отчины; Новгородъ великій взялъ съ ними, ему ся все подостало, а имъ жеребіа не далъ изъ него». Князья, «сдумавше межи себя», собрались со всѣми людьми и пошли къ Литовскому рубежу. Великій Князь посылалъ къ нимъ боярина съ предложеніемъ воротиться, но они не послушали его и шли къ Новгородскимъ волостямъ. Тогда в. князь послалъ къ нимъ Вассіана; Вассіанъ настигнулъ ихъ въ Молвятицахъ, откуда они «*со архіепискуплихъ рѣчей*» послали къ в. князю двухъ бояръ, а сами пошли къ Литовскому рубежу; потомъ в. князь опять посылалъ Вассіана съ боярами; но безуспѣшно. Наконецъ «въ лѣто 1481 быху послы братью его (в. князя) о миру, и князь в. Иванъ Васильевичь пожаловалъ братью свою, по печалованію отца своего митрополита Геронтея, матере своея вел. княгини иноки Мареы и архіепископа Ростовскаго *Васьяна* и др. пословъ ихъ отпустилъ, а самимъ имъ велѣлъ къ себѣ поити вборзѣ». Въ слѣдъ за этимъ событіемъ лѣтописи сообщаютъ извѣстіе о кончинѣ Вассіана: «Тое же зимы (1481) мѣсяца марта въ 23 день, въ субботу третьюю поста, въ 3 часъ нощи, преставися пресвященный архіепископъ Васьянъ Ростовскій и Ярославскій» [10]).

Вотъ все, что передаютъ намъ лѣтописи о жизни и дѣлахъ Вассіана *). Основываясь на этихъ данныхъ, мы можемъ судить о связи, которая необходимо должна существовать, между образомъ и обстоятельствами его жизни и характеромъ его литературныхъ трудовъ. Живя въ томъ вѣкѣ, когда религіозное направленіе преобладало въ словесности, когда и люди свѣтскіе

*) Очень немногое можно прибавить изъ грамотъ, напр. то, что Вассіанъ былъ у духов. завѣщанія к. Андрея Вас. околи 1480 — 81 (Собр. Г. Грам. I, 272). Смотр. еще грамоты № 55 и 61 въ I т. Акт. Арх. Экспедиціи. Для соображенія нѣкоторыхъ обстоятельствъ срав. Ист. Рус. церкви. III. стр. 32 и 175—176. *Редак.*

желали употребленіемъ выраженій Св. Писанія придавать трудамъ своимъ достоинство произведеній духовныхъ, могъ ли Вассіанъ, будучи духовнымъ лицомъ, заниматься свѣтскою словесностью, не подчиниться господствующему вкусу вѣка? Но оставаясь одними же и тѣми по духу, произведенія Вассіана различны по двумъ періодамъ его жизни: проведя бо́льшую часть жизни въ монастырѣ, подъ началомъ строгаго отца, изумлявшаго современниковъ своими аскетическими подвигами, Вассіанъ возводится потомъ на одну изъ высшихъ степеней іерархіи и принимаетъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ политическихъ. Притомъ писатель, призываемый правительствомъ къ дѣламъ государственнымъ, гражданскимъ и духовнымъ, въ которыхъ необходимо и умѣнье дѣйствовать на людей, сила убѣжденія, и отчетливое знаніе предметовъ, на основаніи коихъ произносится судъ, такой писатель необходимо долженъ принадлежать къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени.

II.

Изъ произведеній Вассіана особенною извѣстностью пользуется Посланіе его къ Іоанну III, возбуждавшее къ войнѣ съ Ахматомъ, и потомъ пространное Жизнеописаніе св. Пафнутія, основателя Боровскаго монастыря; долгое время эти два произведенія были единственно извѣстными, и о нихъ только упоминаетъ митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ Русскихъ духовныхъ писателей [11]). Въ 1834 г. сообщено извѣстіе еще о трехъ сочиненіяхъ Вассіана, отысканныхъ г. Строевымъ во время его археографическаго путешествія. Въ «Указаніи матеріаловъ отечественной исторіи и словесности» г. Строевъ посвящаетъ нѣсколько строкъ и Вассіану: «Вассіанъ *Рыло*, архіепископъ Ростовскій (сконч. 1481 г.), сочинилъ *Житіе св. Пафнутія Боровскаго*. Его жъ *Посланіе на Угру* (Вел.

Кн. Іоанну Васильевичу) и *три поученія»* [12]). Въ своемъ весьма краткомъ указаніи г. Строевъ не означилъ, гдѣ помѣщены эти поученія: вѣроятно, они хранятся въ Москвѣ или въ какомъ либо другомъ городѣ, въ монастырской библіотекѣ; поиски же наши въ Петербургскихъ хранилищахъ рукописей оказались тщетными. Этими 5 трудами и ограничивается извѣстный намъ кругъ литературной дѣятельности Вассіана: весьма не великъ онъ, если судить о немъ по теперешнимъ понятіямъ, и весьма достаточенъ, если принять въ соображеніе не количество, а качество произведеній и самый объемъ: рукописное Посланіе составляетъ брошюру, а Житіе цѣлую книгу.

Изъ пяти сочиненій Вассіана мы ограничимся покамѣстъ двумя, намъ извѣстными. Посланіе къ Іоанну находится и въ рукописяхъ и нѣсколько разъ являлось въ печати [13]).

Жизнеописаніе св. Пафнутія находится въ нѣсколькихъ рукописяхъ; въ указаніяхъ нашихъ мы преимущественно будемъ пользоваться спискомъ, находящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, отд. I, № 67, и заключающимъ въ себѣ службу св. Пафнутію, Похвалу ему и Житіе его. Этотъ списокъ одинъ изъ полнѣйшихъ, не смотря на нѣкоторыя неисправности, и служитъ оригиналомъ для списковъ позднѣйшихъ, какъ можно судить по списку Житія, находящемуся въ Румянцовскомъ Музеумѣ [14]).

Появленіе Посланія объясняется въ лѣтописяхъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1480 году пришла великому князю вѣсть, что дополна идетъ Ахматъ со всею ордою своею, и «знахари» ведутъ его къ Угрѣ рѣкѣ на броды. Великій князь уѣхалъ съ Коломны на Москву, на совѣтъ и думу къ своему отцу митрополиту Геронтію и къ своей матери великой княгинѣ Мареѣ и къ своему дядѣ князю Михаилу Андреевичу и къ *духовному*

своему отцу архіепископу Ростовскому Вассіану и ко всѣмъ своимъ боярамъ, и всѣ единодушно молили его великимъ моленьемъ стоять крѣпко за родную землю, и великій князь послушалъ ихъ и пошелъ на Угру. Но на берегахъ Угры мужество его поколебалось; его смутили опасенія и совѣты боярина Ощеры да Григорія Мамона, мать котораго сожжена была за волшебство,—«злыхъ человѣкъ сребролюбецъ, богатыхъ и брюхатыхъ предателей христьянскыхъ, а норовниковъ [15]) бесерменьскыхъ». Ужасъ нашелъ на великаго князя, и восхотѣлъ онъ бѣжать отъ берега, а свою великую княгиню Римлянку и казну съ нею послалъ на Бѣлоозеро, «мысля, будетъ Божіе разгнѣваніе, царь перелѣзетъ на сю страну Оки и Москву възметъ, и имъ бѣжати къ окіяну морю». Тогда-то Вассіанъ написалъ свою убѣдительную «грамоту» къ великому князю на Угру.

Посланіе начинается словами: «Благовѣрному, и христолюбивому, благородному и Богомъ вѣнчанному, и Богомъ утверженному, и во благочестіи всея вселенныя конци возсіавше, наипаче же во царехъ пресвѣтлѣйшему, преславному Государю Великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи богомолецъ твой, Господине, Архіепискупъ Васіянъ Ростовскій, благословляю и челомъ бью». Такое вступленіе не имѣетъ уже той краткости и простоты, которая замѣтна въ XII вѣкѣ, на примѣръ, въ посланіи митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху, начинающемся такъ: «Благословенъ Богъ и благословено святое имя славы его, благословене и прославлене мой княже!»; но подобнаго рода обращеніе сдѣлалось въ XV-мъ вѣкѣ обыкновенною, общепринятою формулою. Посланія къ великимъ князьямъ начинались выраженіями въ подобномъ родѣ: «Превысокому, благородному, славному, великому и проч.», а посланія къ іерархамъ: «Господину и оспо-

дарю преосвященному владыцѣ, и т. п.» За обращеніемъ слѣдуетъ просьба простить автора, что онъ дерзнулъ сперва изустно, а теперь и письменно убѣждать великаго князя; потомъ начинаются самыя убѣжденія, исполненныя живости и силы. Мужайся и крѣпись — пишетъ Вассіанъ — какъ пастырь добрый, а пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, и только наемникъ бѣжитъ при видѣ волка, идущаго на его стадо. Вся земля Русская будетъ молиться о спасеніи Тебя въ подвигѣ противъ невѣрныхъ. Пришло въ слухи наши, что ложные совѣтники уговариваютъ Тебя отступить, но вспомни заповѣдь Божію: «если око твое соблазняетъ тебя, исткни его; если рука или нога — отсѣки ее», а подъ этимъ надобно разумѣть не видимую руку, ногу или око, а ближнихъ твоихъ, которые совѣтуютъ Тебѣ не на благое, и Ты отвергни ихъ и далече отгони, т. е. отсѣки и не послушай совѣта ихъ. Помысли, сколько разрушено и осквернено храмовъ Божіихъ, какое множество народа погибло отъ невѣрныхъ.... Не слушай, Государь, злаго совѣта; но отложи весь страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ бо поженетъ тысящу, и два двигнета тмы. Внимай мудрому изрѣченію Димокрита: «властителю надобно имѣть на враговъ крѣпость и мужество, и храбрость». Вспомни славу предковъ своихъ, которые не только отражали вражескія нападенія, но и покоряли подъ власть свою многія страны: вспомни Игоря, Святослава, Владиміра, имѣвшихъ дань на Греческихъ царя́хъ, вспомни Владиміра Мономаха и доблестный подвигъ Димитрія Донскаго. Напрасно смущаетъ Тебя страхъ мнимаго клятвопреступленія.... Когда согрѣшали Израильтяне, Богъ порабощалъ ихъ иноплеменникамъ, когда же каялись, тогда возстановлялъ имъ мужей — избавителей отъ чужеземнаго ига; таковы: Мои-

сей, Іисусъ Навинъ, Іуда, побѣдившій и предавшій смерти непріятельскаго царя Адонивезека. Если и мы покаемся, то и намъ возставитъ Господь освободителя — Тебя, Государя нашего. Ты же напряги и спѣй и царствуй истины ради и кротости и правды, и жезлъ силы пошлетъ тебѣ Господь и одолѣешь враговъ. Такъ говоритъ Господь: «Я воздвигну тебя, царя правды, и укрѣплю тебя, да послушаютъ тебя народы, и отворю тебѣ врата, и грады не затворятся; Я пойду предъ тобою и сравняю горы и затворы желѣзные сломлю». Въ концѣ посланія Вассіанъ снова проситъ Іоанна III не вознегодовать за его искреннее слово, которое заключаетъ желаніемъ: «и мирно да будетъ и многолѣтно ваше государьство побѣдно со всѣми послушающими васъ христолюбивыми людми да пребудете во вся дени живота вашего и во вѣки вѣкомъ, Аминь.» —

Во всемъ Посланіи видна горячая любовь къ родинѣ, и эта любовь — искреннее движеніе души Вассіана — она не затемняется ни какимъ пристрастіемъ. Ея искренность обнаруживается въ той смѣлости, съ которою Вассіанъ, жертвуетъ счастью родины собственнымъ благополучіемъ и милостью къ себѣ великаго князя.

Талантъ Вассіана, какъ писателя, выражается въ соразмѣрномъ, стройномъ расположеніи посланія, въ послѣдовательности при переходѣ отъ одного предмета къ другому, въ основательности доказательствъ и умѣньи касаться предмета именно на столько, сколько требовала цѣль сочиненія; въ живомъ движеніи и убѣдительной силѣ, одушевляющихъ посланіе, и въ приведеніи въ одно цѣлое матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, между тѣмъ какъ самые матеріалы знакомятъ насъ съ нѣкоторыми чертами образованности автора и его вѣка. Стройность расположенія открывается во всѣхъ частяхъ слова, отъ

начала, гдѣ авторъ проситъ снизхожденія къ дерзости—убѣждать государя, до заключенія, въ которомъ говоритъ: «молю же и о семъ царское твое остроуміе и Богомъ данную ти премудрость, да непозазриши моему худоумію: писано бо есть: дай премудру вину премудрѣе будетъ». Естественность переходовъ отъ предмета къ предмету очевидна изъ самаго содержанія, изложеннаго нами вкратцѣ. Касательно силы и основательности убѣжденій довольно вспомнить доказательства, приводимыя противъ обязательнаго дѣйствія клятвы, вынужденной у нашихъ князей. Нельзя не признать также искусства, съ которымъ Вассіанъ далъ видъ стройнаго цѣлаго всѣмъ матеріаламъ, коими онъ могъ пользоваться по своей цѣли и степени образованности; а этихъ матеріаловъ было не мало: мысли свои выражаетъ или подтверждаетъ Вассіанъ словами Евангелія и Посланій Апостольскихъ, Псалмовъ, Притчей, Пятикнижія, пророчествъ Исаіи и Іереміи; кромѣ св. Писанія, Вассіанъ старается подѣйствовать и примѣрами изъ отечественной исторіи; наконецъ приводитъ мнѣніе Димокрита.

Упоминаніе о Димокритѣ чрезвычайно замѣчательно по многимъ отношеніямъ, и потому мы считаемъ нужнымъ дать о немъ подробный отчетъ отдѣльно. Здѣсь замѣтимъ только, что Вассіанъ зналъ Димокрита изъ «Пчелы», съ которою вообще былъ знакомъ очень близко.

Обращаемся къ другому произведенію Вассіана — Жизнеописанію св. Пафнутія Боровскаго. Время сочиненія этого жизнеописанія открывается изъ подробнаго разсказа въ Житіи о преставленіи св. Пафнутія, изъ слѣдующаго воспоминанія объ Іосифѣ Волоколамскомъ: «Таковымъ прослутіемъ наставляеми мнози пріидоша къ нему (т. е. св. Пафнутію) еже съжительствовати съ нимъ, и с ними же пріидѣ благородныи юноша именемъ Іванъ, иже

рукама святаго постригаемъ бываетъ и отлагаетъ власы, съ ними же и вся соущая в мирѣ, и нареченъ бысть Іосифъ, и и весь того воли бываетъ, и *по отшествіи блаженнаго* свой съ Богомъ *составляетъ монастырь на Волоцѣ на Ламьскомъ*, по совѣтоу святаго и благословенію». Св. Пафнутій скончался, какъ сказано въ Житіи, въ 6985, т. е. 1477 г. 1-го мая; по указанію же Исторіи Россійской іерархіи (т. III, стр. 433) и Словаря историческаго о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви, стр. 226 — 1-го мая 1479 г., а Іосифъ Волоколамскій основалъ свой монастырь въ 1479 г.; 6-го іюня [16]); слѣдовательно Житіе св. Пафнутія написано Вассіаномъ (умершимъ 23 марта 1481 г.) не задолго до его смерти. Это обстоятельство показываетъ намъ, во-первыхъ, что Вассіанъ былъ вызываемъ къ литературной дѣятельности самыми событіями, писалъ, такъ сказать, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія: такъ *Посланіе* написано въ рѣшительную годину, и по самому свойству своему не могло быть приготовлено заранѣе; Житіе также вызвано воспоминаніемъ о недавноумершемъ подвижникѣ, хотя по нѣкоторымъ мѣстамъ можно заключить, что авторъ посвятилъ Житію гораздо болѣе времени, нежели Посланію, и писалъ его съ несравненно большимъ хладнокровіемъ; въ иныхъ же случаяхъ живость впечатлѣнія, произведеннаго смертью св. Пафнутія на автора, обнаруживается ясно. Во-вторыхъ, мы видимъ, что оба произведенія написаны Вассіаномъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, подобно многимъ произведеніямъ древней Русской словесности, вышедшимъ изъ-подъ пера авторовъ уже въ ихъ преклонныхъ лѣтахъ, или, покрайней мѣрѣ въ возрастѣ зрѣломъ, а отнюдь не юношескомъ, какъ часто бываетъ у литераторовъ новаго періода: это явленіе было весьма естественнымъ въ такое время,

когда занятіе литературою, или «списаніе», авторство, почиталось занятіемъ высокимъ, часто даже —священнымъ. Литературное значеніе Жизнеописанія, сочиненнаго Вассіаномъ, опредѣляется самою его цѣлью, выраженною отчетливо во вступленіи, которое замѣчательно для насъ еще и потому, что въ немъ видны авторскіе пріемы Вассіана и особенности его слога. «Свѣтелъ и сладокъ есть зѣло — говоритъ Вассіанъ — иже добродѣтели прилѣжай въ очію зрящихъ и съпребывающихъ томоу, и сихъ къ оуподобленію можетъ воздвигнути и предводити и по восхищеніи его. Еже отъ здѣ сущихъ, ничто же ино радостно творить и сладко зѣло, яко же иже о немъ писаніемъ изложити потщався, не вмалѣ, но во вся времена можетъ възставляти къ уподобленію того и добродѣтели жало вложити: сего ради и мы изволихомъ не по чести, но вкратцѣ, убѣгающе безмѣріа, изложити житіе добродѣтелно и жизнь богоугодну мужа въ добродѣтелехъ съвершена, тако убо жалателе вѣчнымъ благымъ, несытною любовію святымъ, и еже о сихъ упованіе имѣющихъ яко безмѣрное насыщеніе здѣ бываетъ божественное желаніе: ибо воспоминаніе же трудомъ възданіе, и еже красна тамо натрижненіа [17]) еже сущимъ здѣ очищеннымъ не точію навыкль есть привременнаа и суетнаıа презирати, но и свои животъ оставити, вышнихъ взыская и возлюбленную, яко подобно, погубити душу Христа ради, яко же въ святѣмъ Евангеліи речено есть, и паче всѣхъ сладкыхъ Оного ради любити смерть. Аще и не обрѣтаемъ сію въскорѣ, зане гонителемъ несущимъ сіе дѣıати, но убо и желаемо инако пріити помышляютъ, долгую ноужную пріемлющи смерть, яже тысоущами болѣзньми на всякъ день тряще, пощеніемъ же и многоразличными подвигы, борющеся с невидимыми врагы и естество присно поноуждающе безплотнымъ противитися въ

плоти сущій. Сицеваго убо добрыхъ божественнаго мужа поведати хощу рожденіе и възрастъ и никтоже да безвѣрьствуеть, еже о преестественныхъ слышахъ преславная, да не мнить о мнѣ, яко честы ради и любве сицевомоу любезному отцу кое приложити стропотно и неизвѣстно, яко слово сему даровати паче еже видѣхъ своима очима и ушима слышахъ: яко жребій прѣяхъ отъ ученикъ и сѣдѣлникъ его. Далече убо есть онъ превыше всяческія чести человѣческіа: не оного бо ради похвалы сіе творя, иже нижьняго не требуетъ похвалы; но отъ ангелъ въ вышнихъ хвалимъ есть; но слышащихъ ради ползы и възревновати хотящимъ того добродѣтелемъ. Начинаю сего достохвальная и полезная повѣдати. Да глаголють же первіе, кромѣ всякіа лукавыя лжа, кто и откуду бѣ о немъ же слово произвѣсти дрързноухъ, силою того молитвъ окормляемъ». (Это вступленіе пропущено въ печатномъ изданіи Миней). Указавши главную цѣль сочиненія — представить читателямъ высокій образецъ для подражанія, авторъ остается при этой цѣли во всемъ произведеніи, съ начала и до конца; сообщивши краткое извѣстіе о родителяхъ преподобнаго и его первоначальной судьбѣ, Вассіанъ подробно описываетъ иноческую жизнь и подвиги своего наставника, держась хронологическаго порядка. Всякое произшествіе, имѣвшее какое либо отношеніе къ описываемому лицу, все, въ чемъ проявилась или высокая добродѣтель или чудодѣйственная сила святаго мужа, тщательно передано авторомъ: описаны имъ и суровые подвиги св. Пафнутія, изнурявшаго себя самымъ строгимъ постомъ, и изцѣлявшаго другихъ силою своей молитвы; описана и дивная прозорливость святаго, кроткимъ словомъ обличившаго падшаго брата, и таинственныя видѣнія, посѣщавшія старца и объяснявшія ему непостижимыя для другихъ событія; словомъ, все

то, чѣмъ ознаменована жизнь Пафнутія, и что возвышало его надъ обыкновенными людьми. Образъ жизни и дѣйствій его охарактеризованъ авторомъ слѣдующимъ образомъ. Въ отношеніи къ себѣ святой мужъ поставилъ существеннымъ долгомъ — воздержаніе и трудъ: съ самаго вступленія въ монашество по понедѣльникамъ и по пятницамъ не принималъ никакой пищи, въ среду дозволялъ себѣ только сухояденіе; самъ рубилъ дрова и носилъ ихъ на плечахъ своихъ и т. п. Въ отношеніи къ другимъ «бѣ блаженный благоразсуденъ и искусенъ во всякомъ дѣлѣ божественнѣмъ же и человѣческомъ, ниже сильныхъ лица сумляся, ниже нищихъ презирая; и елицы гордостію взимахуся, симъ не зѣло приступенъ, нищимъ же благоувѣтливъ и милостивъ. Иже нѣкогда гладу бывшу, всѣхъ окрестныхъ препита, яко до тысячи и множае на всякъ день собиратися, и ничто остави въ обители, донdеже въ грядущее лѣто оумноженіе плодомъ Господь дарова». Подъ вліяніемъ такого благороднаго образа дѣйствій совершалось нравственное воспитаніе Вассіана, доказавшаго словомъ и дѣломъ, какъ благотворенъ былъ прекрасный примѣръ, который такъ долго имѣлъ онъ передъ глазами. Авторъ, избравъ задачею изложить назидательную исторію жизни святаго человѣка, до такой степени вѣренъ своему намѣренію, что, не смотря на обширность объема сочиненія, въ него входитъ только то, что имѣетъ прямое отношеніе къ главному предмету; но такъ какъ жизнь всякаго человѣка, даже отшельника, удалившагося отъ людей, не можетъ совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ условій современнаго быта, то и въ Житіи св. Пафнутія, кромѣ подробнаго изображенія характера древней Русской аскетической жизни, встрѣчаются то жившее еще въ народѣ повѣрье, то извѣстіе о событіи историческомъ. Въ Жи-

тіи разсказывается, что св. Пафнутій «совершивъ добрѣ и все прочее обители оустроеніе, понеже и мѣсто потребно зѣло на то, и частостію лѣса остѣнено, въ немъ же много населено жилище себѣ водружаху гаврани черноперіи и многоязычніи. Блаженыи же, ꙗко нѣчто веліе имыи, о зрѣніи тѣхъ зѣло веселящеся; полагашеся отъ него заповѣдь, еже никто же тѣхъ птицъ или птенца ихъ роукама емлютъ или инѣмъ орудіемъ да погоубить. По случаю же нѣкоему сынъ воеводы града проѣздъ творя напрягъ же лукъ и оубіи единого отъ гавранъ, и радъ бывъ зѣло, ꙗко благополоучнѣ верже стрѣлоу; въсхотѣ же главоу свою отъ нанамереніа обратити на прямозрѣніе пакы еже быти по естествоу непревратноу, еже прямо зрѣти, и забывъ веселія скорбію съдрогноуся зѣло, и разоумѣвъ напасти вину, скоро приходить къ преподобному Пафнутію, и испросивъ прощеніе молить святого, еже помолитися о немъ; отець же осклабивсе сказавъ о вещи: отмьсти Богъ кровъ гавранововоу». Инъ же нѣкій ястреба пустивъ и тѣмъ оуби гаврана и месть подимъ лишается сего утѣшенія: самомоу ястребу вмѣстѣ съ гавраномъ умершу». Этотъ разсказъ намекаетъ, какъ намъ кажется, между прочимъ на повѣрья о воронахъ, живущія въ нашей народной поэзіи. Изъ историческихъ событій въ Житіи упоминается о нашествіи «царя Мамотяка со множествомъ безбожныхъ Агарянъ» и о плѣнѣ великаго князя Василья Васильевича съ другими князьями Русской земли. «Мамотякомъ» названъ здѣсь царь Казанскій Улу-Махметъ. Здѣсь же находится еще извѣстіе о смерти Шемяки, объ его убійцѣ, о которомъ не упоминаютъ лѣтописи. Въ лѣтописяхъ говорится только: «1453 лѣта іюля въ 18 день (или 17) преставися князь (или князь великій) Дмитрій Юрьевичь Шемяка въ Новѣгородѣ въ Великомъ» [18]), или «даша ему лютаго

велія» [19]) или «князь Дмитрей Юрьевичь Шемяка умре со отравы въ Великомъ Новѣгородѣ» [20]). Карамзинъ говоритъ, что Шемякѣ дали яду, отъ котораго онъ скоропостижно умеръ, и подъячій, именемъ Бѣда, прискакалъ въ Москву съ вѣстію о кончинѣ, виновникъ коей остался неизвѣстнымъ [21]); а Полевой полагалъ, что убійцею былъ самъ Бѣда: «Подъячій *Василій* Бѣда — вѣроятно, самый убійца — опрометью прискакалъ изъ Новгорода въ Москву, и извѣстилъ, что Шемяка умеръ [22]). Изъ сочиненія Вассіана узнаемъ, что «инъ нѣкыи человѣкъ именемъ *Иванъ*, съ бяше по наученію нѣкыихъ в Великомъ Новѣградѣ слоужа у нѣкоего князя благочѣстива; тъ господина своего отравою умори, послѣди же зазрѣвъ себѣ облечеся въ иноческыи образъ, и пріиде въ обитель святаго; онъ же видѣвъ его грядуща, рече къ ученикомъ: зрите ли человѣка сего, яко ни иночьскаго ради образа очистися отъ кровѣ тоя; они же о семъ зѣло дивишася, но тогда въпрашати не смѣюще; послѣди же повѣда блаженыи единому ученику: съ человѣкъ князя Дмитрея Шемяку отравою уби: того ради и чернечьствомъ не очистися отъ крови тоя».

Вообще жизнеописаніе св. Пафнутья, написанное Вассіаномъ, по духу и значенію, составляетъ одно цѣлое съ тѣми духовно-историческими произведеніями, которыя извѣстны подъ именемъ «Житій святыхъ» и которыми такъ богата наша древняя словесность.

III.

Обозрѣніе литературныхъ памятниковъ по духу и содержанію находится въ самой живой связи съ обозрѣніемъ ихъ по *языку* и *слогу* [23]).

Соображая данные, встрѣчаемыя въ сочиненіяхъ Вассіана, мы приходимъ къ заключенію, что въ языкѣ ихъ господствуетъ

одинаково оба элемента: и Церковнославянскій и Русскій. Первый, будучи существенно необходимымъ по самому характеру произведеній, не является исключительно господствующимъ ни въ Посланіи, гдѣ много мѣстъ заимствовано изъ Св. Писанія, ни въ Житіи, которое стóитъ только сравнить въ рукописи и въ печатномъ изданіи, чтобы увидѣть до какой степени всѣ руссизмы изглажены позднѣйшею редакціею, придавшей языку «Житія» характеръ исключительно Церковнославянскій, какимъ онъ является, по дѣленію Востокова [24]) въ новомъ періодѣ Славянскаго языка. Смѣшеніе формъ, встрѣчаемое у Вассіана, было общею принадлежностью языка Русскаго въ XV вѣкѣ. самое употребленіе словъ значенія отвлеченнаго составляло одну изъ отличительныхъ чертъ языка того времени, какъ открывается изъ многихъ памятниковъ [25])· Обиліе словъ отвлеченнаго значенія показываетъ уничтоженіе жизненной свѣжести въ языкѣ, который, въ эпоху первобытную, чуждаясь отвлеченности, владѣетъ выраженіями наглядными и изобразительными. Отвлеченность выраженія рано проникаетъ въ языкъ и долго, весьма долго выражается въ немъ: въ этомъ отношеніи языкъ XV вѣка представляетъ общую черту съ языкомъ XVIII и XIX столѣтія. Выраженія Вассіановы въ родѣ слѣдующихъ: *разсуди промысла,—снидe же таковая въ слоухъ всему множеству оученикъ въ обители*—близки по характеру съ выраженіями Карамзина въ Письмахъ Русскаго путешественника: «Пойте, горные друзья мои, пойте, и *пріятностію* гармоніи услаждайте житейскія горести»,—«Хлѣбъ, мясо, дрова платье, обувь и прочія *необходимости*». — Такое сопоставленіе не можетъ, какъ мы думаемъ, показаться страннымъ тому, кто раздѣляетъ убѣжденіе современной науки, что въ языкѣ господствуетъ «смѣсь стараго съ новымъ» и потому въ языкѣ

древнемъ можно найти черты, принадлежащія позднѣйшей эпохѣ и наоборотъ въ современномъ языкѣ слышатся еще слѣды глубокой древности. —Въ отношеніи къ слогу произведенія Вассіана представляютъ соединеніе простоты и силы съ нѣкотораго рода искусственностью, которое придаетъ имъ особенный характеръ, занимающій средину между слогомъ XII и XIII и слогомъ XVII столѣтія. Выраженія, подобныя такимъ: *покровенъ мрачнымъ облакомъ срама* и т. п. могутъ быть поставлены близко къ тѣмъ прекраснымъ образамъ, которые сохранились въ нашихъ древнихъ памятникахъ, какъ напр. у Кирилла Туровскаго: «кацѣми же плащаницами обію тя, повивающаго мыслію землю и небо ѳлакы покрывающаго», или у Серапіона: «всѣмъ казнивъ ны, Богъ не отъведеть злаго обычая: нынѣ землею трясеть и колеблеть; безаконья, *грѣхи* многия *земля отрясти хощеть, яко лъствие отъ древа.* Съ другой стороны слогъ XV вѣка приближается въ нѣкоторыхъ особенностяхъ къ слогу XVII вѣка, и Вассіановъ *пластырь покаанія* напоминаетъ *аптеку совѣсти* Стефана Яворскаго, любившаго способъ выраженія, подобный слѣдующему: «Пріидите нынѣ вси огневицею грѣховною палимін, обладаеміи отъ демоновъ беззаконницы, образъ только человѣческій носящіи, а вещію свиніи сущіи, приступите и пріимите рецептъ, сіе извѣстнѣйшее и нелестное предписаніе: пріемше же принесите въ *аптеку совѣсти* своея, составите по реченному» [26]).

Изъ разсмотрѣнія литературной дѣятельности Вассіана въ трехъ необходимыхъ отношеніяхъ, опредѣляемыхъ самою сущностью литературной характеристики, получаются по нашему убѣжденію, слѣдующіе выводы: Во первыхъ, Вассіанъ безпорно обладалъ талантомъ: въ преклонныхъ лѣтахъ, на краю гроба написать стройное и въ высшей степени убѣдительное посланіе

могъ только человѣкъ, одаренный истиннымъ талантомъ. Во вторыхъ, Вассіанъ былъ писатель образованный: это доказывается начитанностью его въ Св. Писаніи и короткимъ знакомствомъ съ классическимъ произведеніемъ извѣстной эпохи, сборникомъ «Пчелою». Придавая такое значеніе послѣднему обстоятельству, не думаемъ, чтобы мы преувеличивали дѣло; ибо нельзя не считать признакомъ образованности знакомства съ памятникомъ, который служитъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ выраженій современной ему образованности, и потому долженъ занять видное мѣсто въ исторіи словесности, которое указалъ ему еще знаменитый Фабрицій, высказавшій свой взглядъ во вступленіи къ сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ о Стовеевой антологіи. Въ третьихъ наконецъ, отдавая должную справедливость Вассіану, какъ писателю, мы должны признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ не былъ единственнымъ исключеніемъ въ кругу современниковъ, а трудился на одномъ поприщѣ съ другими писателями. Самые виды произведеній Вассіана доказываютъ справедливость сказаннаго нами: Вассіанъ писалъ поученія, житіе, посланіе; а извѣстно, что поученія и житія составляютъ два вида древней Русской словесности, особенно богатые памятниками; посланій также сохранилось довольно много. Даже объ одномъ и томъ же предметѣ и по одному и тому же поводу съ Вассіаномъ писали къ великому князю и митрополитъ Геронтій, и Паисій игуменъ Троицкій. Такая связь произведеній Вассіана съ господствовавшимъ въ его время направленіемъ словесности, ни сколько не уменьшая ихъ литературнаго значенія, представляетъ, съ одной стороны, въ выгодномъ свѣтѣ самый вѣкъ Вассіана, съ другой дѣлаетъ изученіе ихъ тѣмъ болѣе необходимымъ для познанія современной имъ внутренней жизни народа, для опредѣленія характера народной образован-

ности. Отсюда сама собою вытекаетъ мысль, что Вассіанъ, какъ одинъ изъ образованныхъ людей и талантливыхъ писателей Русскихъ XV вѣка, имѣетъ неоспоримое право на вниманіе исторіи при разсмотрѣніи внутренней жизни Русскаго народа въ XV столѣтіи.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ статьѣ: о Вассіанѣ, современникѣ Іоанна III.

[1]) Вассіанъ говоритъ въ «Житіи»: Азъ окаанный отъ святыхъ его (пр. Пафнутія) рукъ сподобихся воспріяти иночѣскыи образъ на пресдавный праздникъ Срѣтеніе Господа нашего І. Христа по оутреніи, и много время с нимъ съжительствовахъ, и на единомъ клиросѣ въ лицѣ поющихъ с нимъ стояхъ, и многыхъ благодѣаній душевныхъ и тѣлесныхъ отъ него насладихся». Здѣсь же говоритъ о себѣ: «Жребій пріяхъ отъ ученикъ и *сѣдѣльникъ* его» (въ другомъ спискѣ: *содѣльникъ*).

[2]) Исторія Россійской іерархіи. Часть II, стр. 176 и часть VI, стр. 284.

[3]) Софійскій Временникъ, изд. Строевымъ. II, стр. 96. (1821. М.).

[4]) Полное Собраніе Рус. Лѣтописей, Т. V, стр. 274.

[5]) *Карамзина*: Исторія Государства Россійскаго, Т. VI, прим. 326.

[6]) Даже, подобно Нѣмецкому Mannteufel и просто Teufel, у насъ была фамилія *Чортъ*: въ «лѣто 1495 поставиша Макарія порекломъ *Чорта*»—сказано въ Кіевской лѣтописи. *Карамзина* И. Г. Р. Т. VI прим. 403.

[7]) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей, Т. IV, стр. 152.

[8]) Софійскій Временникъ, изд. Строев. Т. II, стр. 224.

[9]) Митр. *Платона*: Церковная Россійская Исторія. Т. I, стр. 331 —332.

[10]) Софійскій Временникъ II, стр. 347 и стр. 222—223.

[11]) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Грекороссійской церкви. 1827. Т. I, стр. 73—74.

[12]) Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія до начала XVIII столѣтія, сост. П. *Строевымъ*. Въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ. 1834. Февраль. II, стр. 162, § 70.

[13]) Оно напечатано и въ *Степенной Книгѣ*, изданной въ 1775 г. Миллеромъ, во II-й части, отъ стр. 140 до стр. 149, и въ *Лѣтописцѣ*

Русскомъ, изданномъ въ 1792 г. Н. Львовымъ, въ III-й части, отъ 146 до 166 стр., и въ *Софійскомъ Временникѣ*, изд. въ 1821 году Строевымъ, во II-й части, отъ стр. 208 до 218. Отличія, представляемыя этими изданіями, незначительны: такъ въ Степ. Кн. читаемъ: «Аще ли же еже припися любо и глаголеши, яко подъ клятвою есть мы отъ прародителей, еже не подимати руки противъ царя, и како азъ могу клятву разорити сопротивъ стати. Послушай убо, боголюбивый царю!» и пр. Въ Лѣт. Русскомъ: «Аще ли же еще любо припи и глаголеши яко подъ клятвою есмы отъ прародителей еже не подимати руки противъ царя стати, послушай убо, боголюбивый царю»! Въ Соф. Временникѣ: «Аще ли же еще любо припися и глаголеши, яко подъ клятвою есмы отъ прародителей еже неподимати руки противъ царя стати: послушай убо, боголюбивый царю и т. д. Безъ сомнѣнія преимущество должно быть отдано изданію Строева въ сравненіи съ Степ. Книгою и съ изданіемъ Львова, который не отличался исправностью своихъ изданій: доказательствомъ этому, кромѣ *Лѣтописца Русскаго*, служитъ изданная имъ *Лѣтопись подробная* отъ начала Россія до Полтавской баталіи. 4 ч. СПб. 1798 — 1799 г. Незначительны и отличія между текстомъ посланія въ изданіи Строева и текстами рукописными. Для примѣра указываю нѣсколько разнословій Софійскаго Временника и рукописнаго Сборника посланій, скорописью XVI в., хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ, отд. XVII, № 50: Соф. Врем.: *Архіепископъ Васіянъ Ростовскій благословляю;* рпсь: *владыка Васьянъ.* Врем.: *Вся сіа на сердци положьшу, яко истинный добрый пастырь;* рпсь: *истинскыи пастырь добрый.* Врем.: *И здравъ ни чимъ же врежена побѣдоносецъ явишися,* рпсь: *И пострадавъ.* Врем.: *мирно да будетъ и многолѣтно ваше государьство,* рпсь: *господство* и т. д.

[14]) Въ заключеніе нашихъ библіографическихъ замѣчаній упомянемъ объ одномъ извѣстіи, какъ бы приписывающемъ Вассіану еще два сочинненія. Нѣкоторыя думаютъ, что Вассіану же принадлежатъ *два слова*—одно на рожденіе Іоанна IV, другое похвальное Великому князю Василію», помѣщенныя въ Степенной Книгѣ. «Благодареніе и похвала о благорадостномъ роженіи по неплодствѣ сына, молитвою отъ Бога дарованна самодержавному царю великому князю Василію, боговѣнчаннаго царя и великаго князя Ивана», составляетъ 22-ю главу II-й части Степенной Кн. стр. 205 — 210, а «Похвала самодержцу Василію» помѣщена въ 24-й главѣ стр. 211 — 218. Слогъ этихъ словъ отличается общими свойствами краснорѣчія Степенныхъ книгъ. Такъ о Василіѣ Іоанновичѣ говорится: «всѣхъ бо любляше, и всѣмъ любимъ бяше, и вси къ нему припадающе, не токмо ближніи, но и дальніи, еже бы рещи отъ Синая и Палестины,

Италія же и Антіохія, и отъ всея подсолнечныя хотяще его токмо видѣти, и слово его слышати. Прочая же его благодѣянія кто возможетъ подробну списати? Якоже пишетъ Богословъ о саламандрѣ нѣкоемъ животнѣ, иже своимъ естествомъ огнь погашаетъ, онъ же невредимо пребываетъ: такоже и сій государь самодержавный Василій огнь безбожіе погашаетъ. И яко же Каѳосъ рѣка сладкая, аще и сквозь пучину морскую идетъ, и своея сладости никакоже не погубляя: тако и сій боголюбивый самодержецъ отъ моря мирскаго ничимъ же не вредися, Богу его хранящу, премудрости ради его умнося, наипачеже всего всегда о души своей попеченіе имѣя...» и т. д. Уже самый слогъ заставляетъ сомнѣваться, что эти похвальныя слова и Посланіе на Угру принадлежатъ одному и тому же автору; но окончательно дѣлаетъ невозможнымъ это предположеніе самое время появленія словъ. Въ первыхъ строкахъ похвальнаго слова Василію Іоанновичу говорится о его царствованіи, о покореніи имъ народовъ и мудромъ управленіи державою и пр.; но Вассіанъ, по свидѣтельству лѣтописей, былъ воспріемникомъ при крещеніи Василія Іоанновича, родившагося 25 марта 1479, и умеръ ровно черезъ два года послѣ рожденія великаго князя. Іоаннъ IV родился 25 Августа 1530 года *), слѣдовательно черезъ 49 лѣтъ послѣ смерти Вассіана.

15) *Норовникъ* отъ *норовить*—потворствовать, потакать, поблажать (Арханг. губ.).

16) М. *Евгенія:* Словарь духовн. писателей. I, стр. 307 и Словарь Историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви. стр. 401.

17) *Натрижненіе* отъ *тризна*, какъ производилъ еще Памва Берында: *Натрижненіе*, нагорода заводницкая, або герциреви, любъ ширмѣреви, або борцеви; побѣдная почесть, *мзда*, даръ.

18) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей Т. V. стр. 31 и IV, 126 и 215.

19) Карамзина Исторія Госуд. Россійск. Т. V, прим. 357.

20) Полное Собраніе Р. Лѣтописей. Т. V. стр. 271.

21) Исторія Карамзина. Т. V. стр. 341—342 изд. 6.

22) Полеваго Исторія Русскаго народа. Т. V. стр. 401—402.

23) Замѣтимъ нѣсколько подробностей. Въ отношеніи къ *звукамъ:* Посланіе. во вся *дени* живота вашего—*богатество.*—многія *сУмежныа* странамъ нашимъ.—*утвер Женному.* — *бОрОнити.* — *обОрОняху.*—*пре Жебывшимъ.*—*пастра Жутъ.*—*напре Же тебе.* — *наде Жу.* —*вре Женъ.*—*раз Друшеніе.* =

*) Исторія Г. Россійскаго. Т. VII, стр. 159 изд. Смирдина, т. IV по изд. 1852.

утверЖДеніе. — *ЕДИНако.* — *хоЩеши.* — *преЖДебывшимъ.* — *нуЖДи.*—*тойЖДе.*—*поЩь.*—*омРАчаеми.*—*хРАбрость.*—*здРАвъ.*

Житіе. — *прину Жаемъ.* — *разсоуЖеніа.* — *утверЖаше.* — *надѣЖею.*—*страЖющи.*—*чюЖей.*—*разДрѣшеніе.* — *меЖю, труЖающися.*=

ниЖДуЩа.—*стражюЩи.*—*ѥдва.*—*ЕДиномъ.*

Въ отношеніи къ *формамъ*: **Посланіе.** *Княземъ и благочестивымъ бояромъ.*—*съ всѣми соборы.*—*яко истинніи присная церковная чада восприимутъ вѣнца нетлѣнныя.*—спротивлящеся *сыроядцемъ.*

оставляеши насъ яко *овца неимущи* пастыря. — и покоритъ *враги твоа.*—лучше тебѣ *солгавшу* животъ получити, нежели *истиньствовавшу* погибнути.—на тебѣ и на твоемъ *сыну.*=

посреди земля.—*отъ Божіа молоніа омрачаеми.*=

о духовный сыну!—*о пастырю!*—*царю!*=

гдѣ хощеши воцаритися, *погубь* врученное ти отъ Бога стадо.—*избавлей* Израиля и преславная *содѣлвый.*=

работаша имъ иноплеменница; а въ другомъ мѣстѣ: *работаху* иноплеменници.=

Житіе.—Паѳнотіе больма простирааса *к подвигомъ.*—имыи *садовіе благолѣпотна древеса.*—*обои* въ благочестіи *сіающе бяхоу и соблюдающе* заповеди благыя.—*бяху* же тогда воды *разливашеся.*=

межю двѣма рѣками. —

начатъ рѣятися и бродити.

отъ душа.—до земла.—ис келіа.

Въ *синтаксическомъ* отношеніи: **Посланіе.** Дательный самостоятельный: *Богу тако изволившу.*—*Господу ти помогающу.*—Мѣстоименіе *иже* съ причастіемъ: открыется гнѣвъ Божій человѣкомъ, *иже* истинну въ неправду *держащимъ.*—и *подвизающіися* ему *иже* до смерти.—

Противу съ дательнымъ: *противу безбожному бесерменству.* — *противу волку.*—

Союзъ *равно яко*: вѣнци мученическими почтени быша, *равно яко* и первіи мученици.—

Одно отрицаніе: *нимало спротивлешеся.*—*ни чимъ же вреженъ.*—

не убояся *татарьскаго множества* (=множества Татаръ).—не пощадѣ живота своего *избавленіа ради христьянскаго* (=ради избавленія христіанъ).—

Дополненіе передъ дополняемымъ: но и *раю наслѣдника* сотвори его.—отъ Бога *согрѣшеніемъ оставленіа* прияша.—Отсюда переходъ къ сложнымъ словамъ: *Богомъ вѣнчанному.* — *Богомъ данную.* — со всѣмъ *Богомъ любивымъ* соборомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и: *достойный хваламъ* великій князь Дмитрей.—

Другія сложныя слова: о *благочестивой* державѣ; со *христолюбивыми* людьми; *каменосердечень; остроуміе; худоуміе; велеречіе; благородіе.* спротивлешеся окаанным̀ симъ *сыроядцемъ* (такъ Вассіанъ называетъ Татаръ). аще покаемся *вседушьно* престати отъ грѣха.

Житія. О неполѣзныхъ же и о поустошныхъ *ни мало брегыи.* — *блаженному въсклонившуся*, зритъ нѣкоего черна виденіемъ.—сокрушати желѣза, въ нихъ же *свяэаноу емоу соущоу дръжимоу.* — искони же ненавидяи добра врагъ *душамъ губитель.*—

Въ повѣствованіи часто употребляется настоящее время вмѣсто прошедшаго: Лишенія ради свѣта очію *оставляетъ* паству и *бываетъ* присельникъ въ обитель... въсхотѣже и ученика послѣдовати емоу, настоюлиже обители не поволи быти томоу... блаженныи же *молитъ* старца оставити его тоу... *отходитъ* тамо идѣже прежде пасыи Христово стадо словесныхъ овецъ. —

Богъ *да* пречистаія Богородица.

Въ Посланіи замѣчательны слѣдующія выраженія: *усты ко устомъ* глаголати (ср. *рука объ руку* и пр. и пр.).—вся сія *на сердци своемъ положьшу.* — *пріидв* же оубо въ *слухи наши.* — но безъ сомнѣнія *вскочи въ подвигъ* и напередъ выѣха и *въ лице ставъ* противу Мамаю.—

иныа страны *пріимаху подъ себе.* —

казнью повелѣ *казнити.*—

и се убо *который* пророкъ пророчествова или апостолъ *который* или святитель научи.—

молюже и о семъ царское твое *остроуміе* и Богомъ данную ти премудрость, да не позазриши моему *худоумію.*—

Употребленіе множественнаго числа вмѣсто единственнаго, какъ авторскій пріемъ, выразившійся въ языкѣ: нынѣ же *слышахомъ.*—и се убо якоже *слышахомъ*, безбожный Агарянскыи языкъ приближися къ странамъ нашимъ.—паче *насъ* ты вѣси. —

Особенное вниманіе обращаютъ на себя слова, употребляемыя въ разныхъ значеніяхъ и частое употребленіе словъ, выражающихъ понятія отвлеченныя:

Слово *держава* употребляется въ значеніяхъ различныхъ: возмогай о Господѣ въ *державѣ* и крѣпости.—потребною и лѣпною памятью о благочестивѣй вашей *державѣ.*—молюся твоей *державѣ*, не послушай совѣта ихъ. — духовъ же льстивыхъ, шепчущихъ въ ухо твоей *державѣ.*

благословеніе на тебѣ и на твоемъ сыну и на всемъ твоемъ *государствѣ* (или господствѣ). — и мирно да будетъ и многолѣтно ваше *государьство* побѣдно.

молю убо *величество* твое да не прогнѣваешися на мое *смиреніе*.

дерзнухъ написати къ твоему *благородству*. вкупѣ же и намъ богомолцемъ вашего *благородіа*.

Въ Житіи: (Батый) поущенъ бысть на Россійскій *островъ*, якоже серпъ, егоже пророкъ видѣ.

разсуди же остротою *промысла* (т. е. силою ума).

ослѣпи бо діаволъ очеса ихъ остротою безоумнаго хоудаго и всепагоубнаго смысла.

възградити—соорудить: възградити церковь, възградиша храмъ.

(Одинъ князь послалъ зажечь обитель; но посланные, увидѣвъ св. Пафнутія въ трудахъ съ братіею, не могли рѣшиться на зло и) възвращахуся *бездѣлни* къ пославшему ихъ.

на *обѣдъ* и *вечерю*.

таковымъ *прослутіемъ наставляеми* (= руководимые такою славою).

дѣлу касатися—браться за дѣло. *отравою уби*. *отравою умори*.

промысломъ Божіимъ *снабдѣвахуся* отъ напрасныя смерти.

и всякъ *оудобныи* страхъ отриноувше.

санъ—священническая одежда.

и начатъ *рѣятися* и бродити сѣмо и овамо.

оужаствивши того.

(старецъ) всегда слезы теплы *без ш'оука* испоущаша.

зряше *очивѣсть* дѣмоны многы.

псалмы давидовы *гранесословяще*.

изыде ис келіа въ *проустѣ* сирѣчь в *сѣни*.

ископаша *гробъ* по завѣщанію святаго.

Причастіе *настоѧи* въ именит. и въ родит. по съвѣту *настоящего* употребляется въ значеніи существительнаго (*настоятель*), подобно *princeps*, *heiland* и пр.

Замѣчательно отличеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ прозвища *простаго* и *мѣстнаго*: живяхоуже (родители св. Пафнутія) в селцѣ, по *просты рѣчи* Коудиново нарицаемо.—множество рыбъ, ихъ же *мѣстная* (т. е. Боровская) *рѣчь сижны* обычеи нарицати.—нѣкогда оученику блаженаго нападе болѣзнь оку, еже *обычною рѣчію переломъ* нарицается. — Другая болѣзнь называется безъ оговорки: на самагоже недугъ лютъ *нападе*: *свороб*ъ.

Что медицинскія средства были въ употребленіи у насъ въ XV вѣкѣ, на это въ Житіи указывается слѣдующимъ: «сего *врачьскыми хитростьми* цѣлитися всячьскы отречена быша».

Особенность въ измѣреніи времени: «Съверши же блаженныи Паѳнотіе седморичное *обхожденіе временъ*».—«съвершивъ же въ обители

тои пасыи и окормляа Христово стадо словесныхъ овецъ *лѣть ıако тридесят обхожденіи временъ».

Замѣчательны слѣдующія выраженія: отхожахоу *всвояси*.

въ всѣмъ царскыи *поуть гонлше*. — и оттолѣ вся мечтаніа *без вѣсти* быша.

покровенже сыи *мрачнымъ облакомъ* срама.

ıедва возможе повинути того обнажити ıазвоу и въ мнозѣ времени обязывая и прилагаıа *пластырь покааніа* едва возможе оутвердити къ отчанію порѣваемый того помыслъ.

[24]) Труды Общества любителей Россійской Словесности. 1820. Ч. XVII. *Востокова:* Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ, стр. 2.

[25]) Такъ одно изъ Посланій Іоны (Сборникъ скорописью XVI в. Императорской Публичной Библіотеки отд. XVII, № 50) начинается слѣдующимъ образомъ: «Благословеніе Іоны, митрополита Кіевскаго и всея Русіи о Святомъ Дусѣ возлюбленному сыну нашего *смиренія*, благородному и благовѣрному Князю Юрію Семеновичу. Молитца, сыну, *смиреніе* наше человѣколюбцу Богу и пречистѣй Его Богоматери о многолѣтномъ здравіи вашего *благородія*, яко да будетъ ваше *благородіе душевноспасительно* и тѣлесно *многолѣтно*, *здраво* въ неисчетная лѣта, а о великой, сыну, вашей *чести* и многихъ дарованіяхъ, еже къ Богу и къ церкви Божіей, и къ нашему *смиренію* по вашему *благопроизволенію*, тамо всемилостивый Богъ и пречистая Его Богомати да воздаетъ вамъ вашу пребогатную и сторичную мзду временно же и будущи».

[26]) Говоря о слогѣ Вассіана, мы должны упомянуть объ эпитетахъ, которые имѣютъ въ первобытную эпоху языка такое обширное значеніе, выражая со всею свѣжестью и вѣрностью воззрѣніе народа. Уже то, что Вассіанъ былъ писатель, а не народный поэтъ, изустно передававшій свои думы, и притомъ жилъ въ вѣкѣ довольно позднемъ для эпическаго вдохновенія; уже эти два обстоятельства могутъ служить ручательствомъ, что такихъ многозначительныхъ эпитетовъ встрѣчается у него немного. Но мы считаемъ нужнымъ упомянуть и объ этихъ немногихъ.

Посланіе. Исходиши противу окаянному оному *мысленному волку*, хотя исхитити изо устъ его *словесное* стадо Христовыхъ овецъ.... Ставъ противу окаянному *разумному волку* Мамаю.

Житіе. Отходитъ тамо, идѣже прежде пасыи Христово стадо *словесныхъ овецъ*. Хотя эпитеты *словесный*, и *мысленный* или *разумный* могутъ быть сочтены за переводъ съ Греческаго, подобный, напримѣръ, выраженію Никифора: «иміже бо соугоубо есть житіе наше:

словесно и безсловесно, и бесплотно и тѣлесно» *) и многимъ другимъ, объясняющимися двоякимъ значеніемъ *слова* и *мысли*, которое имѣетъ въ Греческомъ λόγος съ производными отъ него; однако укоренившееся употребленіе этихъ эпитетовъ едва ли можно приписать одному неумѣнью переводчиковъ, смѣшавшихъ два разныя значенія. Во всякомъ случаѣ нельзя не принять въ соображеніе, что *слово* и *мысль* выражаются словами одного корня не въ одномъ Греческомъ языкѣ, но и въ другихъ, и въ томъ числѣ въ Славянскихъ, въ которыхъ подобное выраженіе принадлежитъ не книжникамъ, находящимся всегда болѣе или менѣе подъ вліяніемъ чужеземнымъ, а живому говору народа. Какъ въ Греческомъ λόγος, такъ въ духовной Латыни *verbum* имѣло такой же двоякой смыслъ; древне-Нѣмецк. *redia* и Готеское *rathjo*—*говорить* имѣетъ при себѣ Латинск. *ratio*; *raison*, *arraisonner* значили въ средніе вѣка *рѣчь*, *говорить*. Слово, которое въ однихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ значитъ *говорить*, въ другихъ *думать*: Болгарское *думам* значитъ *говорю; гадать* по Чешски (hadati) и по Польски (gadać) значитъ *говорить*, а по Русски *думать*, *мыслить*, что видно изъ эпическихъ выраженій Южно-Русской поэзіи: «*думае-гадае*» или «*думае-гадае, словами промовляе*» **), которыя встрѣчаются и въ Сѣверно-Русской, напримѣръ, въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ: «приходитъ отецъ съ матерью въ избу. А *ни думано ни гадано* стало ихъ дѣтище на ноги крѣпко, пробовалъ силу великую» ***).—*Волкъ* называется *разумнымъ* и *овцы словесными*, ибо употребляется въ значеніи *людей*, а *человѣкъ*, по воззрѣнію, сохранившемуся въ языкахъ Славянскихъ и вообще Индо-Европейскихъ, тѣмъ существенно отличается отъ животныхъ, что онъ *говоритъ* и *мыслитъ*: гомерическій эпитетъ людей μέροπες ἄνθρωποι или οἱ μέροπες происходитъ отъ μείρομαι или μερίζω—дѣлю, раздѣляю и ὄψ, οπος—голосъ; животныя не *думаютъ*, а потому и не *говорятъ* и называются *mutum* et turpe pecus; древн. Нѣм. *ûmaelandi;* ἀλόγως — brutorum more; у Нестора: «Амазоняне же мужа не имуть; но и аки *скотъ безсловесный* единою лѣтомъ къ вешнымъ днемъ оземьствени будутъ, и сочьтаются съ окрестными мужи»; и пр. ****).

Въ Житіи при повѣствованіи о заповѣдныхъ *гавранахъ* говорится: *гаврани черноперіи* и *многоязычніи*. Эпитетъ *черноперіи* состоитъ въ

*) Посланіе митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху. Русскія Достопамятности. Ч. I, стр. 61.

**) Сборникъ Украинскихъ пѣсень, издаваемый М. Максимовичемъ. Кіевъ. 1849. Ч. I, стр. 58 и многія другія.

***) Русскія народныя сказки, изд. Сахаровымъ. 1841. Ч. I, стр. 67.

****) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. Т. I, стр. 7.

связи съ эпитетомъ *чрьный воронъ* въ Словѣ о полку Игоревѣ; но особенно замѣчателенъ, по нашему мнѣнію, эпитетъ *многоязычніи*: онъ есть живой слѣдъ, сохранившійся въ языкѣ отъ его древняго, эпическаго періода, когда фантазія народа, полная сочувствія съ окружающей его природой, придавала *рѣчь и говоръ*, существенное свойство человѣческой природы, другимъ существамъ и предметамъ. Въ подтвержденіе нашей мысли приведемъ нѣсколько данныхъ. Фантазія народа заставляетъ говорить и деревья, и звѣрей, и птицъ. Предкамъ нашимъ извѣстно было повѣрье о говорящихъ деревьяхъ, что видно изъ «книги о Сівѵллахъ колики быша и кіими имяны и ω предреченіи ихъ» (писанная полуустав. крупнымъ въ 1673 г. хранится въ Румянцовск. Музеумѣ), въ которой говорится: «таже во діавольское предреченіе относятся и *дубъ предречительный*, и конобъ, в Додону Зеѵсωва, и бобковиное древо, юже древесе *предглаголаша*: и голубь въ дубъ глаголющъ: и древеса во Индію ко Александру Великому *Гречески* глаголаша». Эти деревья, говорящія по Гречески, напоминаютъ *Латинскій или Волошскій* языкъ, на которомъ, по средневѣковому повѣрью, говорили животныя. Если даръ слова приданъ безмолвнымъ деревьямъ, то еще естественнѣе было придать его предметамъ звучащимъ, что и встрѣчаемъ въ Славянской поэзіи. Въ одной Русской святочной пѣснѣ: «Какъ за горницей, за повалушею не въ гусли играютъ, ни *въ свирѣли говорятъ*» *) или въ другой пѣснѣ, въ изд. Сахарова: «У Спаса къ обѣдни звонятъ, у прихода *часы говорятъ*». Но въ особенности царству животныхъ придаетъ *говоръ* народная фантазія; даже рыбы, не смотря на ихъ эпитетъ *безгласныя* въ нашемъ присловьи: *какъ рыбы безгласныя*, соотвѣтствующемъ Греческому: ὡς ἄφωνοι ἰχθύες **) представляются въ народной поэзіи говорящими, какъ напр. въ сказкѣ «О Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ», напечатанной въ изданіи Сахарова Русскихъ народн. сказокъ. Изъ животныхъ чаще всѣхъ обладаетъ даромъ слова *конь*. Еще Несторъ записалъ преданіе, хотя и чужое: «Въ Суріи же бысть трусъ великъ, земли расѣдшися трій поприщь, изиде дивно изъ земли мъска, человѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитье языка, еже и бысть» ***). Въ былинѣ изъ вѣка Владиміра *Иванъ гостиной сынъ*: «*провѣщится* ему добрый *конь человѣчьимъ, Русскимъ* голосомъ»; тоже въ сказкѣ о Добрынѣ Никитичѣ и во многихъ другихъ. Изъ птицъ своею пѣвучестью или говоромъ извѣстны въ народной поэзіи: и *соловей*, и *пѣтухъ*, и *дятелъ*, и *голубь*, и *орлы*

*) *Снегирева:* Русскіе простонародные праздники II, 99.

**) *Снегирева:* Русскіе въ своихъ пословицахъ. I. стр. 88.

***) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей. I, стр. 71.

и въ особенности *галки* и однородные съ ними *вдроны*. *Соловей* отъ *славити*, *слыти*, *слути*; *пѣтухъ* (церковнослав. *пѣтьлъ*) отъ *пѣти*, подобно Нѣмецк. *Hahn*, происходящему, какъ полагаетъ Я. Гриммъ, отъ потеряннаго глагола *hanan*, соотвѣтствующему Латинск. *canere*, Санскр. *kan*.; *дятелъ*, быть можетъ, отъ глагола *дѣяти* или *дѣти* въ смыслѣ *говорить* (ср. у *Нестора:* «ащели кто *дѣеть*: высѣчець исѣче», то не сь то створи, но сынъ его» I, 86, или частица *де* = *молъ* (отъ *молвить*)=ба (баять) и въ такомъ случаѣ не состоитъ ли названіе: *дятелъ* съ Нѣмецкимъ названіемъ этой птицы: *der Specht*, которое Гриммъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «der *Specht* (wörtlich der *spähende*, *weissagende* vogel) hiess darum μέροψ, gleich dem Menschen, und in altrömischer wie in altdeutscher sage verweben sich Picus und Bienenwolf mit heldengeschlechtern» *). О *голубѣ* въ одной Сѣверно-Русской пѣснѣ: «Ужъ, какъ зачалъ голубь ворковати, а голубушка щекотати всякими разными голосами, *человѣчьими словесами*» **). *Орелъ*, присутствовавшій при смерти человѣка, чтобы принять его послѣднюю волю, *говорилъ* съ умирающимъ и объ умершемъ; такъ въ Южно-Русской думѣ: «*Заплаче* зозуля, степомъ летючи; *закуркуютъ* кречеты сизы; *загадаються* орлики хижи; да все, усе по своихъ *братахъ*, по буйныхъ товаришахъ козакахъ ***). Сама дума объясняетъ, почему, когда *зозуля плачетъ*, *кречеты куркуютъ*, *орелъ гадаетъ*, такъ же какъ *думае-гадае* человѣкъ, объясняетъ, называя *орловъ братьями козаковъ*, и въ Южно-Русской поэзіи есть много прекрасныхъ преданій о *побратимствѣ* умирающихъ козаковъ съ орлами. Особенность *галокъ* и *вороновъ* отъ другихъ птицъ въ отношеніи способности *говорить* видна изъ того, что въ Словѣ о полку Игоревѣ звукамъ другихъ птицъ даются различныя названья: орлы *клекчутъ*, соловьи *щекочутъ*, сороки *стрекочутъ*, дивъ *кличетъ*, лебеди *кричатъ*, лисицы *брешутъ*, и т. д., а галки представляются говорящими: «мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, *говоръ галичь* убуди» ****), или «галици *свою рѣчь говоряхуть*, хотять полетѣти на уедіе» *****). Съ выраженіемъ Слова о полку Игоревѣ стоитъ въ прямой связи эпитетъ *многоязычніи гаврани;* онъ оправдывается и повѣствованіемъ о карѣ за ихъ умерщвленіе, находящемся въ Житіи, и всего болѣе многочисленными преданьями, живущими въ народной поэзіи, въ которой *воронъ* является постоянно птицею *вѣщею*, обык-

---

*) Ueber den Ursprung der Sprache, von Jacob *Grimm*. 1852. стр. 19.

**) *Сахарова:* Сказанія Русскаго народа. Т. I, кн. 3, стр. 165.

***) *Максимовича:* Сборникъ Украинскихъ пѣсень. стр. 59.

****) Русскія достопамятности. Ч. III, стр. 46.

*****) Ibid. стр. 82.

новенно *вѣстникомъ* смерти или несчастія. Въ заключеніе замѣтимъ, что народная фантазія, придавая человѣческій даръ слова *воронамъ*, *галкамъ* и другимъ животнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удержала въ языкѣ намеки о *единствѣ языка человѣческаго*, не смотря на разнообразіе говорящихъ имъ народовъ. Нашъ народъ даже вмѣсто того, чтобы сказать о комъ либо: *онъ говоритъ на разныхъ языкахъ*, употребляетъ выраженіе: *онъ говоритъ на разные языки*, т. е. какъ бы на разные тоны языка, что невольно приводитъ на мысль одно преданіе о раздѣленіи языковъ, существующее на Европейской почвѣ. Эстонское преданіе говоритъ, что когда прежнее жилище оказалось слишкомъ тѣснымъ для людей, древній Богъ опредѣлилъ распространиться людямъ по всему земному шару и каждому народу имѣть свой особый языкъ: для этого поставилъ онъ котелъ съ водою на огонь, и заставилъ народы поочередно подходить къ котлу и брать себѣ въ языкъ тоны, издаваемые кипящею водою *). Въ печатномъ изданіи Житія эпитетъ *многоязычнія* пропущенъ, да и въ самомъ Вассіанѣ, употребившемъ этотъ эпитетъ, образованномъ писателѣ XV вѣка, странно и предполагать *полное* сочувствіе съ народнопоэтическимъ образомъ представленія; но таково свойство творческой силы, оживляющей языкъ, что она, создавши изъ него стройное цѣлое, въ которомъ каждое слово было полножизненнымъ выраженіемъ народной мысли, народнаго чувства и народной фантазіи, въ послѣдствіи хотя и ослабѣла, но все таки сохраняетъ въ языкѣ черты отдаленной древности, и дѣло науки—открывать, по мѣрѣ возможности, эти черты, не пренебрегая ни однимъ фактомъ, представляемымъ исторіею языка.

*) *Grimm:* Ueber den Ursprung der Sprache. стр. 29.

VIII.

ДОПОЛНЕНІЯ

къ запискѣ: Древнія Жизнеописанія Русскихъ князей.

И. И. Срезневскаго.

II.

Останавливаюсь на томъ Чтеніи о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба, которое отмѣчено подписью сочинителя: «се азъ Нестеръ» подписью, заставляющею глядѣть на этотъ памятникъ какъ на произведеніе нашего безсмертнаго лѣтописца. Представляя извлеченіе изъ него, я имѣю виду, кромѣ безотносительной важности его, еще и то, что сравненіе его со Сказаніями, которыя приписываются мниху Іакову, можетъ хоть сколько нибудь помочь для опредѣленія времени написанія и первоначальнаго состава сихъ послѣднихъ *).

Чтеніе начинается молитвою, въ которой сочинитель говоритъ о себѣ: «подаи же разумъ ср҃дцю моємү да съповѣдь оканьныи азъ всѣмъ послушающимъ житиꙗ... єлико слышахъ ѿ инѣхъ хо̃лю-

*) Держусь списка Синодальнаго, дополняя и исправляя недостатки по другимъ, особенно по Уваровскому.

бецъ то да сповѣде. нъ да послушаите братик. не зазьрите грубости моки». Затѣмъ слѣдуетъ краткое воспоминаніе о грѣхопаденіи и объ освѣщеніи падшаго разума человѣческаго словомъ евангельскимъ («Искони бо-рече-сътвори Бъ нбо и землю»....) Переходомъ къ главному предмету Сказанія говорится о крещеніи Руси: «Оста же страна Рускаꙗ въ первѣи прельсти идольскыи. не ꙋбо бѣ слышала ни ѿ ко(го)же слово о Гѣ нашемъ Исѣ Хѣ. Не бѣша бо ни апли ходилѣ къ нимъ ни кто же бо имъ проповѣдалъ слова Биꙗ. Нъ кгда самъ влдка Гь... призри... хотяи... в послѣдняꙗ дни присвоити къ своиму бжтву. ꙗкоже и самъ глше въ коуанглии притчами рекыи. Подобно кстъ цртвие бие члви*).... Бы бо-реч-кнзь въ тыи годы володыи всею землею Рускою именемъ Владимеръ. бѣ же мужь правдивъ и милтвъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ. клинъ же вѣрою. сему Бъ спону нѣкаку створи быти кму хртьꙗну. якоже древле Плакидѣ.... Тако же и сему Владимеру ꙗвление Бие быти кму кртьꙗну створи же нарчено бы имя кму Василии. таче потомъ всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ да ся кртять.... Се вторыи Костянтинъ въ Руси ꙗвися, нъ и се чюднѣи заповѣди бо ишедши. ꙗко же преже ркокомъ. всѣмъ хрьститн и всѣмъ грядущюмъ крщению ли попѣ кдиному супротивящюся но акы издавьна наоучены тако течаху радующеся къ крщнию. радовашеся князь Володимерь видя ихъ теплую вѣру къ Гу... Се бы въ лѣто ҂ѕ и у. и ѵ. Потомъ же созда Владимеръ црквь стую Бцю влдчцю нашю въ Кыкве. Таже быша снове мнози ꙋ Владимера ві. их же бѣста стаꙗ сиꙗ

---

*) Изложеніе притчи не совершенно дословно по Евангелію; между прочимъ есть отъ Остром. Е. отличія въ словахъ: сребреникъ *вм.* пѣнязь, часъ *вм.* година, юже (=иже) будеть право *вм.* юже бѫдетъ правьда, что юсте ꙗко праздны *вм.* чьсо стоите праздьни.

Ѿ нею же и повѣсть сия кесть.... Пусти же блговѣрныи сны своя когождо на свою область имъ самъ а сту(ю) сѣю Бориса и Глѣба оу себе держащю занеже кдиначе дѣтеска бѣста. Бѣже Глѣбъ вельми дѣтескъ. а блжныи Борисъ въ разумѣ сы исполнь блгодати Бжия. взимаше бо книгы и чтяше. бяшѐ бо и грамотѣ наученъ. чтяше же жития и мучения стхъ.... Кму молящуся... св. Глѣбъ послушаше кго сѣдя.... бяше бо... дѣтескъ тѣломь а умъ старъ. многу же млтню творя нищимъ и вдовицямъ и сиротамъ. Бѣ бо и оцъ кго тако млтвъ. якоже и на возѣхъ возити брашно по граду и овощь и медъ и вино. и спроста рещи все кже на потребу болящимъ и нищимъ и проповѣднику глще съ прошениемь кгда кто болить кто кдѣ.... Видяще оца тако творяща боле оутвержаста на млтню.... Видя... Бориса преспѣвша верстою» Владимиръ «въсхотѣ бракъ створити кму»... и «блжныи... оумоленъ бывъ Ѿ боляръ... створи волю оцю... таче посла и на область... Глѣба оу себе остави кдиначе бо бѣ оунъ тѣломь. Борисъ много показа мрдие во области своки... нъ таче же того не терпя врагъ нашь яко же преже ркохъ *), вниде (въ) срдце брату кго, иже бѣ старѣи. имя кму Стополкъ. нача мыслити на праведнаго. хотяше бо оканьныи всю страну погубити и владѣти кдинъ»... и «большими разгнѣвася на блжнаго мня оканьныи яко то хощеть по смрти оца свокго столъ прияти»... По времени же нѣкокмь нача болѣти блговѣрныи оць има болѣзнью, кю же оумре.. Болящю же кму въ страну кго придоша ратнии... не могъ изити противу имъ. пославыи... Бориса... И Ѿшедшю кму... оумре оць кго въ лѣто ҂ѕ. к. кг. Таче оувѣдѣвъ.... Стополкъ пакы радуяся отпѣ смрти всѣде на коня и скоро

*) яко же преже ркохъ: это одно изъ любимыхъ выраженій сочинителя, повторяющееся въ Чтеніи довольно часто.

доиде Кыква... и сѣдѣ на столѣ оца своего... на бл҃жнаго Бориса мышляше како кликымъ образомъ погубити. Оувѣдѣвъ же стыи Глѣбъ восхотѣ ѿбѣжати на полунощныꙗ страны.... Бл҃жныи же Борисъ... ѿшолъ бѣ с вои на ратьныꙗ и не вѣдяше того всего. Ратьныи же... бѣжаша... Таче дошедъ бл҃жныи оумиривъ гради вся възвратися вспять. Идуще же кму повѣдаша кму оца оумерша, браͭ старѣишаго Стополка сѣдша на столѣ оци... възрадовася рекыи сии ми будетъ ꙗко оць.... Бѣже немилосердыи тъ послалъ е лестию къ бл҃женому... мышляше како... погубити и.... И се нѣции пришедъше къ бл҃жному възвѣстили ꙗко братъ твои хоще тя погубити. Бл҃жныи же не ꙗтъ вѣры.... Таче по двою дниию пришедше возвѣстиша кму вся бывшаꙗ. и како братъ кго ѿтбѣже стыи Глѣбъ. сѧ слыша гл҃а сице... не ѿиду ни ѿбѣжю ѿ мѣста сего. ни пакы супротивлюся браͭ своему старѣишому сущю. но Бу годѣ тако будеть. Таче ѿвѣщаша сущии с нимъ вои, иже бѣша ходилѣ на ратныꙗ. бѣ бо ихъ акы до и҃ тысящь. вси же вооружени. гл҃а кму. мы о вл҃дко предани кмь *) бл҃гм оцмь твоимь в руцѣ твои. идемь или с тобою или кдини. и тако того нужею ижденемь из града а тебе въведемъ.... Си слышавъ бл҃жныи... гл҃а имъ.... Не тако прогнѣваите гл҃ моего браͭ кда како на вы крамолу въздвигнеть. пъ оуне ксть мнѣ одиному оумрети.... Молю вы ся браͭꙗ моꙗ и оч҃и. вы идѣте в домы своꙗ. азъ же шедъ паду на ногу браͭ своему. кгда како оумл҃рдится на мя.... Изцѣлова вся ти тако ѿпусти ꙗ. а самъ съ отрокы пребы на мѣстѣ томъ день тьи. бѣ бо послалъ с мольбою к браͭ. он же кмъ отрока оудержа. бѣ бо... послалъ на бл҃жнаго да и погубить. Видѣвъ же... ꙗко не приде отрокъ кго вставъ самъ и

*) Отдѣляю «кмь» какъ особенное слово, считая кмь за есмы, какъ попадается оно и вмѣсто есмь.

иде къ брату своему. и се идуще ему възвѣстиша ему... ꙗко посла̄ъ есть бра̄ твои погубить тебе. и се оуже грядуще близъ.... Таче повелѣ поставити шаторъ свои вълѣзъ во нь молися Бу̑... и пакы падъ на ложи своемь плакася горко моля Ба̑. Нощи же сущи повелѣ слугамъ принести свѣщю и веземь книгы нача чисти. И се они послании бѣша. идуще. рикающе. акы звѣрие дивии поглотити хотяще праведьнаго. Слышавъ же бл̑жныи ꙗко оуже приближашася нань и повелѣ прозвутеру ѿпѣти заоутр̑ью и ст̑о еоу̑ае чисти. бѣ бо дн̑ь недѣлныи. и самъ же нача пѣти гл̑я сице: Гн̑ и что ся оумножишася стужающи ми мнози восташа на мя... и прочее п̑лма *). Неч̑тивии же ꙗко шедше не дерзнуша напасти на праведнаго. не попусти имъ Бъ̑ дондеже конца заоутренею. Тако же по кончаньи цѣлова вся възлеже на одрѣ своемь и ѿверзъ оуста своꙗ к беззаконьникомъ ре̑: влѣзъше бра̑е скончаите волю пославшаго вы, и они же акы звѣрие дивии нападоша нань и внизоша во нь соулици свои. и се единъ ѿ престоꙗщихъ ему слугъ паде на немь. они же и того пронизоша. и мьнѣвъ же бл̑жн̑го ѵртва суща изидоша вонъ. Бжн̑ыи же воскочивъ оторопѣ бывъ изиде изъ шатра и въздѣвъ на н̑бо руцѣ моляшеся.... в руцѣ твои предаю д̑хъ мои.(и)же ему рекшю единъ ѿ губитель притекъ оударивъ ср̑дце его и тако бл̑жныи Борисъ предасть д̑шю в руцѣ Би̑и м̑ца июля въ к̑д дн̑ь. ч̑тное же его тѣло веземше несоша въ градъ наричаемыи Вышегородъ, еже есть ѿ Кыева гра̑ столнаго ѕ̑і стадии и ту положиша тѣло.... оу црк̑ви св. Василиꙗ·⁚·Потомъ оувѣдѣвъ оканьныи то ꙗко на полунощныꙗ страны бѣжалъ есть ст̑ыи Глѣбъ, посла и тамо, да и того погубять... рекыи: скорѣи шедъше погубите и. Они же абие

*) Сравни въ Іякововомъ Житіи (Хр. Ч. 312) или въ Лавр. Лѣт. (стр. 55—56).

въслѣдова(ша) в кораблечи борзы гнаша по стемь Глѣбѣ дни многы и оуже имъ приближающимся к нимъ и оузрѣша иже бѣша съ стымъ напрасно кораб'ѣ исходяще на ня взяша оружия своя... Глѣбъ моляше я да не супротивятся имъ глше:... аще ся имъ (не) супротивимъ, то аще имуть мя не погубять мене. нъ поведутъ мя къ брату моему... не противитеся имъ нъ къ брегу приступите. и азъ въ своемь корабли иду посредѣ рѣкы..., Они же послушаша... жаляще си по стмь.... Оканьнии же видѣвше корабль единъ посредѣ рѣкы пловущь и стго въ немь сущь. оустремишася по немь... приближишася и имше корабль ключии привлекоша к себе а иже бѣша е стмь корабли, то ти положе весла сѣдяще сѣтующеся.... Бѣ же за стмъ сѣдяще старѣишина поваромъ, и повелѣша тому нечтвии заклати Глѣба стго: возми ножь свои, зарѣжи гна своего, да не злою смртию умреши. Оканьныи же поварѣ не поревноваше оному же бѣ палъ на с. Борисѣ... изволкъ ножь свои и ятъ с. Глѣба за чтную главу хотя и заклати. Стыи же Глѣбъ молчаше акы агня незлобиво, весь бо оумъ имяше къ Бу.... И са прежеречёныи поварь ставъ на колѣну заклa и главу стму и перѣза гортань его и тако с. Глѣбъ предасть дшю свою в руцѣ Бии мца Сеитя[6] въ е днь. Оканьнии же ти изнесоше тѣло стго повергоша в пустыни подъ кладою. ти тако Ѿидоша ко оканьному възвѣстиша ему.... Си слышавъ... и на прочюю братью въздвизаше гоненія хотяи вся изгубити и ти самъ единъ владѣти всѣми странами. Нъ Бъ свѣдыи таиныи сердечныя, не попусти... тако сътворити. нъ потреби Ѿ земля сея крамолѣ бывшея Ѿ людии и и изгнану ему сущю не токмо из града ня изъ области всея. Избѣжавше же ему въ страны чюжи и тамо животъ свои сконца и разверже. Бываеть бо смрть грѣшнику люта. мнози бо гдть в рачѣ его видѣвше суща

тако ıако же и въ Оульıани законопреступнаго ⁖ Такоже по оумертвии оканьнаго прима власть блжную брат именемъ Ярославъ.:. праведенъ и тихъ. повелѣ же хотолюбивымъ князь изискати тѣло с. Глѣба. кго же много искавше и не обрѣтоша. по лѣтѣ же кдиномъ ходяще ловци обрѣтоша тѣло стого лежаще цѣло... абиıе шедъ въ градъ възвѣстиша старѣишинѣ граду. он же шедъ съ отроки. видѣвъ же стго свѣтящася ıако молнии. и оужасенъ бывъ старѣишина повелѣ слугамъ своимъ на мѣстѣ томъ стрещи стго тѣла, дондеже посла възвѣстити х. Ярославу... иже слышавъ списа кпистолию къ старѣишинѣ граду да въскорѣ пошлетъ тѣло стго Глѣба въ прежеречныи градъ, идеже бѣ тѣло блжнго положено. Старѣишина же ту абиıе повелѣ отрокомъ оуготовати корабльць и тако въземше тѣло с. Глѣба со свѣщами и с темьıаномъ и с великою чьстью несоша в кораблець. ти тако отплыша. Бывшю же стройну вѣтру приплыша въ нарочитыи градъ и ту положиша тѣло с. Глѣба окрѣ(сть) с. Бориса оу црkви с. Василиıа. идеже чюдеса ради мьнога показа Бъ оугоднику ради своѥму».

Въ слѣдъ за этимъ первая часть Чтенія оканчивается такимъ заключеніемъ: «Се же списахъ азъ грѣшныи о житии и погублении стую блжную стрпцю Бориса и Глѣба. нъ аще Бу велящю то и чюдесь. кю мало нѣчто исповѣмы».

Вторая часть Чтенія начинается общимъ вступленіемъ (Блгвенъ Гь Бъ Оць Га нашего Иса Ха. иже не дасть насъ погыбнути въ прелести идолестѣи....), гдѣ между прочимъ замѣчено, что «чудеса кю и донынѣ сдѣваются». За тѣмъ къ разсказу о нихъ сочинитель приступаетъ такъ: «Нъ се оуже начну отсюду исповѣдати. ıаже исперва чюдеса же ицѣлениıа.... и кымъ образомъ изнесено бы тѣло стою изъ ıадръ земныхъ. Не лѣпо бо бѣ такому скровищю скровену подъ землею. многажды

нощию на мѣстѣ томъ видяху идеже лежашеть тѣло стою стрпцю Бориса и Глѣба овогда свѣщѣ овогда столпъ огньнъ с нбсѣ сущь. аще бо или сребро или злато скровно будеть подъ землею. то мнози видять огнь горящь на томъ мѣстѣ. то и то же дьıволу покаꙋющю сребролюбивыхъ ради. колми паче Бꙋ лѣпо ıавити холюбчемъ людемъ тѣло угоднику своꙗю.. . Близъ бо бѣ мѣста того иде же лежаше тѣло стую стрпцю приходяще изъ иноıа страны Варязи стоıаху. и се ꙗдинъ ѿ них невѣды возиде на стую и шедыи пламы опали ꙗму нозѣ. он же не терпя скочи с мѣста того и не можаше ходити и возьвѣсти дружинѣ своꙗи. они же то слышавше т(и) видѣвше н(озѣ) ꙗго опаленѣ ѿ т(ого) ча не смѣıаху ближитися къ мѣсту тому. и того ꙋслышавше гражанѣ приходяще съ страхомъ покланяхуся ꙋ гроба стою: И сего ненавидя врагъ створи нпасть сицеву. загорѣся ту сущиıа црквы образомъ симъ. пономаръ бо тоıа цркве ıакоже по ꙋтрьнемь пѣтьи омраченъмъ бывъ сномъ ѿ вселукаваго сотоны и не смотривъ истиꙗ въ цркви и тако же изиде съ тщани(ꙗмъ) в домъ свои (заб)ывъ свѣщѣ (гор)яще и на вы(со)цѣмъ мѣстѣ. и ıакоже по малу ѿ того възгорѣся црква та. но обаче и се вскорѣ ꙋзрѣвъше вѣрнии людиꙗ и изнесоша вся сущая в неи ıако же ни малу чему ѿ того погыбьнути. развѣ храма ꙗдинаго. И весе мню ıа Бжимъ попущениꙗмь сему быти ꙋбо тои (цркви) худѣ сущи обетшанѣ древомъ. дабы же ина цркы пакы възгражена была на томъ мѣстѣ во имя стою.... Потомъ же старѣишина иже бѣ властелинъ граду тому шедъ къ холюбцю Ярославу възвѣсти ꙗму вся о стою и опалении цркви. иже слышавъ повелѣ призвати архиꙗппа Іѡана.... исповѣда ꙗму вся ıаже о стою.... Слышавъ же то прпбныи архиꙗппъ ѿ холюбця и ꙋжасенъ бы и воскорѣ събратися повелѣ всуму крилосу црквному и въ ꙋтри днь съ

кр҇ты изидоша поюща въ прежерчены градъ *), идѣже лежить тѣло ст҇ою стр҇пцю Хв҇у Бориса и Глѣба. таче же ископавъше изнесоша ковьцега ѿ ѧдръ земленыхъ и поставиша ѧ на земли. ѩко вѣдѣша ковчегъ ст҇ою вѣрнии людиѥ покланяхуся съ страхомъ приходяще к нима. Потомъ же приступи архиеп҇пъ съ прозвутеры и ѿкрыша рацѣ ст҇ою. ти видѣша тѣло бл҇жною ни понѣ ѥдиного струпа ѿ ѩзвъ иму на собѣ и бѣста акы снѣгъ бѣлѣющася лице же ѥю свѣтяся акы анг҇лома.... потом же рацѣ વземше ст҇ою внесоша же въ прежереченую клѣтку **) ти ту поставиша на деснѣи странѣ.... Старѣйшина бо града того имя отрокъ хромъ.... (срав. Хр. Чт. 357). Муж бо нѣкто моляшеся пришедъ припадаѧ ꙋ ракы ст҇ою прозрѣниѧ очима прося.... (ср. Хр. Чт. 360) Таче потомъ властелинъ градныи шедъ къ хр҇толюбивому Ярославꙋ то повѣда ѥму все о ст҇ою. ѩже слышавъ почюдися тому. потом же пришедшю к нему архиеп҇пу Іоану исповѣда ѥму хр҇толюбець како ст҇аѧ имущему суху ногу цѣлу створиста и како очи слѣпому даста. Архиеп҇пъ же то слыша ъ ꙋжасенъ сы бы҇ и свѣтъ же бл҇гыи помысливъ въ ꙋмѣ гл҇я къ х҇олюбцю лѣпо ли бы намъ бл҇говѣрныи ц҇рю црквь (въ) имя ѥю възградити и ꙋставити дн҇ь в он же празднеевати има. То слышавъ х҇олюбивыи кн҇зь ѿ митрополита и реч ѥму благъ свѣтъ твои о҇тче и ѩко велиши тако створимъ. Потомъ же повелѣ дрѣводѣлямъ (да) приготовятъ древо на согражениѥ црк҇ви. бѣ бо ꙋже время зимно. Они же повелѣноѥ имъ ѿ х҇олюбца приготоваша древо и наставшю лѣтꙋ възградишѧ ***) црк҇вь во имя ст҇ою бл҇жную стр҇пцю Бориса

*) Названія города во второй части Чтенія не было прежде вспомянуто.

**) О клѣтицѣ, т. е. малой клѣти, прежде у Нестора не было никакого упоминанія.

***) Въ Синод. сп: възградившю.

и Глѣба о клѣтцѣ *) в неи же стоꙗста рацѣ стѹю. Хс҃олюбивыи же кн҃зь ѹкраси цр҃квь ѿ верхъ и всякыми красотами иконами и иными писмены. повелѣ же и на иконѣ стѹю написати.... Таче потомъ хс҃олюбецъ моли.... архиєпископа да шедъ ост҃ить цр҃квь и ст҃ую службу створить в неи. он же ту абиє поимъ попове и дьꙗконы и весь причетъ цр҃квьныи иде въ преже-реченыи градъ купно съ хс҃олюбивымъ Ꙗрославомъ и съ вельможами. пришедшимъ же имъ въ градъ и сътвори архиеп҃пъ обычноє храму обновлениє рекше ст҃ниє. рацѣ же стѹю постави въ цр҃кви на деснѣи странѣ м҃ца июля въ к҃д днь. въ иже бл҃жныи Борисъ оубиєнъ бы. Ѹстависта же хс҃олюбивыи Ꙗрославъ и пр҃бныи митрополитъ Іоа҃нъ въ дн҃ь на всяко лѣт праздьникъ створити има, ꙗко же и нынѣ свершаєтся. Таче потомъ ꙗко скончa ст҃ую литургию поꙗтъ єи бл҃говѣрныи кн҃зь Ꙗрославъ на обѣдъ со всѣми обрѣтшимися ту.... И єще бо имъ всѣмъ сущимъ на ст҃ѣи литургии и ч҃лвкъ хромъ не могы ходити.... (ср. Хр. Чт. 361). Створи же хс҃олюбецъ пиръ великъ праздникъ стѹю не токмо болярoмъ нъ и всѣмъ людемъ паче же нищимъ и всѣмъ вдовицамъ и всѣмъ ѹбогымъ. повелѣ же и ѿ имѣниꙗ своєго даꙗти имъ. Створи же тако празднующе до осмаго дн҃е. Таче потомъ хс҃олюбецъ (възвратися) въ стольныи градъ повелѣ властелину градъ того даꙗти ѿ дани цр҃кви стѹю десятую часть. архиеп҃пъ же оставъ постави попы и дьꙗконъ. и повелѣ имъ пѣти въ цр҃кви стѹю вечернюю и заутреню и ст҃ую литургию по вся дни служити. и постави имъ старѣишину. ти тако ѿиде въ свою кафоликани иклисиа. Многа же чюдеса показа Бг҃ъ на мѣстѣ томъ.... Начатокъ же тому сиць. В нѣкоємъ градѣ бѣша мужи осужени ѿ старѣишинъ града того и всажени в погребъ....

*) Т. е. близъ клѣтицы.

(Судиꙗ) възвѣсти вея ем х҃олюбцю Ирославу. и се слышавъ наровнавше *) мѣсто то и създати цр҃квь въ имя ст҃ою иже и до нынѣ есть.... Х҃олюбивыи же Ирославъ княжи в та лѣта многа въ правовѣрьи и растроивъ с҃ны своꙗ кождо ихъ на свою область създа же и великую цр҃квъ стую Софью и ины многы цр҃кви иже и донынѣ суть. Поболѣв же мало предасть д҃шю свою в руцѣ Б҃жи поручивъ столъ свои старѣишему с҃ну своему Изяславу. иже спрятавъ тѣло о҃ца своего положи в рацѣ мороморянѣ и постави въ притворѣ цр҃кве с҃тыꙗ Софиꙗ. Сътвориста же и при семь чюдеса многа с҃таꙗ стр҃ница бо Борисъ и Глѣбъ. Хожаше же и сии ко с҃тыма на праздьникъ ею. твораше и праздникъ велии на память ст҃ою нищимъ ѹбогымъ всѣмъ подаꙗ ѿ имѣниꙗ м҃лтию всѣмъ. Пришедъше въ единъ д҃нь видѣ цр҃квь ст҃ою ветху сущю призвавъ старѣишину древодѣлямъ. повелѣ ему цр҃квь въградити во имя ст҃ою назнаменовавъ же и мѣсто близъ ветхыꙗ цр҃кви перваго мѣста. моли же прп҃бнаго митрополита Георгиꙗ.... да створить м҃лтву на мѣстѣ томъ. подалъ же ей ѿ имѣниꙗ доволное въз гражение цр҃кви. ти тако ѿиде въ стольныи градъ. Старѣишина же ту абие събра вся сущаꙗ подъ нимъ древодѣля скончав же повелѣное ему.... и в малѣ днии възгради цр҃квь на назнаменѣ мѣстѣ и въда ричие к҃нзю ꙗко скончана бы цр҃кы. Иже слышавъ посла къ властелину града того рекыи даю имъ ѿ дани к҃няжи ѹкрасить цр҃квь. он же вскорѣ повелѣнаꙗ ему створи. Слышавъ же то б҃олюбецъ Изяславъ. ꙗко всяко бы доспѣна цр҃кы моли архиеп҃па Георгиꙗ да шедъ принесеть мощи ст҃ую въ цр҃квь юже възгради. Архиеп҃пъ же собра весь причетъ цр҃квныи и тако изидоша съ кр҃ты въ прежереченыи градъ. идѣ же бѣ тѣло ст҃ою иже и пришедъша створиша обычное

*) Въ Синод: наровноваше.

цр҃кви новѣи и ст҃ую же литургию въ не(и) скончаша. и въ другыи же дн҃ь събра митрополитъ вся еп҃пы и вся црквникы идеже бѣста рацѣ ст҃ою хотя пренесение сътворити. Бѣша же вѣрнии кн҃зи изъ области своихъ и инии мнози пришли изъ области своихъ дѣтескъ (не)суще. бѣ же и черноризьц множество собралося из манастырь своихъ. в них же бѣ пр҃пбныи оц҃ь нашь Федосии игуменъ манастыря Печерьскаго. свѣтяся акы солнце посреди ихъ. ѹкрашенъ добрыми нравы. Митрополитъ же бѣ невѣрьствѹꙗ ꙗко ст҃а бл҃жнаꙗ. Приступивше же ѿкрыша рацѣ ст҃ою. ти видѣша цѣла лежаща.... Таче потомъ приступивъ изя руку бл҃жнаго Бориса. бѣ бо мощими лежаи и цѣловаше прикладаꙗ къ очима и къ ср҃дцю. таче потомъ бл҃гви ию бл҃говѣрнаго кн҃зя Изяслава. потомъ же брата его Ст҃ослава и оста ноготь единъ на главѣ его на благословление ему. потом же пакы Всеволода. тако и вся. потом же и вся люди. ти тако положи ю на своемь мѣстѣ. Таче потомъ въземше рацѣ несоша въ новую црквь ти ту поставиша на деснѣи странѣ. Въ лѣт ҂ѕ. ф. п мца маꙗ въ в створиша же праздникъ великъ въ тъ дн҃ь.... Многа же чюдеса створи Бъ на мѣстѣ томъ ст҃ыма своима стр҃пщема ꙗко же и на первемь мѣстѣ. еже аще по единому начали быхомъ писати велико бы бремя книгъ.... Чл҃вкъ нѣкто нѣмъ бѣ же нога его едина ѹꙗста ѿ колѣна.... (срав. Хр. Чт. 365). Въ единъ же ѿ днии ишедъшю ми нѣ(ко)его ради орудиꙗ въ градъ и сѣдъшю ми на единомъ мѣстѣ. и се пришедъши нѣкаꙗ жена сѣде близъ мене еꙗ же нѣсмь зналъ даже и до нынѣ. повѣдаше бо ся изъ того града пришедши. ꙗко ѿ Ба подвижема. повѣда ми ꙗже о ст҃ою и о ст҃емь оц҃и Николѣ и о бл҃жную стр҃пцю Борисѣ и Глѣбѣ ꙗже нынѣ азъ повѣдѣ вамъ. нъ послушаите братие съ всякымъ прилежаниемь и не зазрите грубости моеи. Бившю ѹбо

ре҇ дни праздничному сто҇го Николѣ.... (Ср. Хр. Чт. 363). Се же все исповѣда ми сама сѣдящиꙗ же бѣ с нею. Азъ же прославихъ Ба҇ ꙗко сподоби мя слышати вся сихъ же жадахъ. И се пакы инъ повѣда ми гл҇я. ꙗко бѣ нѣ в коимъ градѣ чл҇вкъ слѣпъ.... (Ср. Хр. Чт. 364). Многа же и потомъ чюдеса сътвориста ст҇аꙗ на славу Бу҇ прославл҇шомуся. Видите ли братіе колъ высоко покореніе еже стяжаста ст҇аꙗ къ старѣишо(му) брату си.... Мнози бо суть нынѣ дѣтескы кн҇зи непокаряющеся старѣишимъ и супротивящеся имъ и ѹбиваеми суть. ти не суть такои бл҇годѣти сподоблени.... Мы же ни мало имамъ покорениꙗ къ старѣишинамъ. нъ овогда прекыи глаголемъ имъ. овогда же ѹкоряемъ ꙗ. многаждꙑ же супротивимся имъ.... И кто не подивится ст҇ма сима. кто ли не похвалить ею. Сима анг҇ли почюдишася и чл҇вци прославиша и самъ же вл҇дка Гь Ис҇ъ Х҇ъ срѣтѣ ꙗ съ вои анг҇льскыми вѣнцаꙗ побѣдьными вѣнци. О бл҇жнаꙗ многымъ похваламъ достоинаꙗ. как дерезну азъ оканьныи похвалити ваю грубыи си неразумный еліко бо аще изреку не могу достоино похвалити. нъ что реку или что възгл҇ю. о бл҇жнъ по истинѣ и пребл҇жнъ градъ тъ в немъ же есть гробъ ст҇ою. О граде ч҇тныи истиньныи бо наре҇нъ именемъ прозванъ еси се бо всѣхъ вышьши градъ славою вознесенъ еси»...

Вторая часть Чтенія оканчивается такимъ заключеніемъ: «Нъ мы ѹже съдѣ (о)ставимъ слово ꙗже се азъ Нестеръ грѣшныи о житии и о погублении и о чюдесѣхъ ст҇ою блаженѹю *) стр҇пцю сею опаснѣ вѣдущихъ исписаꙗ **) другаꙗ самъ свѣдꙑ ѿ многыхъ мало въписахъ. да почитающе славять Ба҇. молю же вы и почитающа да любве ради Би҇ꙗ въспоминаите мя и гл҇те. Бе҇ мо-

*) Въ Синод. блажьную.

**) Въ Синод. исписавъꙗ—можетъ быть и не по опискѣ.

литва преблаженую стр҃пцю Бориса и Глеба очти грехы списавшаго ся нєкли въ оставлениє грѣховъ получить благодатию и щедротами (и) чл҃вколюбиєм Га нашего Иса Ха с ним же Оцю слава купно съ ст҃ымъ Дхмь и нынѣ и присно (въ) вѣкы вѣкомъ. аминъ».

Самое внимательное разсмотрѣніе Несторова Чтенія не можетъ, кажется, навести на указаніе или на намекъ о томъ, что бы оно было простымъ соединеніемъ выписокъ; напротивъ того видно, что писатель обдумалъ вполнѣ свой трудъ, его расположеніе и только исполнилъ его не въ одинъ пріемъ, а въ два (отъ чего Чтеніе и раздѣлилось на двѣ части). Тѣмъ не менѣе онъ и самъ не думалъ скрывать, что пользовался трудами другихъ; ясно выразился онъ объ этомъ въ окончательномъ заключеніи: «опаснѣ вѣдущихъ исписаꙗ, другаꙗ самъ свѣды, отъ многыхъ мало вънисахъ». Гдѣ ему казалось необходимо, онъ обозначилъ, отъ кого именно слышалъ то, что передалъ, и не счелъ нужнымъ обозначать, чѣмъ пользовался опаснѣ исписая, можетъ быть, потому, что не переписывалъ дословно, а только извлекалъ факты, выражая ихъ по своему. Онъ пользовался произведеніями другихъ писателей; но какими же именно? Нѣкоторые краткія Чтенія (напр. въ рпси Румяц. Муз. № 434 *) могутъ наводить на заключеніе, что въ нихъ укрывается тотъ древній памятникъ, которымъ Несторъ пользовался какъ пособіемъ; но пока не будутъ разсмотрѣны многіе изъ этихъ списковъ, такое заключеніе будетъ оставаться предположеніемъ, до нѣкоторой степени произвольнымъ: могло быть и напротивъ, что кратніе списки Чтенія составились какъ сокращенія Чтенія подробнаго. Другихъ древнихъ памятниковъ вовсе нѣтъ въ

---

*) При составленіи выше представленной записки о древнихъ жизнеописаніяхъ Русскихъ князей я не имѣлъ ихъ въ виду, и потому не упомянулъ о нихъ.

виду, кромѣ Сказаній, приписываемыхъ Іакову. Сравнивая эти Сказанія съ Чтеніемъ, не придемъ, повидимому, такъ же ни къ какому положительному выводу: изложеніе въ этихъ памятникахъ — и въ отношеніи къ словамъ и въ отношеніи къ подробностямъ нѣкоторыхъ фактовъ — кажется столь различно отъ изложенія Чтенія, сколько можетъ быть въ двухъ сочиненіяхъ, написанныхъ совершенно независимо одно отъ другаго. Есть впрочемъ одно мѣсто, одно случайное выраженіе Чтенія, которое заставляетъ глядѣть на взаимное соотношеніе этихъ памятниковъ совершенно иначе. Послѣ пожара церкви, въ которой покоились мощи св. Бориса и Глѣба до ихъ открытія, «ископавъше — говоритъ Несторъ — изнесоша ковьцега с҃того ѿ ндръ земленыхъ... и... ѿкрыша рацѣ.... потомъ же рацѣ вземше с҃тою внесоша же въ прежереченую клѣтку». Все въ расказѣ Нестора кажется полнымъ до самаго упоминанія о клѣтицѣ. Объ этой клѣтицѣ, поставленной, какъ видно, нарочно, на время, пока будетъ выстроена церковь, Несторъ не говоритъ ни прежде ни послѣ ничего, такъ что слово «прежереченую» въ Чтеніи вовсе неумѣстно. Оно можетъ заставить подозрѣвать, не пропущено ли въ спискахъ Чтенія какое нибудь выраженіе, гдѣ упоминалось о клѣтицѣ; но всѣ списки (на сколько они мнѣ извѣстны) ничѣмъ не укрѣпляютъ этого подозрѣнія: основываясь на нихъ, можно думать, что упоминаніе о клѣтицѣ пало подъ перо самого Нестора случайно. Откуда же оно зашло? Отвѣтъ на это находимъ въ Сказаніи о чюдесѣхъ, гдѣ о томъ же обстоятельствѣ сказано слѣд.: «И повелѣ (архіепископъ) поити въ похрьстьѣхъ Вышегороду и приидоша до мѣста, идѣ же лѣжаста с҃таю; бѣ же тꙋ съ ними и Ярославъ князь. И поставили бяху клѣт'цю малꙋ на томь мѣстѣ, идѣ же црк҃ы съгорѣ. Архиепископъ же пришедъ со крьсты и въ тои клѣтцѣ сътво-

ри всенощьнок пѣтик... и настав'шю д'ни иде и архиепископъ съ крьсты, князь и людик, иде же лежаста ст҃ѹю тѣлеса, и сътворь молитву повелѣ надъ гробома ст҃ою перьсть откопати... и изнесоша ст҃ою... и внесъше въ тѹ храминѹ, ꙗже бѣ на мѣстѣ погорѣв'шеꙗ цр҃кве, поставиша ꙗ надъ землею на деснѣи странѣ». Опредѣленность этого разсказа противоположная съ недосказанностію разсказа Нестора достаточна для оцѣненія его важности; по крайней мѣрѣ до открытія новыхъ данныхъ можетъ оставаться несомнѣннымъ, что Сказаніе о чюдесѣхъ было въ этомъ случаѣ источникомъ для Несторова разсказа: изъ него зашло въ Чтеніе Нестора упоминаніе о клѣтицѣ. Если же Несторъ въ своемъ Чтеніи пользовался этимъ Сказаніемъ при описаніи перваго открытія мощей св. Бориса и Глѣба; то что же ему мѣшало пользоваться имъ и въ другихъ мѣстахъ? При такомъ взглядѣ сличеніе разсматриваемыхъ памятниковъ становится болѣе значительнымъ. Кромѣ выбора словъ и выраженій отличаютъ Сказанія отъ Чтенія и нѣкоторыя подробности въ изложеніи событій, особенно въ расказѣ о чудесахъ; но за исключеніемъ этихъ подробностей, остается въ содержаніи Сказаній и Чтенія очень много общаго; а это заставляетъ предполагать, что оба Сказанія (о житіи и о чюдесѣхъ) были однимъ изъ главнѣйшихъ пособій для Нестора при составленіи имъ своего Чтенія. Если же оба Сказанія были употреблены Несторомъ, какъ пособіе, то очевидно, что они составлены были прежде чѣмъ Несторово Чтеніе. Считая же несомнѣннымъ, что Несторъ жилъ во второй половинѣ XI вѣка, надобно согласиться, что Сказанія писаны не позже это времени. Можно даже заключать, что если и та часть лѣтописи Нестора, въ которой помѣщенъ разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ, писана самимъ Несторомъ, то писана она прежде Чтенія: иначе

бы Нестору не для чего было вносить въ свою лѣтопись чужое повѣствованіе вмѣсто своего, — и повѣствованіе именно то самое, которымъ онъ пользовался для Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ. — Такимъ образомъ и еще однимъ доказательствомъ утверждается древность Сказаній, приписываемыхъ мниху Іакову.

Вникая въ содержаніе Чтенія и, сравнительно съ нимъ, Сказанія о чюдесѣхъ, можно еще опредѣлительнѣе доказать время написанія того и другаго. Въ Софійскомъ спискѣ Сказанія о чюдесѣхъ послѣ расказа о празднествѣ 2 мая (1071 года) и о трехъ чюдесахъ (о нѣмомъ, о Дорогобужской работницѣ и о слѣпомъ) читаемъ: «Многа бо стыи творить Бгъ чюдеса исцеленіа вѣрою просящимъ, ıакожь сима страстотрпцѣма». Въ Чтеніи Нестора послѣ расказа о тѣхъ же обстоятельствахъ: «Многа же и потомъ чюдеса сътвориста стаıа на славу Бу прославившемуся». Затѣмъ Чтеніе Нестора оканчивается заключеніемъ о необходимости повиновенія старшимъ и потомъ обращеніемъ къ св. братіямъ, такъ же какъ и Сказаніе о чюдесахъ. Ясно, что Несторъ остановился на событіяхъ времени Изяслава и писалъ или еще до его кончины (1078), или не много позже. Если бы онъ писалъ гораздо позже, то упомянулъ бы между прочимъ и о той каменной церкви, которая построена Всеволодомъ (+1093), и разрушилась скоро послѣ построенія. Если же Сказаніе о чудесахъ было пособіемъ для Нестора, и писано прежде его Чтенія, то писано не долго стустя послѣ 1071 года. Этому заключенію противорѣчитъ только то, что и въ Софійскомъ спискѣ Сказанія о чюдесѣхъ есть вставка о Святополкѣ Исяславичѣ (+1114), помѣщенная въ самомъ концѣ передъ обращеніемъ къ св. братіямъ. Принимая, что эта вставка была въ самомъ подлинникѣ Сказанія, надобно отнести Сказаніе къ первой осминѣ XII вѣка и отвергнуть большую часть

выводовъ, выше представленныхъ, объяснивъ между прочимъ и то, почему нѣтъ въ Софійскомъ спискѣ упоминаній о времени Всеволода (+1093). Но это едва ли возможно. Надобно взять въ расчетъ и это опущеніе событій бывшихъ до Святополка, и случайность воспоминанія о Святополкѣ только по случаю разсказа о чудѣ, бывшемъ съ заключенными (которое Несторомъ отнесено ко времени не Святополка, а Ярослава, и расказано имъ какъ первое изъ чудесъ, бывшихъ послѣ установленія праздника 24 іюля въ 1020 году): то и другое доказываетъ, что въ первоначальныхъ спискахъ Сказанія не было воспоминанія о Святополкѣ, что оно вставлено позже; что Сказаніе о чюдесѣхъ оканчивалось на событіяхъ времени Изяслава, и слѣд. какъ писанное прежде Чтенія Нестора, до кончины Всеволода или и ранѣе, принадлежитъ вмѣстѣ съ Несторовымъ Чтеніемъ къ числу памятниковъ начала послѣдней четверти XI вѣка.

IX.

ЗАМѢЧАНІЯ

О СБОРНИКАХЪ, ИЗВѢСТНЫХЪ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ «ПЧЕЛЪ».

М. И. Сухомлинова.

«Возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ бо поженетъ тысящу, а два двигнета тмы. По Пророческому словеси: не суть бо бози ихъ, яже уповаша на ня, яко близь день погибели ихъ, и паки:.... близь Господь всѣмъ призывающимъ и́ и всѣмъ призывающимъ и́ воистинну, и не въ силѣ констей въсхощетъ, ни въ лыстѣхъ мужескыхъ благоволитъ; благоволитъ Господь на боащихся его и на уповающая на милость его. И слыши, что глаголетъ Димокритъ Философъ: первыи князю подобаетъ имѣти умъ ко всѣмъ премѣннымъ, а на супостаты крѣпость, и мужество, и храбрость; а къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ. Въспоминай же реченая неложными усты Господа и Бога нашего Ісуса Христа: аще и весь міръ приобрящетъ, а душу свою отщетитъ, и что дасть измѣну на души своей? и паки: блаженъ человѣкъ, иже поло-

жить душу свою за други своя». Читая это мѣсто въ Посланіи архіепископа Вассіана, невольно останавливаешься на имени Димокрита въ Русскомъ произведеніи XV столѣтія. Кто былъ этотъ Димокритъ, — имя ли это извѣстнаго философа древности или можетъ быть только описка, искаженіе какого нибудь другаго имени неискуснымъ переписчикомъ? Если же это не описка, то какимъ путемъ имя и мнѣнія древняго философа сдѣлались извѣстными на Руси? Наконецъ, какое значеніе имѣли эти мнѣнія въ понятіи Русскаго писателя XV вѣка, т. е. почему изрѣченіе языческаго мудреца стоитъ между изреченіями св. Писанія, и должно ли оправдать или обвинить автора за такое сопоставленіе? Постараемся дать посильные отвѣты на всѣ эти вопросы.

Димокритъ, вспоминаемый у Вассіана, есть, какъ открывается изъ словъ его, приведенныхъ въ посланіи, дѣйствительно извѣстный философъ древности, который пріобрѣлъ себѣ громкую славу своими огромными познаніями и проницательнымъ умомъ, развитымъ продолжительными и отдаленными путешествіями и неутомимой наблюдательностью, и обнаружившимся въ многочисленныхъ сочиненіяхъ по части физики, математики, астрономіи, музыки, медицины, нравственной философіи и пр. Имя Димокрита пользовалось уваженіемъ необыкновеннымъ, которое высказывается и множествомъ древнихъ преданій о его жизни и дѣлахъ и высокимъ мнѣніемъ о немъ писателей классическихъ. Сохранилось преданіе, что Димокритъ добровольно выкололъ себѣ глаза, чтобы тѣмъ острѣе стало его духовное зрѣніе, и чтобъ видъ предметовъ внѣшнихъ не развлекалъ его глубокомысленныхъ соображеній. Преданіе говоритъ также, что онъ изумилъ знаменитаго Иппократа своею необыкновенною проницательностью, что будто онъ могъ даже, возвы-

шаясь надъ законами природы, ускорить и отдалить часъ своей кончины: по просьбѣ женщинъ, которыхъ смерть его лишила бы возможности участвовать въ празднествѣ Цереры, Димокритъ на нѣсколько дней отсрочилъ свою кончину, поддерживая себя запахомъ свѣжаго меда или горячаго хлѣба, какъ говоритъ другое преданіе. Что касается до мнѣнія писателей, то всѣ они съ величайшею похвалою отзываются о сочиненіяхъ Димокрита, древніе такъ же какъ и позднѣйшіе, отъ Цицерона, видѣвшаго въ изрѣченіяхъ Демокрита, хотя написанныхъ прозою, поэтическое величіе и силу, и Плутарха, признававшаго, что Димокритъ выражалъ свои мысли δαιμονίως καὶ μεγαλοπρεπῶς, до современныхъ намъ знатоковъ классической древности, какъ напримѣръ ученаго Муллаха, который находитъ въ Димокритѣ eruditionis amplitudo ac varietas, sublime et erectum viri ingenium, а въ его сочиненіяхъ et orationis venustas et rerum excellentia, и который, приведши въ порядокъ и издавши всѣ доселѣ извѣстныя сочиненія Димокрита, счелъ ихъ достойными того, чтобы трудъ свой посвятить Прусскому королю Фридриху Вильгельму IV. — Но могла ли жизнь Демокрита съ окружающими ея преданіями быть извѣстною на Руси во времена Вассіана? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только предположительно, а какъ предположеніе допускается въ наукѣ только на основаніи положительныхъ фактовъ, то мы позволимъ себѣ высказать его не иначе, какъ по указанія самихъ фактовъ, которыми будутъ служить извѣстныя Вассіану сочиненія Димокрита. Здѣсь же замѣтимъ только, что имя Димокрита не есть искаженіе переписчиковъ, и единственная невѣрность заключается въ томъ, что въ иныхъ спискахъ стоитъ *Димокритъ*, какъ и слѣдуетъ (Δημόκριτος), а въ другихъ *ДимокрАтъ*; но и эта ошибка принадлежитъ не

Русскимъ переписчикамъ, а Греческимъ, которые не понявъ сокращенія Δημο. и Δημοκρ., встрѣчавшагося въ рукописи, писали и ΔημοκρΙτος и ΔημόκρΑτος; иногда даже замѣняли его другимъ именемъ, и на оборотъ: вмѣсто Δημοφίλου писали Δημοκρίτου, Ὀνησίκριτος—ΟνησικρΑτος [1]).

Переходя къ вопросу о томъ, какимъ образомъ сочиненія Димокрита могли быть извѣстны Вассіану, мы должны сказать нѣсколько словъ объ ихъ различныхъ редакціяхъ, ибо, по любопытному стеченію обстоятельствъ, исторія сочиненій Димокрита указываетъ отчасти, хотя и отдаленно, на исторію древне-Русской образованности. Изъ числа писателей, занимавшихся сочиненіями Димокрита, извѣстны, начиная съ древнѣйшихъ временъ: Каллимахъ, Гегезіанаксъ, Аристотель, Плутархъ, Климентъ Александрійскій, и наконецъ Іоаннъ Стовейскій. Трудъ послѣдняго имѣетъ для насъ весьма важное значеніе и по отношенію къ занимающему насъ вопросу о Димокритѣ, и—что всего важнѣе—по тому обстоятельству, что онъ служилъ первообразомъ тѣхъ сочиненій, которыя составляли одинъ изъ источниковъ древне-Русской образованности, а въ болѣе частномъ смыслѣ—одинъ изъ источниковъ знакомства нашихъ предковъ съ писателями классической древности. *Іоаннъ Стовейскій* (Στοβαῖος, Stobaeus отъ Македонскаго города Στοβοι) отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ: изъ множества сочиненій, числомъ около 500, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, онъ составилъ извлеченіе и сборнику своему далъ названіе Антологіи: Ἀνθολογιον ἐκλογῶν, ἀποφθεγμάτων, ὑποθηκῶν. Извѣстій о времени и образѣ его жизни не сохранилось; можно думать только, что онъ не былъ христіаниномъ, что видно по духу цѣлаго сочиненія и по тому, что въ немъ приводятся мнѣнія только писателей языческихъ, даже когда

рѣчь идетъ о такихъ предметахъ, сужденія о коихъ превосходно выражены христіанскими писателями [2]), а такъ какъ язычество исчезло въ Римской Имперіи, по крайней мѣрѣ въ образованномъ классѣ, съ VI столѣтіемъ, то Іоаннъ Стовейскій жилъ, безъ сомнѣнія, до этого времени [3]), и именно, какъ полагаетъ Геренъ, въ концѣ V столѣтія [4]). Сборникъ Іоанна Стовейскаго состоитъ изъ статей весьма разнообразныхъ по содержанію, каковы: О Богѣ, о Судьбѣ, о Времени и его раздѣленіи, о Солнцѣ, о Звѣздахъ, о Громѣ, о Кометахъ; о Діалектикѣ, о Риторикѣ, о Піитикѣ; о Мудрости, о Добродѣтели, о Справедливости, о Мужествѣ, о Праздности и о Здоровьи, о Лекаряхъ, о Смерти и т. п. Въ числѣ писателей, упоминаемыхъ въ антологіи весьма часто встрѣчается и имя Димокрита. — Послѣ Іоанна Стовейскаго занимался составленіемъ антологіи *св. Максимъ*, бывшій сперва первымъ секретаремъ при императорѣ Ираклѣ, а потомъ монахомъ и настоятелемъ Хризополитанскаго монастыря близъ Константинополя. Онъ получилъ названіе *богослова* и *исповѣдника* и причисленъ Греческою церковью къ лику святыхъ за ревностное сопротивленіе и обличеніе ереси монотелитовъ, отъ которыхъ онъ подвергался постояннымъ преслѣдованіямъ и наконецъ изгнанъ въ Колхиду, называвшуюся тогда Лазикой, гдѣ и скончался въ темницѣ въ 662 году [5]). Между произведеніями его особенно замѣчательна антологія, которая названа имъ Κεφάλαια θεολογικά, ἤτοι ἐκλογαὶ ἐκ διαφόρων βιβλίων τῶν τε καθ᾽ ἡμᾶς καὶ τῶν θύραθεν, и которая отличается отъ Стовеевой тѣмъ, что составляющія ее такъ называемыя «loci communes» извлечены не только изъ писателей языческихъ, но и изъ св. Писанія и Отцевъ Церкви. Въ началѣ краткое предисловіе изъ св. Ефрема о томъ, какъ должно чи-

тать или слушать читаемое—πῶς χρὴ ἀναγινώσκειν, ἢ ἀναγινώσκοντι προσέχειν, въ которомъ совѣтуется читать божественныя книги не разсѣянно, а съ глубокимъ вниманіемъ, и нѐ одинъ разъ, а дважды и трижды; тому, кто приступаетъ къ чтенію или слушанію вмѣняется въ обязанность обратиться къ Богу съ подобною молитвою: открой глаза и уши сердца моего, да услышу святыя Твои слова и сотворю волю Твою. Въ антологіи св. Максима приводятся мѣста изъ св. Писанія, Отцевъ Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ языческихъ писателей, въ числѣ которыхъ весьма часто изъ Димокрита и между прочимъ то самое мѣсто, которое находится у Вассіана.—Въ VIII столѣтіи извѣстенъ составленіемъ антологіи св. *Іоаннъ Дамаскинъ*, давшій труду своему названіе Ἱερα παράλληλα, а послѣ него Греческій монахъ *Антоній*, прозванный за усердіе къ собиранію матеріаловъ для своей антологіи (μελισσα) *Пчелою*. Антоній въ своемъ сборникѣ помѣстилъ также изреченіе Димокрита, приводимое Вассіаномъ.—Кромѣ названныхъ нами есть еще нѣсколько рукописныхъ антологій; но для насъ всего важнѣе сборники св. Максима и Антонія: ибо въ нихъ находятся слова Димокрита и они служили оригиналомъ для сборниковъ, которые, судя по количеству списковъ, были нѣкогда въ большомъ ходу между образованными Русскими. Изъ подобнаго сборника, по нашему мнѣнію, заимствовалъ и Вассіанъ изреченіе Димокрита. Разумѣется, встрѣчая у Вассіана слова писателя, сохранившіяся только въ двухъ извѣстныхъ сочиненіяхъ, всего ближе было бы заключить, что авторъ нашъ пользовался непосредственно этими сочиненіями; но мы не рѣшаемся сдѣлать такого заключенія, ибо не имѣемъ положительныхъ доказательствъ того, чтобы антологіи Антонія и Максима были у насъ распространены въ подлинникѣ и чтобы Вассіанъ зналъ

по-Гречески; примѣръ же знаменитаго изъ современныхъ ему писателей—Іосифа Санина, приводившаго весьма много мѣстъ изъ Греческихъ отцовъ, но незнавшаго по-Гречески [6]), этотъ примѣръ отнимаетъ у насъ право приписать Вассіану знаніе Греческаго языка, основываясь на одномъ предположеніи. Гораздо справедливѣе, по нашему убѣжденію, искать источника Вассіанова знакомства съ древнимъ философомъ въ Русскихъ антологіяхъ, переведенныхъ съ Греческаго, и въ доказательство мнѣнія нашего мы разсмотримъ сперва эти антологіи въ отношеніи къ ихъ Греческимъ образцамъ, а потомъ приведемъ Вассіановы слова о Димокритѣ и сравнимъ ихъ съ Греческимъ подлинникомъ и съ переводомъ въ Русскихъ антологіяхъ.

Древне-Русскія антологіи извѣстны подъ названіемъ *Пчелъ* и сохраняются въ спискахъ разныхъ столѣтій. Въ Петербургскихъ Библіотекахъ, Публичной и вновь пріобрѣтенномъ Погодинскомъ книгохранилищѣ, и въ Румянцовскомъ музеумѣ, находится также нѣсколько списковъ «Пчелъ»; всѣ списки весьма сходны между собою и потому въ нашихъ указаніяхъ мы будемъ пользоваться преимущественно двумя замѣчательнѣйшими: одинъ особенно замѣчателенъ по древности, другой по полнотѣ. Первый имѣетъ заглавіе: «Книгы бьчела. Рѣчи и моудрости отъ Евангельи и отъ Апостола и отъ святыхъ моужь и разоумъ внѣшнихъ ѳилосоѳъ». Писанъ полууставомъ XIV в., подходящимъ къ уставу. Въ сборникѣ, кромѣ главъ Пчелы, помѣщено еще нѣсколько статей, состоящихъ изъ краткихъ изрѣченій, а именно: Словьца избрана отъ премудрости Ісусовы сына Сирахова; Словца отъ премудрости Соломона; Мудрость Менандра мудраго; Словьца избрана Исухія презвутера Іерусалимьскаго; Разуми сложенія Варвавы неподобнаго, числомъ 124 [7]). Въ окончаньи именъ вмѣсто *іи* обыкновенно *ьи*: *оупо-*

ваньи, *терпѣньи*, *долгодушьи* и пр.; сравнительно съ другими списками много руссизмовъ, въ родѣ *одва* вм. *едва* и т. п. Другой списокъ (Пчела Строева, въ Публич. Библ. 197) скорописью, подходящею къ полууставу конца XVII или начала XVIII в. называется просто: «Книга глаголемая мпчела». — Пчелы наши находятся въ самой близкой связи съ антологіями Антонія и Максима [8]): связь съ первою видна изъ того, что многія мѣста буквально переведены и самое прозвище автора сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для сборника; отношеніе къ послѣдней открывается во множествѣ мѣстъ, переведенныхъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ у св. Максима, и въ самомъ числѣ главъ, которыхъ и въ антологіи св. Максима и въ большей части Пчелъ—71 [9]). Можно допустить, что раздѣленіе на 71 главу нашихъ Пчелъ, довольно древнее: по крайней мѣрѣ въ спискѣ XIV вѣка замѣтно уже, что онъ сдѣланъ по рукописи, разд. на 71 главу, и замѣтно вотъ почему: писецъ пропустилъ одну главу, именно 34, о Тщеславіи, и въ рукописи за 33 слѣдуетъ 35, такъ что послѣднею все таки оставалась 71; въ самой рукописи, гдѣ начала главъ далеко отстоятъ одно отъ другаго, легко было не замѣтить пропуска; но онъ бросался въ глаза въ оглавленіи, гдѣ одна глава подписывается подъ другою, и переписчикъ отмѣтилъ № 34 главу, помѣщенную въ текстѣ подъ № 35 (о Истиннѣ и о Лжи), а какъ поэтому у него не доставало 71-й главы, то онъ раздѣлилъ послѣднее слово на двѣ части и передъ второю поставилъ киноварью *о*, которое находится въ началѣ всѣхъ главъ, такъ что 70-я гл. озаглавлена имъ: «О Терпѣньи и о Долго», а 71.—«О Душьи». Сходство между сборникомъ св. Максима и нашими «Пчелами» обнаруживается не только въ порядкѣ главъ; но и въ самомъ размѣщеніи выписокъ въ главахъ: для примѣра

приведемъ одну на выдержку. Въ главѣ XV περὶ διδαχῆς καὶ λόγων слѣдуютъ у св. Максима выписки въ такомъ порядкѣ: изъ Евангелиста Матфея, Апостола Іакова, Соломона, Сираха, св. Василія, Богослова, Златоуста, Нила, Дидима, Моска, Демонакта, Солона, Діогена, Этеокла, Сократа, Антагора, Іерона, Эпопида, Ромула; въ соотвѣтствующей главѣ Пчелы 15, о оученіи и о бесѣдѣ, приводятся послѣдовательно изрѣченія: *св. Матѳея, ап. Іакова, Соломона, Сираха, св. Василія, Богослова, Златоуста*, Гр. Нисскаго, Фотія, *Дидима* Исидора, Плутарха, Филона, Исократа, Харикла, Димокрита, Клитарха, *Моска*, Солонона, *Діогена, Этеокла*, Менандра, Эпихарма, Иродота, Эврипида, Пиѳагора, *Антагора, Іерона, Эновида.* Напечатанныя курсивомъ взяты изъ сборника Максимова, а капителью, — изъ сборника Антонія Мелиссы; остальныя, вѣроятно, изъ Греческихъ рукописныхъ антологій; но какого бы рода ни были эти антологіи, безъ всякаго сомнѣнія, они составлены по образцу, данному св. Максимомъ и Антоніемъ [10]).

Такого рода сборники были, какъ должно полагать, значительно распространены на Руси: еще въ Словѣ Даніила Заточника есть указанія на знакомство автора ея съ «Пчелою [11])»; есть списокъ, и вѣроятно не одинъ, XIV в., нѣсколько списковъ XV вѣка, нѣсколько XVI, изъ которыхъ замѣчателенъ списокъ начала вѣка, скорописью, начинающійся 20 главой съ середины, находящійся въ Публичной Библіотекѣ (изъ Погодинск. книгохранилища); нѣсколько XVII столѣтія: одинъ изъ нихъ, скорописью, въ Публичн. Библіотекѣ № 1068, имѣетъ такое заглавіе: «Сія книга глаголемая пчела имѣетъ рѣчи отъ Евангелія и отъ различныхъ святыхъ словъ»; но не смотря на то, въ ней кромѣ выраженій Евангельскихъ и «святыхъ

словъ», находится множество мѣстъ изъ писателей языческихъ, какъ и въ другихъ Пчелахъ, и въ этомъ отношеніи она представляетъ сходство съ Сборникомъ св. Максима, который также, хотя и заключаетъ въ себѣ множество выписокъ изъ языческихъ писателей, называется однако Κεφάλαια θεολογικά. Списки «Пчелы» идутъ даже до XVIII столѣтія, въ которомъ не только чтеніе ея вышло изъ обычая, но и сама она, нѣкогда служившая источникомъ образованности, стала подвергаться легкомысленнымъ отзывамъ [12]). Но не то было въ вѣкахъ предшествующихъ: образованные люди украшали ею свою библіотеку и только извѣстною степенью ея распространенности можетъ быть объяснено то обстоятельство, что и Вассіанъ, поставленный въ необходимость вдругъ написать увѣщаніе, могъ легко припомнить выраженіе изъ Пчелы и передать его съ такою вѣрностью. Какимъ бы образомъ онъ ни привелъ это выраженіе, т. е. по одной только памяти или съ помощью списка, бывшаго подъ рукой, хотя самая спѣшность работы дѣлаетъ первое предположеніе вѣроятнѣйшимъ; во всякомъ случаѣ переводъ Вассіана совершенно сходенъ съ переводомъ пчелы, что очевидно изъ сравненія обоихъ переводовъ съ Греческимъ подлинникомъ. Въ 9-й главѣ антологіи св. Максима при имени Димокрита находится слѣдующая выписка изъ этого философа (изд. Комбефиза, т. II, стр. 560), 2-я въ числѣ нѣсколькихъ изъ Димокрита—у Св. Максима, какъ и въ Пчелахъ.

У св. Максима:

τὸν ἄρχοντα δεῖ ἔχειν πρὸς μὲν τοὺς καιροὺς λογισμόν, πρὸς μὲν τοὺς ἐναντίους τόλμαν, πρὸς δὲ τοὺς ὑποτεταγμένους εὔνοιαν. Тоже у Антонія Мелиссы, II кн. гл. I.

Въ Пчелахъ:

Князю подобаеть имѣти умъ ко всѣмъ времяннымъ (*или* ко временомъ оумъ. — ко времени умъ. — къ временънымъ оума), а на супостаты крѣпость и мужество же и храбрость (*въ иныхъ только*: на соупостаты крѣпость), а къ своей дружинѣ любовь и привѣть сладокъ. (*въ иныхъ просто:* а къ дроужинѣ любовь).

Въ посланіи Вассіана:

Пръвѣе [13]) (*или* первыи) князю подобаетъ имѣти умъ ко всѣмъ премѣннымъ (*или* временнымъ), а на супостаты крѣпость и мужество и храбрость, а къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ (*или* и сладость).

Признавая несомнѣннымъ заимствованіе Вассіаномъ изъ «Пчелы» словъ Димокрита, мы тѣмъ самымъ указываемъ на причину, почему они приводятся вмѣстѣ со словами Св. Писанія. Всѣ главы въ антологіяхъ начинаются обыкновенно выписками изъ Евангелія, Апостола, Твореній св. Отцовъ, а въ слѣдъ за ними и изъ писателей языческихъ: такъ составлены сборники и св. Максима и св. Іоанна Дамаскина, по нѣкоторымъ его спискамъ [14]). Тоже самое видимъ и въ нашихъ Пчелахъ: въ главѣ 17-й напримѣръ (о любомудріи и о ученіи дѣтемъ) свидѣтельства приводятся въ слѣдующемъ порядкѣ: *Евангеліе*: Въшедше Іисусъ въ церковь, и оучаше народы, чюждахутьжеся Іюдее глаголюще: како сей вѣсть книги не оучився. *Апостолъ*: Аще кто мнится мудръ быти в васъ въ вѣце семъ,

да будетъ юродъ и (да) будетъ мудръ: мудрость бо міра сего юродьство есть предъ Богомъ. За этимъ слѣдуютъ непосредственно одно за другимъ изрѣченія: *Соломона*, *Богослова*, *Исократа* и *Димокрита*: «Сей рече яко наказаніе кореніе имѣетъ горко, а плодъ его сладокъ; наказаніе славнымъ есть красота, а убогимъ прибѣжище; градовы подобаетъ украшати образовънымъ украшеніемъ и церьковьнымъ, а души ученіемъ». У Антонія Мелиссы непосредственно за словами Димокрита, приводимыми Вассіаномъ, слѣдуютъ выписки изъ Притчей Соломона. Кромѣ авторитета «Пчелъ» Вассіана оправдываетъ въ способѣ приведенія свидѣтельства Димокрита и то, что, судя по мнѣніямъ его, разсѣяннымъ въ разныхъ мѣстахъ сборника, Димокритъ долженъ былъ казаться читателямъ Пчелы мудрецомъ, имѣвшимъ самый возвышенный образъ мыслей: мнѣнія въ родѣ слѣдующихъ, отмѣченныхъ именемъ Димокрита: «Лоучше есть своа съгрѣшеніа обличати, нежели чюждая» или «Человѣкомъ достойно есть о души паче попеченіе имѣти, нежели о тѣлеси; тлѣнная жилища стяжавати безумныхъ есть, а не мудрыхъ, и ни на кую же души пользу есть, но на вредъ и погыбель»,—подобныя мнѣнія не могли не возбуждать уваженія къ высказавшему ихъ. Самое прозвище «философъ», во всѣхъ спискахъ находящееся при имени Димокрита, показываетъ уваженіе къ нему нашихъ предковъ: ибо въ древности слова *философъ* и *философствовать* имѣли почетное значеніе [15]).

Если сочиненія Димокрита въ такомъ количествѣ могли быть извѣстны Вассіану, то весьма естественно полагать, что ему могли быть извѣстны и самыя обстоятельства жизни древняго философа: такому знакомству могла содѣйствовать и «Пчела», ибо въ ней при изрѣченіи какого либо писателя, часто сообщается и извѣстіе изъ его жизни, объ-

ясняющее это изреченіе. Такъ между прочимъ о Димокритѣ есть подобныя отрывочныя извѣстія: «сему нѣкогда посланоу отъ Афинѣи къ Филипоу царю и съ дръзновеніемъ веліемъ бесѣдуюшу, царь же Филипъ рече ему: не боиши ли ся зане повелю оусѣкноути главу твою; онъ же рече: аще убо повелиши да усѣчена будеть глава моя, то мое отечьство безсмертіемъ почтетъ ю». При имени Леонида въ Пчелѣ вспоминается подвигъ героя Спартанскаго: «Леонидъ Лакедемоньскіи мало имѣя вои, иде на Перси, и нѣкоему рѣкшу ему: како съ малымъ идеши на толику землю, онъ же отвѣща: съ малыми иду, но съ хотящими и довлѣющими», и т. п. Притомъ, чѣмъ распространеннѣе были какія либо произведенія, тѣмъ скорѣе должно было возникнуть желаніе имѣть извѣстія о жизни ихъ авторовъ: такъ въ древнихъ спискахъ Пророчествъ послѣ книги каждаго пророка помѣщалось обыкновенно краткое его жизнеописаніе. Тоже самое встрѣчаемъ и въ нашихъ старопечатныхъ книгахъ: въ «Анеологіонѣ» напримѣръ, напечатанномъ во Львовѣ въ 1638 г. и расположенномъ по днямъ года, за именемъ празднуемаго святаго слѣдуетъ часто краткій біографическій его очеркъ или объясненіе причины празднества. Судя же по однимъ только спискамъ «Пчелы», мы можемъ заключить, что предкамъ нашимъ извѣстны были произведенія многихъ писателей иностранныхъ, какъ христіанскихъ, такъ и языческихъ [16]), съ нѣкоторыми чертами изъ жизни авторовъ. Новыя открытія, какъ можемъ надѣяться, обогатятъ науку новыми данными для сужденія о томъ, къ чему обращалась любознательность нашихъ предковъ; теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что и въ древнѣйшую эпоху образованности народа любознательность его направляется къ судьбѣ писателя въ одинаковой степени какъ и

къ его твореніямъ, доказательствомъ чему служатъ отчасти: у насъ—біографическія замѣтки о писателяхъ и выписки изъ ихъ твореній, находящіяся въ «Пчелахъ», на западѣ — явившійся въ средніе вѣка трудъ Вальтера Бурлэя: (Gualterus Burläus, живш. въ концѣ XIII и началѣ XIV в.) *Vita, mores* et elegantissima philosophorum et poetarum veterum *dicta simul et gesta*—первый опытъ исторіи литературы въ Европѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ статьѣ: О сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Пчелъ».

1) *Frid. Guil. Aug. Mullachius:* Democriti Abderitae operum fragmenta. Berolini. 1843. стр. 163—164.

2) *Fabricii Bibliotheca graeca*, edit. Harles. Hamburg. 1804. стр. 569.

3) *Schoell:* Histoire de la littérature grecque profane. 2e edition. Paris. 1825. стр. 134.

4) *Heerenius:* Commentat. de fontibus Eclog. Joh. Stob. in edit. Ecl. phys. et eth. part. II. Tom. II. pag. 138.

5) Fabricii Bibliotheca Graeca. IX, стр. 637.

6) *Евгенія*: Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. I, 312. Этого не отвергаетъ и профессоръ Горскій въ своемъ сочиненіи о жизни и писаніяхъ Іосифа Волоколамскаго, какъ можно заключить изъ слѣдующаго отзыва: «Во всѣхъ писаніяхъ Іосифа видно знаніе св. Писанія и обширная начитанность въ писаніяхъ Отцевъ и учителей Церкви, извѣстныхъ тогда *въ переводѣ* на Славянскомъ языкѣ». См. Прибавленія къ изданію твореній святыхъ Отцевъ Годъ 5-й. 1847. Писанія преподобнаго Іосифа Волоколамскаго. стр. 276.

7) Въ послѣдней статьѣ весьма замѣчательно слѣдующее мѣсто: «Лоуче ѥсть въ оутлѣи лодьи ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: она бо точію тѣло потопить, а сия всю жизнь погубить», весьма сходное со словами Даніила Заточника: «Лутчи есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ». Памятники Рос. Словесности XII вѣка. стр. 238.

[8]) Мы пользовались слѣдующими изданіями этихъ антологій: *св. Максима*: S. Maximi Confessoris opera, opera et studio R. P. Francisci *Combefis*. 1675. Parisiis. (въ 2 томахъ). *Антонія Мелиссы*: Sententiarum sive capitum tomi tres, per Antonium et Maximum monachos olim collecti.... Christophorus *Froschoverus* excudebat Tigurii. 1546. Сборникъ Мелиссы раздѣленъ на 2 части: первая съ переводомъ Конрада Гесснера, 2-я Іоанна Рибитта. (Оба изданія сдѣлались теперь библіографической рѣдкостью, и мы могли найти ихъ только въ Публичной Библіотекѣ).

[9]) Чтобы яснѣе обозначилось соотвѣтствіе между Греческимъ и Русскимъ сборникомъ, а отчасти и характеръ ихъ, приведу названіе главъ, порядокъ которыхъ почти во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ Пчелахъ одинаковъ, при большемъ или меньшемъ уклоненіи отъ порядка главъ въ подлинникѣ:

Главы Пчелы:	*Главы Антологіи св. Максима:*
1) О житейстей добродѣтели и о злобѣ слово.	1) περὶ βίȣ ἀρετῆς καὶ κακίας.
2) О мудрости (слово).	2) περὶ φρονήσεως καὶ βουλῆς.
3) О чистотѣ и цѣломудріи.	3) περὶ ἁγνείας καὶ σωφροσύνης.
4) О мужествѣ и о крѣпости.	4) περὶ ἀνδρείας καὶ ἰσχύος.
5) О правдѣ.	5) περὶ δικαιοσύνης.
6) О дружьбѣ и о братолюбіи.	6) περὶ φίλων καὶ φιλαδελφίας.
7) О милостыни.	7) περὶ ἐλεημοσύνης.
8) О благодати.	8) περὶ εὐεργεσίας καὶ χάριτος.
9) О власти и о княженіи.	9) περὶ ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας.
10) О лъжи и о клеветѣ.	10) περὶ ψόγου καὶ διαβολῆς.
11) О ласканіи.	11) περὶ κολακείας.
12) О богатествѣ і оубожествѣ и о сребролюбіи.	12) περὶ πλȣ́τȣ καὶ πενίας καὶ φιλαργυρίας.
13) О оудобіи.	13) περὶ αὐταρκείας (= de virtute animi, sorte sua contenti).
14) О молитвѣ.	14) περὶ προσευχῆς.
15) О оученіи и о бесѣде.	15) περὶ διδαχῆς καὶ λόγων.
16) О наказаніи.	16) περὶ νȣθεσίας.
17) О любомудріи і о оученіи дѣтемъ.	17) περὶ παιδείας καὶ φιλοσοφίας.
18) О богатествѣ і о оубожествѣ.	18) περὶ ευτυχίας καὶ δυστυχίας.
19) О ꙗрости и о гнѣвѣ.	19) περὶ ὀργῆς καὶ θυμοῦ.
20) О молчаніи и о таинѣ.	20) περὶ σιωπῆς καὶ ἀποῤῥήτον.
21) О многопитаніи і о молчаніи.	21) περὶ πολυραγμοσύνης καὶ ἡσυχίας.

22) о многоименіи и о обидѣ, 23) о чести родительсцѣ і о чадолюбіи; 24) о страсѣ; 25) о скоровозъвращающимися о покаяніи; 26) о грѣсѣ і о исповѣданіи; 27) о чрезъ сытость чреву оугождающихъ; 28) о печали и безъпечали; 29) о соньяхъ; 30) о пьянствѣ; 31) о дерзновеніи и обличеніи; 32) о страдолюбіи (περὶ φιλοπονίας); 33) о клятвѣ; 34) о тщеславіи; 35) о истинѣ и о лжи. Доселѣ порядокъ главъ въ обоихъ сборникахъ одинаковъ; далѣе же Пчелы главы: 36) о хваленіи; 37) о красотѣ; 38) о *хотящемъ быти судѣ* (περὶ μελλούσης κρίσεως); 39) о славѣ; 40) о многомолъвленіи; 41) о промыслѣ; 42) о смиреніи; 43) о врачѣхъ; 44) о вѣре; 45) о памяти; 46) о души; 47) о зависти; 48) о волнемъ и невольнемъ; 49) о разумѣ себѣ (περὶ τοῦ, γνῶθι σεαυτόν); 50) о благости; 51) о законѣ; 52) о словеснемъ и о сердечнемъ; 53) о безуміи; 54) о растающихъ имѣнія своя на нетлѣнная; 55) о обычаи и о нравѣ; 56) о благородіи и злородіи; 57) о сънѣсѣ; 58) о сънѣ; 59) о беззлобіи и о невоспоминаніи; 60) о непостояніи житія; 61) яко достойно чтити благодать, злобу отгнати—соотвѣтствуютъ у Максима главамъ 43 — 68 (включительно) въ послѣдовательности. Пчелы гл. 62) яко проста злоба есть и одва годиться человѣкомъ благодѣяніе = Макс. 70) περὶ τοῦ ὅτι εὔκολος ἡ κακία, καὶ δυσπόριστος ἀρετή; Пч. 63) о самолюбіи=Макс. 69; Пч. 64) о правдѣ и о обидѣ = Макс. 71; Пч. 65) о смерти; 66) о миру и о рати; 67) о оуповаміи; 68) о женахъ; 69) о противословіи и о шептаніи; 70) о старости и о юности; 71) о терпѣніи и веледушіи (или долгодушіи) = Макс. 36—42 (включит.).—Эти главы находятся и въ Сборникѣ Мелиссы, имѣющемъ 175 главъ, только не въ такомъ порядкѣ. Изъ *Пчелъ*, находящихся въ Петербургскихъ библіотекахъ, болѣе всѣхъ уклоняется отъ обыкновеннаго порядка главъ Пчела Румянц. Музеума, въ которой главы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) отъ притчей Соломоновыхъ наказаніе къ сыну; 2) о зависти; 3) о самолюбіи; 4) о піянствѣ; 5) о многоглаголаніи, 6) о смиреніи; 7) о друзѣхъ, 8) о мудрости, 9) о чистотѣ и цѣломудріи, 10) о мужествѣ и храбрости и т. д.

[10]) Чтобы еще доказательнѣе было мнѣніе наше, приведемъ одно или два изъ тысячи мѣстъ, буквально переведенныхъ съ Греческаго подлинника. Какъ предки наши переводили св. Писаніе, достаточно уже извѣстно, а потому набираемъ писателей древнихъ.

Въ антол. Максима *Мосхъ:*	Пчела XIV вѣка: *Мосхъ.*
τόν προσομιλοῦντα τριχῇ διασκόπου, ὡς ἀμείνονα, ἢ ὡς ἥττονα, ἢ ὡς ἴσον, καὶ ει μεν ἀμείνονα, ἀκούειν χρὴ και πείθεσθαι αυτῷ; εἰ δε	Внегда бесѣдуеши съ нѣкими, то прежде смотри, аще лучьшіи тебе есть съповѣстникъ той, или хуждьшіи или ровникъ; і ашэ

ηττω, απειθεῖν, εἰ δὲ ἴσον, συμφωνεῖν.

оуразумѣешися и лучьша себе, то покорися ему; аще ли же хуждьши, то покори, аще ли ровенъ тебѣ, то съединоумися с нимъ.

Антагоръ: Ανταγόρας ἐπεὶ ἀνεγίνωσκε παρὰ Βοιωτοῖς τὸ τῆς Θηβαΐδος σύγγραμμα, καὶ οὐδεὶς ὑπεσημήνετο, κλείσας το βιβλιόν, Δικαιως, εἶπε, καλεῖσθε Βοιωτοὶ, βοων γὰρ ὦτα ἔχετε.

Антагоръ: Сей нѣкто да прочьте Фивейскую грамоту предъ Виоты на посольство пришедъ и никому же отъ нихъ отвѣщающу, онъ же рече: во истинну есте прозвани Виоте, понеже ꙗко волуи оуши имѣете и слышаще же не отвѣщающе.

Я съ цѣлью избралъ такое мѣсто, въ которомъ видно и достоинство и недостатки перевода. Способъ перевода вообще не подлежитъ осужденію; главнѣйшая трудность предстояла въ передачѣ тѣхъ понятій, кои имѣютъ, такъ сказать, мѣстный смыслъ, будучи тѣсно связаны съ звуками словъ, выражающихъ на извѣстномъ языкѣ эти понятія. Въ приведенномъ примѣрѣ названіе Віотійцовъ волоухими основывается на созвучіи Греческихъ словъ. Βοιωτοὶ и βοων ὦτα, созвучія несуществующемъ въ языкѣ Русскомъ, и переводчикъ долженъ былъ прибавить ꙗко (какъ бы) и нѣсколько пояснительныхъ словъ. Такимъ же образомъ выраженіе Іоанна Богослова: θάρσος καὶ θράσος κἂν τοῖς νόμασι πλησιαζει, πλεῖστον ἀλλήλων τῇ δυνάμει κεχώρισται.... переводчикъ Пчелы передалъ такъ: Храборъство и суровъство аще и сусѣдьство между себе имѣютъ, на разнствуета вельми..... Очевидно что θάρσος и θράσος гораздо болѣе имѣютъ звуковаго «сосѣдства» нежели храборъство и суровъство; но поостережемся обвинять нашихъ древнихъ переводчиковъ, припомнивъ какъ и въ наше время переводится съ иностранныхъ языковъ такъ называемая *игра словъ*, встрѣчающаяся у многихъ писателей отъ Плавта до Шекспира. Всѣ почти иностранныя имена переданы вѣрно за исключеніемъ нѣкоторыхъ, измѣнившихся по требованіямъ Русской фонетики: вмѣсто *Эпихармъ*, *Ликургъ*, *Энопидъ* встрѣчается *Эпихарамъ*, *Кулоугръ*, *Оуновиды* и т. д.

[11]) Ср. *Сахарова*: О Словѣ Даніила Заточника. Москвитянинъ. 1843 № 9. стр. 149—155. Онъ раздѣляетъ списки Пчелы на 3 разряда и между прочимъ говоритъ: «Когда появилась книга Пчела—неизвѣстно. Мы имѣемъ два разные перевода: первый, неизвѣстнаго времени, встрѣчается въ спискахъ мнѣ извѣстныхъ конца XV в.; другой былъ сдѣланъ въ 1599 г. монахами Антоніемъ и Максимомъ». Не знаемъ,

откуда заимствовалъ г. Сахаровъ это послѣднее извѣстіе; но по всей вѣроятности подъ именами Авт. и Макс. надобно понимать здѣсь не переводчиковъ XVI в., а самихъ авторовъ — св. Максима и Антонія Мелиссу.

[12]) О книгѣ, бывшей прежде въ такомъ почетѣ стали уже отзываться подобнымъ образомъ: «Хороша для васъ книга о Бовѣ Королевичѣ, въ которой повѣствуются древнія оныя о исполинѣ преславномъ Полканѣ и Милитрисѣ исторія; еще же *книга Пчела*, не знаю по истинѣ, которымъ авторомъ изданная, безъ всякаго погрѣшенія, яко благочестія твоего наставница, апробаціи достойна, изъ которой ты многіе доводы въ публичныхъ диспутаціяхъ на свадьбахъ у мужиковъ деревенскихъ и у братины по праздникамъ со учеными оными дьячками и.... клиромъ привести можешь». Обращеніе къ Зоилу изъ рпси прошлаго столѣтія *Анѳропоскопія*, переводъ съ Латинск. Ив. Сѣчихина. Москвитянинъ. 1853. № 7. Г. Погодинъ полагаетъ, что Сѣчихинъ есть псевдонимъ Тредьяковскаго, издѣвающагося надъ Ломоносовымъ.

[13]) Въ рукописномъ посланіи *пръвъе*, къ Соф. Врем. *первым* и отдѣлено отъ *философъ* двоеточіемъ; но можно *первым* относить и къ предъидущему, т. е, *Димокритъ философъ первым*.

[14]) Fabricii Bibliotheca Graeca. T. IX. стр, 720—732.

[15]) Такъ въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1288 годомъ сказано: «Князь Володимиръ глаголаше ясно отъ книгъ, зане *философъ* великъ, и ловецъ хитръ, хороборъ, кротокъ», а въ Кіевской лѣтописи подъ 1188 годомъ: «По духу Рюрику прозябаніе бысть.... воздержанія яко нѣкое основаніе полагаше, по Іосифу же цѣломудріе и Моисееву добродѣтель, Давыдову кротость и Костянтине правовѣріе, и прочія добродѣтели прикладая въ соблюденіе заповѣди Владычни, и тако *философствоваше*, молясь по вся дни тако сохранену быти, имѣя же къ нимъ милость отъ великихъ даже и до малыхъ» и т. п.

[16]) Въ Пчелахъ приводятся имена и мнѣнія: Аристотеля, Аристида, Антифана, Віаса, Димокрита, Діогена, Дидима, Димосѳена, Діодора, Діона Римскаго, Епиктета, Еврипида, Клеострата, Ксенофонта, Климента, Лакона, Леонида Спартанскаго, Левкиппа, Менандра, Платона, Плутарха, Пиѳагора, Прокопія Ритора, Сократа, Софокла, Фаворина, Филона, Ѳеодорита, Ѳеопомпа и др.

X.

ЗАМѢЧАНІЯ

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ СЛОВООБРАЗОВАНІЯ И ЗНАЧЕНІЯ СЛОВЪ

ВЪ ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

П. А. Лавровскаго.

Словообразованіе древняго нашего языка должно занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ общемъ его изслѣдованіи, какъ по богатству и выразительности этого языка, такъ и по тому близкому родству съ народами соплеменными, которое столь рѣзко высказывается въ словесныхъ произведеніяхъ древности. Словообразованіе скорѣе всего покажетъ и общность словъ коренныхъ, слѣдовательно общность первоначальнаго богатства понятій, и одинаковость пріемовъ, при дальнѣйшемъ развитіи этихъ понятій, для выраженія ихъ въ словѣ, слѣдовательно тѣсное родство духовныхъ силъ, одинаковость ихъ настроенія и направленія Важность этого отдѣла изслѣдованій не ускользнула отъ вниманія ученыхъ, дѣятельно и заботливо принявшихся за обработку языка роднаго, хотя и нельзя не сознаться, что, сравнительно съ другими, онъ менѣе заключаетъ полноты и

отчетливости въ изслѣдованіяхъ. Что замѣчено мною въ этомъ отношеніи при чтеніи отечественныхъ лѣтописей древняго періода, предлагаю въ видѣ матеріала для будущихъ занятій по этой части.

Вникая въ образованіе словъ въ древнее время, нельзя не замѣтить того общаго явленія, что значеніе первоначальнаго корня въ нихъ гораздо виднѣе, чѣмъ въ его позднѣйшихъ измѣненіяхъ. Для примѣра беру нѣсколько словъ. Наша *перчатка* (= *перщатка*), при всей правильности перехода звуковъ, согласно съ фонетикой языка Русскаго, въ коренномъ значеніи своемъ можетъ быть понятна только филологу; для не-филолога это слово осталось техническимъ выраженіемъ, потерявшимъ вполнѣ первобытную изобразительность, сохранившуюся въ цѣлости въ старинномъ словѣ *перстатица*, указывающемъ прямо на корень *перстъ*. Существительное *зобница* въ современномъ областномъ говорѣ (зобня, зобенька) означаетъ вообще корзину, безъ всякаго намека на первоначальное значеніе корня. Въ памятникахъ древнихъ это значеніе еще удерживалось: подъ зобницей разумѣли обыкновенно мѣру для *зерноваго* хлѣба, преимущественно *овса*, потому что корень *зобъ*, оставшійся, какъ самостоятельное слово, въ нарѣчіи Сербскомъ, означало и означаетъ *овесъ*. Отсюда произошелъ глаголъ *зобати*, относимый Сербами по преимуществу къ корму лошадей *овсомъ* (—јесу ли коне зоб позобали—) и означавшій въ древне-Русскомъ языкѣ питаніе *зерномъ* птицъ и лошадей, въ нынѣшнемъ же областномъ говорѣ вообще ѣду чего-либо мелкаго, разсыпающагося, какъ ягодъ или гороха; отсюда же и *птичій зобъ*, въ которомъ собираются и остаются на нѣкоторое время проглоченныя зерна, и областное *зобня*—небольшая корзинка, наполняемая *овсомъ* для приманки лошадей.

Вообще, въ областныхъ выраженіяхъ держится гораздо крѣпче понятіе древнее, образное. Слово *сусальный* употребляется какъ эпитетъ золота въ листкахъ и, по формѣ своей, должно происходить отъ глагола *сусать*, какъ молчальный отъ молчать, игральный отъ играть, пристальный отъ пристать и т. под. Этого кореннаго глагола въ отечественномъ языкѣ нѣтъ, за то находимъ мы его въ нарѣчіи Чешскомъ, въ которомъ онъ является, согласно съ фонетическими законами этого нарѣчія, въ видѣ suseti, что значитъ производить шелестъ, отъ того же корня есть и прилагательное susliwý, вполнѣ равное нашему *сусальный* и по образованію (окончаніе *альный* равно и въ нашемъ языкѣ окончанію *ливый*: древнее молчальный, современное молчаливый), и по употребленію: какъ сусальный относится къ тонкимъ листикамъ золота, отъ малѣйшаго дуновенія производящимъ шелестъ, такъ и Чешск. susliwý только и относится къ колеблющимся листьямъ (деревьевъ). Народъ, произнося это слово теперь, уже не соединяетъ съ нимъ той идеи, по которой образовалось оно; но не забывъ свойства самаго предмета и желая выразить его въ словѣ болѣе для него понятномъ, онъ употребилъ другой терминъ, назвалъ листовое золото *шумихой*, какъ называетъ онъ шумихой болотную траву осоку, листья которой при самомъ слабомъ вѣтеркѣ производятъ довольно явственный шумъ. Въ словѣ *понявица*, длинная и широкая одежда, оставшемся въ областномъ говорѣ въ формѣ *понява*, корень *пон*(=пьн=пѧ-ти, растягивать) также былъ сознательнѣе, чѣмъ въ составленныхъ изъ него при помощи предлоговъ *попона*, *запона* и т. п. Отсюда Ц.-Сл. *опона* употреблялось въ значеніи завѣсы (καταπέτασμα), Ср. Рус. *опоньникъ* въ смыслѣ дѣлателя опонъ, драпировщика. Прилагательное *тезоименитъ* и суще-

ствительное отъ него *тезоименитство*, употребляющіяся въ наше время для обозначенія дня ангела особъ царствующаго дома, вошли также въ разрядъ тѣхъ словъ оффиціальныхъ, съ которыми давно уже перестали мы соединять идею, заключающуюся въ составныхъ частяхъ ихъ, и тѣмъ скорѣе должно было произойти такое забвеніе, чѣмъ тѣснѣе сталъ кругъ употребленія этихъ словъ, отнимавшій болѣе и болѣе возможность выводить истинное значеніе ихъ изъ сравненія съ другими случаями употребленія. Въ языкѣ древнемъ не видимъ еще этой обособленности, а потому и значеніе существ. *тезоименитство* было гораздо ближе къ кореннымъ словамъ и сознательнѣе для народа. Въ древности оно употреблялось для всѣхъ лицъ и всегда съ поименованіемъ того лица, съ которымъ сравнивалось *тождеименное*. Правда, что слово это едва ли туземное; всего вѣроятнѣе, оно перешло къ намъ отъ Южныхъ Славянъ вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и книгъ богослужебныхъ. Это доказывается, съ одной стороны, отсутствіемъ существ. *тезоименитство* въ народѣ, въ его словарѣ обыденномъ и употребленіемъ лишь въ дѣлахъ Церкви, съ другой, давнею необходимостію толкованія этого слова, слѣдов. незнаніемъ настоящаго его значенія уже въ старину, и самою формою *тезъ*. Такъ, еще въ объясненіи неразумительныхъ словъ Славянскихъ, Сербскихъ, Болгарскихъ и Греческихъ, между другими, находится и мѣстоименіе *тезъ*, переведенное на Русскій словомъ *одинъ* (см. Іоан. экз. Болг. Калайд. стр. 196). Что же касается до формы образованія, то, не видя объясненія ея въ языкѣ отечественномъ, легко находимъ у Славянъ южныхъ. До сихъ поръ еще въ обыкновеніи Сербовъ приставлять къ окончаніямъ косвенныхъ падежей мѣстоименій, а иногда и прилагательныхъ, слогъ *зи*: *њојзи*, *овизи*, *наши-*

зи, *другойзи*, *трећойзи*; такъ и въ мѣстоименіи *тоть*, въ родит. падежѣ, *тизи* или, по нарѣчію Дубровчанскому, *тези*, вмѣсто *тега*=*тога* (см. Српск. народ. пословице Караdж. 1849. Предговор. стр. XXXIII). Отсюда, подобно мѣстоименіямъ: *еговъ*, *ихній*, *еинъ* отъ *и*, явилось *тезъ* отъ *тъ* и сложное *тезоименитъ* въ значеніи тождеименный. При всемъ томъ, допуская чуждое происхожденіе существ. *тезоименитство*, трудно утверждать положительно, будто корень его *тезъ* былъ неизвѣстенъ Славянамъ Русскимъ; покрайней мѣрѣ народныя слова *тезъ*, *теза*, *тезка* (= тёска) этому противорѣчатъ.

Словообразованіе также обнаруживаетъ огромное лексическое богатство древняго нашего языка, выражающагося въ обиліи словъ синонимическихъ, указывающихъ, въ свою очередь, этимъ обиліемъ на разностороннее развитіе народа Русскаго уже въ глубокой древности. Такъ, для обозначенія лодокъ, въ которыхъ постоянно имѣлъ онъ нужду при обиліи рѣкъ въ своей землѣ, издревле существовало у него множество различныхъ названій, соотвѣтствующихъ разнообразному ихъ устройству: *буса*, *галея*, *груна*, *каторга*, *лодь*, *лойва*, *насадъ*, *шкупа*, *шнека*, *учанъ*. Конечно не всѣ эти слова туземнаго происхожденія, все же онѣ древностію своего употребленія на Руси останутся самымъ убѣдительнымъ и достовѣрнымъ свидѣтелемъ судоходства народнаго съ давнихъ поръ и въ большомъ размѣрѣ. При богатствѣ въ словахъ нельзя не отличить и отчетливости въ употребленіи ихъ, чему подобное не всегда встрѣчаемъ и въ современномъ языкѣ. Мѣсто, назначенное для сна, носитъ у насъ одно названіе *спальни*, безъ всякаго различія въ ея устройствѣ; наши предки, напротивъ, зная слово *спальня*, какъ выраженіе общаго понятія мѣста сна,

употребляли вмѣстѣ съ тѣмъ, *одрина* и *полстница*, обозначая первымъ самое ложе, кровать, послѣднимъ родъ постели— полсть. Древній языкъ представлялъ гораздо болѣе и полноты жизни, не допуская еще того окаменѣнія словъ, какое развилось въ позднѣйшую пору. Существительныя: *торопъ, бѣгъ, проводъ, укоръ,* употребляемыя въ настоящее время или въ видѣ нарѣчія, или въ одномъ какомъ либо числѣ или падежѣ (*въ торопяхъ, не въ укоръ, торопомъ, проводы*—поминки въ Малорос.), ни мало не отличались прежде отъ другихъ одноразрядныхъ словъ, пользуясь всѣми возможными измѣненіями.

Предлагая краткій очеркъ образованія словъ древнихъ, я постараюсь указать преимущественно на такія особенности, которыя болѣе или менѣе перестали жить въ современномъ языкѣ.

Въ именахъ существительныхъ въ большой силѣ развиты были формы краткія, образованныя часто непосредственно отъ корня, съ приставкою только родовыхъ признаковъ; такъ: *варвъ* (вароватн=вару-ти), *багръ, въстань, врьста, гваръ, гридь, зыкъ, изврагъ, кадь, кликъ, крѣпъ, опасъ, повой, породъ, поругъ, пострѣгъ, поява, просъ, рожай, рѣзъ, утечь, ярь.* Между окончаніями замѣчательны: 1) *ба*: *алчьба, волшба, гостьба, знатьба, чьстьба, тальба, цѣльба.* 2) *вь*: *дороѓвь,* слово, своимъ окончаніемъ *ѓвь* указывающее на древнюю форму *дороѓы,* подобно существительнымъ црькъвь — црькы, смокъвь — смокы и т. д. 3) *га* въ словахъ *алачуга* и *лачуга.* 4) *ще*: *днище, дворище, побѣдище, требище.* Окончаніе *ще* въ языкѣ древнемъ рѣшительно не обнаруживаетъ того значенія, какое мы привыкли соединять съ нимъ въ наше время и которымъ, по нашимъ грамматикамъ, образуются существительныя увеличительныя; въ древности оно имѣло свой опредѣленный смыслъ, выражая остатки того, что

заключается въ понятіи коренномъ. Такимъ образомъ, *городище* означаетъ то мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ городъ, *пепелище* —остатки испепеленнаго зданія; въ такомъ смыслѣ употреблялись нѣкогда и приведенныя слова выше, кромѣ *днище*, служившаго для измѣренія пространства временемъ, днемъ. 5) Окончаніе *ье* (=ик) было любимымъ для образованія сущ. собирательныхъ: *безпортье*, *болонье*, *братучадье*, *всполье*, *дождевье*, *могилье*, *подцерковье*, *поранье*, *посолье*, *уденье*. 6) Окончаніе *анинъ* для именъ существительныхъ личныхъ: *полчанинъ* (служащій въ полку), *уличанинъ* (пробывающій на улицѣ), *бережанинъ* (живущій на берегу). 7) *ина* и *еніе* (=енік): *осенина*, *днина*, *межина*, *ловина*, *одрина*, *рилина*, *селина*, *смолина*, *судина*; *брачение*, *гремьніе*, *звонение*, *вопленіе*, *пиреніе*, *приступленіе*, *рощеніе*, *страхованіе*. Во всѣхъ приведенныхъ словахъ оба окончанія, по видимому, не придаютъ никакого особеннаго оттѣнка понятію главному, по крайней мѣрѣ, трудно и едвали возможно опредѣлить его, ежели онъ и заключался въ нихъ. Мы въ настоящее время употребляемъ съ такою же точностью и простыя слова, не удлиненныя окончаніями *ина* и *еніе*: осень, день, межа, вопль, звонъ и т. д.; употребляли ихъ и наши предки, на равнѣ съ *осенина*, *вопленіе* и т. п. Во всякомъ случаѣ, древнее окончаніе *ина* нисколько не соотвѣтствуетъ современному, будучи приставляемо къ коренному слову безъ малѣйшаго намека на увеличеніе предмета, какъ это дѣлается нами (ручина, домина и др.). 8) Замѣчательно образованіе существительныхъ отъ глаголовъ посредствомъ окончанія *тіе* вмѣсто современнаго *ніе*: *дрьзнутіе*, *пьтіе*, *отпьтіе*, *потягнутіе*. 9) *ць*: *жівець*, *вьсець*, *простець*, *небывалець*, *приходець*, *пьшець*, *тылець*. Кромѣ окончанія *тіе*, замѣнявшаго иногда въ древности

наше *nie*, можно представить нѣсколько и другихъ окончаній, по большей части замѣненныхъ въ языкѣ современномъ новыми. Къ числу такихъ должно отнести: 1) *ня*, въ словахъ *кипятня*, *мятня*, *замятня*, *сторожня*, *хлѣбня*; 2) *никъ*: *островникъ*, *кормникъ*, *ловникъ*, *отместникъ*, *грабежникъ*, *побѣдникъ*; 3) *ица: понявица*, *колокольница*, *полстница*, *королица; 4*) *ье*: *нелюбье*, *отместье*, *посолье*, *покоренье* (покорность). Съ иными окончаніями употребляются теперь и слѣд. древнія слова: *кричь, нелюбко*, *приключай*, *тягота*, *храборство*, *драгость*, *посвистѣль*. Пересматривая различныя окончанія именъ существительныхъ въ древнемъ языкѣ, нельзя оставить безъ вниманія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и формы родовъ, иногда вовсе потерянной въ говорѣ Русскаго народа, между тѣмъ довольно замѣчательной по краткости. Такъ, отъ *инокъ*, вмѣсто позднѣйшей формы *инокиня*, употреблялся жен. родъ *инока*; такимъ же образомъ отъ муж. *волхвъ*— жен. *волхва*. Встрѣчаются слова, которыя, вмѣстѣ съ другимъ окончаніемъ сравнительно съ позднѣйшимъ временемъ, употреблялись и въ другомъ родѣ. Къ нимъ относятся: *облокъ* вм. *облоко*, *раздора* вм. *раздоръ*, *ѣздъ* вм. *ѣзда*, *проступка*, *норова*; сюда же принадлежитъ и *лжа* вм. *ложь*, хотя родъ при обоихъ окончаніяхъ одинъ и тотъ же.

Въ образованіи существительныхъ отъ прилагательныхъ и глаголовъ древній языкъ пользовался большею свободою, чѣмъ современный. Отсюда, часто встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ существительныя, давно погибшія въ нашемъ языкѣ; между тѣмъ прилагательныя и глаголы, одного и того же корня съ древнимъ существительнымъ, живутъ и до сихъ поръ, какъ: *вѣсецъ*, *ливецъ*, *мутникъ*, *находникъ*, *небывалецъ*, *невѣрникъ*, *несовѣтство*, *нятва*, *нятство*, *нятье*,

перечина, *пекельница*, *престатье*, *приходецъ*, *росписникъ*, *статье*, *студень*, *твердь*, *жестникъ*.

Образованіе существительныхъ посредствомъ сложенія представляетъ также нѣсколько особенностей, какъ относительно частей приставныхъ, такъ и относительно формы слова главнаго понятія. Между приставными, второстепенными частями встрѣчаются почти всѣ части рѣчи. Укажу на болѣе рѣзкіе случаи.

1. Сложеніе существительнаго съ существительнымъ, причемъ связующимъ звукомъ является *о*: *часозвоня*, *крестопреступникъ*, *кровопроливецъ*.

2. Въ сложеніи существительнаго съ мѣстоименіемъ особенно останавливаетъ вниманіе выраженіе: *онъполовичь*, находящійся по ту сторону рѣки, употреблявшееся какъ въ единств., такъ и во множеств. числахъ. Такъ жители Софійской стороны въ Новгородѣ называли своихъ согражданъ, обитавшихъ по другую отъ нихъ сторону рѣки Волхова.

3. Распространено было сложеніе существительныхъ съ отрицаніемъ *не*, какъ въ словахъ: *неможеніе*, *несила*, *несовѣтство*, *непословица* и др.

4. Но болѣе всего были въ употребленіи существительныя, сложныя съ предлогами; въ этомъ отношеніи представляется и гораздо болѣе особенностей, сравнительно съ нашимъ временемъ. Въ древности, часто были въ ходу предлоги, нами или почти забытые, или вовсе не употребительные при сложеніи съ словами существительными. Изъ нихъ нѣкоторые, какъ остатки древности, существуютъ еще въ говорѣ простаго народа. Къ числу такихъ должно отнести: *роз*, *су*, *у* и особенно *па*: *розмирье*, *розратье*, *супоръ*, *суймъ*, *сумежье*, *уденье*, *урѣчище*, *павѣдщикъ*, *падорога*, *паозерье*, *паобѣдъ*,

паволокъ. Нѣкоторые изъ предлоговъ, употребительныхъ и въ наше время, при сложеніи съ существительными древними, придавали послѣднимъ особый оттѣнокъ въ значеніи, выражаемый нами въ этихъ случаяхъ уже другими предлогами. Такъ, вмѣсто современнаго *о*, въ языкѣ древнихъ лѣтописей читаемъ *за* и *из*: *заборона*, *захабень*, *искупъ*, вмѣсто *съ* — *по: повиданіе*, вмѣсто *у* — *о* и *при: оправа*, *причастіе*.

Пользуясь, однако, полною свободой словосложенія, древній языкъ былъ еще далекъ отъ того забвенія простыхъ словъ, которое установилось въ современномъ языкѣ. Многія изъ существительныхъ именъ нами употребляются только въ сложномъ видѣ, тогда какъ простыя давно вышли изъ памяти народной. Къ числу подобныхъ принадлежатъ, между прочими: *лука*, *даніе*, *врагъ* (= оврагъ), *мутникъ*, *мятня*, *тылецъ*, *рожай*. Быть можетъ, многія изъ этихъ и подобныхъ существительныхъ живутъ и до сихъ поръ въ разнообразныхъ говорахъ народныхъ, но изъ приведенныхъ мною, кромѣ *лука*, нѣтъ ни одного въ Опытѣ Областнаго Великор. Словаря.

Говоря объ особенностяхъ словообразованія древняго языка, сколько даютъ для того матеріаловъ разсмотрѣнныя мною лѣтописи, считаю не лишнимъ указать и на слова, жившія въ устахъ нашихъ предковъ и совершенно погибшія въ современномъ литературномъ языкѣ: однѣ изъ нихъ слышатся еще и теперь въ говорахъ простонародныхъ; другія, забытыя и въ послѣднихъ, продолжаютъ употребляться въ соплеменныхъ нарѣчіяхъ, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о большемъ родствѣ ихъ съ языкомъ Русскимъ въ древнюю пору; наконецъ, между словами древними попадаются и такія, которыя со всею точностію могутъ замѣнить слова чужеземныя, вошедшія въ позднѣйшее время въ языкъ нашъ и изгнавшія слова родныя, древ-

нія. Къ числу погибшихъ словъ относятся: *гостебникъ*, *гранечникъ*, *забежничье*, *забральникъ*, *зажитіе*, *зажитникъ*, *заказникъ*, *замятня*, *залазюкя*, *засадной* (=засадной), *земецъ*, *истора*, *кораблениикъ*, *коробейщина*, *кринье*, *кротополье*, *круча*, *леха*, *локотница*, *людотво*, *мержа*, *милостникъ*, *мовь*, *мовница*, *молодожникъ*, *мотва*, *отешикъ*, *паворуза*, *позобенье*, *рагоза*, *рожанецъ*, *ропата*, *серень*, *смолва*. Изъ словъ, удержавшихся въ народѣ, отмѣтить можно: *вехоть*, *жировать*, *заворъ*, *копанница*, *коромица*, *куколь*, *поганъ*, *понява*, *пополокъ*, *снасть*, *торопъ*, *узорочье*. Для словъ, принадлежавшихъ нѣкогда языку Русскому, но забытыхъ въ немъ и оставшихся у другихъ соплеменныхъ народовъ, можно привести слѣд. примѣры: *годъ* МР. *годи*, Хорут. godi; *злыдень*, въ лѣтописяхъ обыкновеннѣе *денье злы*, Пол. złydzień. Въ нашихъ пословицахъ, гдѣ старина удерживается вообще гораздо крѣпче, слово это слышится и до сихъ поръ; такъ: *злыдни скачутъ*, *неволя учитъ*, *а чужіе хлѣбы спать не даютъ*, или: *на всякое ремесло по злыднямъ*, *пріѣхали злыдни на три дни*, *а прожили цѣлый вѣкъ*. Въ Рус. сказкахъ подъ этимъ именемъ разумѣются недобрые хозяева домовъ (Пословицы, собран. Снегирев. стр. 143); въ такомъ же почти смыслѣ употреблены въ народныхъ пѣсняхъ и слова: *злыдарь*, *злыдарка* (Бытъ Рус. народа, Терещенка. II. стр. 320, 358). *Кметъ* и производное отъ него *кметство*, Пол. kmieć, kmiectwo, Чеш. kmet, kmetstwo, Серб. *кмет*, *кмество*, Хорут. kmet, kmetijstwo; *комонь*, *комонство*, Пол. komonny, komonnik, Чеш. komon, komonstwo; *кошуля*, Пол. koszula, Чеш. košile, Серб. *кошуља*; *кутъ*, Пол. kąt, Чеш. kout, Серб. *кут*, Хорут. kot; *лупленіе*, въ значеніи грабежа, Пол. łupež, Серб. *лупеж* (fur),

лупештина (furtum); *обрубъ*, въ значеніи округа, Пол. obrąb, Чеш. obruba, Серб. *обруб*; *туга*, Пол. tęga, Чеш. tuha, Серб. *туга*, Хорут. togota; *вабить*, Пол. wabić, Чеш. wabiti, Серб. *вабити*; *сполу* (=посполу), Пол. społu, pospołu, Чеш. spol, spolem, spolu, Хорут., въ словахъ сложныхъ, spolglasnik, spolkupic; *посягъ*, Пол. posag; *потять* (—тять=ст. Слав. тати), Пол. (po)ciąć, Чеш. titi (=древ. teti); *прилбица*, Пол. przyłbica, Чеш. přilbice; *простить*, *прощать*, въ смыслѣ избавить, исцѣлить, отсюда *прощеніе*=исцѣленіе, Пол. prostować, Чеш. (wy)prostiti (wyprosťny z osidl krutych Tatar. Краледв. ркп. Ярославъ, стих. 227), wyprostitel (wite wjence z polskych kwjetow swemu wyprostitelju, ibid. Бенеш. Герм. стих. 27); *прирокъ*, Пол. przyrok, Чеш. přirok; *вадить* (сложн. свадить, сваженіе), Пол. wadzić, zwadzić, Чеш. waditi, swaditi, Хорут. waditi, Серб. *вадити*; *скарбъ*, Пол. skarb, Чеш. skarba, Хорут. skerb; *скора*, Пол. skóra; *слукій*, отъ корня *лѧк*, откуда лѧкъ, лукъ, Хорут. slok (macer); *тинать*, Пол. cinać, Чеш. tinati; *тутенъ*, Пол. tęten, Серб. *тутањ*; *уй*, Пол. uj (=wuj), Чеш. uj, Серб. *уй(ак)*; *(у)хопить*, Пол. uchopić, Чеш. uchopiti; *удатный*, Пол. udatny, Чеш. udatný; *шкота*, Пол. szkoda, Чеш. škoda, Серб. *шкода*; *спа*, отъ древняго глагола *су-ти*=сыпать, съ сложными *носпа*, *приспа*, Пол. wyspa, przyspa, Чеш. wyspa.... Можно бы удвоить и утроить списокъ общихъ словъ, но для образца довольно и приведенныхъ.

Наконецъ мы упомянули и о такихъ словахъ древнихъ, которыя, безъ особенной надобности, замѣнены въ современномъ языкѣ словами чужеземными. Такъ, напримѣръ, вмѣсто *кавалеристъ* постоянно употреблялось у насъ въ томъ же

точно смыслѣ свое слово *коневникъ* или *коньникъ*, вмѣсто *фуражиръ—возникъ*, вмѣсто *кухня—поварня* и др. Конечно, языкъ не можетъ обойтись безъ подобнаго вліянія, но желательно было бы, чтобы это вліяніе обнаруживалось только въ такихъ словахъ, съ которыми приносятся въ наше отечество и новыя понятія, а не простиралось на понятія, знакомыя нерѣдко намъ исконн и обозначенныя родными словами.

Въ именахъ прилагательныхъ видимъ ту же краткость формы, какъ и въ образованіи именъ существительныхъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь нѣкоторыя представляются составленными непосредственно отъ корня съ приставкою признаковъ прилагат. именъ, опредѣленныхъ или неопредѣленныхъ. Такъ: *буй*, *винъ* (=*винный*), *войскъ* (*воискый*), *дѣвъ* (*дѣвый*), *лишь* (откуда наше лишній), *ложь* (*лъжій*), *отъ* (*отій*, отъ древнѣйшей формы *отъ* = *отецъ*, попадающейся въ Чешской пѣснѣ о Судѣ Любуши: wsjak ot swej cěledi wojewodi), *рать* (*ратій*), *сваръ* и др. Сюда же должно отнести и имена прилагательныя, слившіяся въ современномъ языкѣ неразрывно съ окончаніемъ *кій*: *близкій*, *дерзкій*, *кроткій*, *крѣпкій* и т. п. Вотъ примѣры изъ словъ Григорія Назіанз.: аште кси старъ и нѫждьнааго завѣта *близъ* (л. 110, а), Бā и божьствьнымъ *близъ* (л. 243, г); къто такъ *дрьзъ* дшеѭ (203, а); старѣишиви и *дрьзии*: также и въ степени сравнительной: иже оубо *дрьзъиши* насъ (180, а), ничьто же тако готово на расколъ, ꙗкоже кже о томъ разгласик, небонъ кже о иномъ *кротъи*. о семь топлѣи. и *кротъ* и по истиньнѣ бѫдеть ратьникъ (242, б—в); отъ *кротъишь* и отъ дивьнѣишь наставлꙗти начьнеть и кротити (189, б); боуии и *крѣпъ* и онъ багърѧницеѭ красимъ (267, а), ничьтоже бо тако *крѣпо* (242, б), аще бо кже кдинок въ сихъ *крѣпък*

неть рещи, се подасть къто (227, г), *крњпо* *сѣкъся боуктисѧ поб дж. изгоуби* (267, б; срв. 260, б). Таковаго же образованія и прилагательныя: *грязкій*, *бойкій*, *зоркій*, *гибкій* и мн. др.

Изъ приставныхъ окончаній замѣчательны: *ливъ*: *разсмотрѣливъ*, *гнѣвливъ*; *ивъ*: *вазнивъ*, *непокоривъ*; *альный*: *воздвизальный*, *молчальный*; *итъ*: *ворожбитъ*, *знакомитъ*; *истъ*: *взбристъ*; *атый*, *оватый*: *хвостатый*, *трудоватый*; *авый*: *буявый*. Нѣкоторыя прилагательныя употреблялись съ другимъ окончаніемъ въ древности, сравнительно съ нашимъ употребленіемъ ихъ при томъ же значеніи, какъ *годищный* вм. *годовой*, *дождовный* вм. *дождевой*, *отній* вм. *отеческій*, *падный* вм. *падучій*, *путный* вм. *путевой*. Въ образованіи сложныхъ прилагательныхъ останавливаетъ вниманіе взаимная замѣна двухъ предлоговъ — *при* и *у* въ словахъ: *присердно* наше *усердно* и *увѣтливый* наше *привѣтливый*.

Какъ въ именахъ существительныхъ, такъ и здѣсь встрѣчаются иногда простыя прилагательныя, являющіяся въ современномъ языкѣ не иначе, какъ въ сложеніи съ предлогами или нарѣчіями, напр: *кромный* вм. *сукромный*, *лѣпъ*, у насъ съ отрицаніемъ *нелѣпъ*, *получно*, у насъ сложное *благополучно*, *путный* наше *попутный*. Попадаются, хоть, правда, и не въ большомъ количествѣ, прилагательныя, вовсе забытыя въ наше время: такъ *корабленый*, *кропиный*, *мовный*, *изможеный* (=немощный), или оставшіяся только въ простомъ народѣ: *опасный*, *точный* или сравнит. степень нарѣчія — *пущи* (крѣпче).

Въ образованіи глаголовъ замѣтна въ древности особенная свобода и легкость, съ какою составлялись они изъ именъ существительныхъ; изъ нихъ очень многіе вовсе потеряны въ

языкѣ современномъ, другіе принадлежатъ только языку простонародному, который, въ свою очередь, отличается не меньшею свободою словосоставленія. Такъ, въ слѣд. четырехъ строкахъ изъ пѣсенъ народныхъ: «не вѣкъ намъ *дѣвовати* и волюшку распѣвати», или «мнѣ вить у васъ не годъ *годова́ть*, не недѣлю *недѣливать*, мнѣ ни съ батюшкой думушку *думовать*» встрѣчаемъ три глагола, образованныхъ отъ существительныхъ: *дѣва, недѣля, дума* и оставленныхъ языкомъ литературнымъ. Такъ и въ древнемъ языкѣ были во всеобщемъ употребленіи слова: *блескать, архимандрѣтить, выпритчовать, изременать, воззвѣрить, лѣтовать, иночествовать, ополониться, паствить, соромотить, увѣчить, ущербнуться, червить, чюжать* отъ существительныхъ: *бле́скъ, архимандритъ, ремень, звѣрь, лѣто, инокъ, полонъ, соромъ, паства, вѣче, ущербъ, червь, чудо.* И въ именахъ прилагательныхъ находимъ болѣе свободы, и отъ нихъ также легко могли составляться глаголы, равнымъ образомъ забытые нами, какъ: *располиться, усирить, убожить, удолжить, уборзить,* отъ *полый, сирый, убогій, долгій, борзый.* — Древній языкъ столь же свободно располагался и видами глаголовъ, не прибѣгая при этомъ къ предлогамъ, какъ то нерѣдко дѣлается у насъ. Такъ, неопредѣленнократный видъ отъ *пригонять* и *равняться* въ языкѣ лѣтописномъ: *пригонить* и *равниться*; тоже замѣчаемъ и во множествѣ другихъ случаевъ. Не менѣе легокъ былъ переходъ глаголовъ изъ одного залога въ другой, при чемъ нѣкоторые могли употребляться безъ приставки возвратнаго мѣстоименія, другіе, напротивъ, требовали его, когда въ современномъ языкѣ первые только и употребляются съ мѣстоименіемъ возвратнымъ, послѣдніе же всегда безъ него. Для примѣра можно представить глаголы:

улюбить (быть любимымъ), *жалить*, *убоять*, *каить*, *пасться*, *послаться*, *вымолиться*. Иногда одинъ и тотъ же глаголъ употребляется и въ среднемъ и въ дѣйствительномъ значеніи; таковы, напр. *стати*, *внести*.

Сложеніе глаголовъ съ предлогами представляетъ тоже нѣсколько особенностей, относящихся впрочемъ болѣе къ предлогамъ, чѣмъ къ самымъ глаголамъ. Нѣкоторые изъ предлоговъ у насъ получили другое значеніе, другіе и совсѣмъ вышли изъ употребленія, покрайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, въ какихъ попадаются они въ древнихъ памятникахъ. Здѣсь можно упомянуть о предлогахъ: *о*—*огрозиться*, *окротить*, *омеркнуть*, замѣненномъ въ нашемъ языкѣ двумя предлогами *по* и *у*; *за* вмѣсто нашего *по* въ глаголѣ *заразить; из* вм. *раз*—*издвоиться; при* вм. *съ*—*прилучиться; у* вм. *по*, *раз*, *на*—*улучить*, *умириться*, *упространиться*, *уразить*, *уставить*, *учать*. Предлогъ *вз*, соотвѣтствующій Сербскому *уз*, является также въ сложеніи съ глаголами: *вздынуть*, *взгнести*, *взвести* и др

Какъ между существительными и прилагательными, такъ и между глаголами встрѣчаемъ употребленіе такихъ простыхъ, которые нами употребляются не иначе, какъ въ сложности съ предлогами: *витить*, *единиться*, *лучиться*, *блазниться*, *путствовать*, *равниться*, *роботить*, *стрѣлить*, *твориться* и др.

Въ образованіи остальныхъ частей рѣчи, какъ на особенность, можно указать на предлогъ *до*, очень распространенный въ древности въ сложеніи съ нарѣчіемъ *довдѣ*, *дополна*, и на нарѣчіе *воину* (=ст. Слав. вьинѫ), оправдывающее своимъ правописаніемъ Русскимъ мнѣніе Востокова о про-

исхожденіи его изъ предлога *въ* и мѣстоимѣнія *имъ* (—во иму годину).

—

Жизнь слова не ограничивается однимъ измѣненіемъ его формы, постояннымъ наращеніемъ или сокращеніемъ внѣшняго его вида; она выражается и въ самомъ его значеніи, въ различіи идеи, какую соединяли съ нимъ нѣкогда и какую соединяютъ теперь. Удаленность отъ первоначальнаго значенія слова не рѣдко бываетъ такъ велика, что въ современномъ употребленіи его невозможно замѣтить иногда и тѣни понятія кореннаго, и тѣмъ скорѣе увеличивается эта удаленность, чѣмъ болѣе силъ жизни въ народѣ, чѣмъ болѣе переворотовъ испытываетъ онъ въ ней. Каждая новость, какъ въ мірѣ вещественномъ, такъ и духовномъ, требуетъ соотвѣтствующаго ей выраженія; это выраженіе, если оно не заимствовано изъ языка чуждаго, не выдумывается намѣренно народомъ, берется прямо изъ источника роднаго, строится на матеріалѣ уже готовомъ. Понятіе новое сближается съ понятіемъ старымъ, и выраженіе для послѣдняго становится выраженіемъ и для перваго. Легко можетъ случиться, что понятіе старое, коренное забудется, и тогда слово продолжаетъ жить съ новымъ значеніемъ. Но и въ этомъ видѣ съ нимъ можетъ легко произойти подобное же явленіе: оно можетъ быть пріурочено къ третьему понятію, можетъ и остаться только при немъ одномъ, какъ можетъ выражать и еще другія идеи. Прослѣдить такимъ образомъ всѣ эти превращенія внутренняго слова, подмѣтить всѣ переходы его отъ одного значенія къ другому, часто отъ грубо вещественнаго до высоко духовнаго, не значитъ ли прояснить постепенное измѣненіе мыслительной способности народа, вообще его духовныхъ силъ, которое, въ свою очередь, укажетъ на постепенное измѣне-

ніе и самой жизни. Тамъ, гдѣ менѣе было такихъ измѣненій, менѣе находимъ ихъ и въ значеніи словъ; отсюда понятно, почему многія изъ словъ, столь далекія по значенію своему отъ кореннаго понятія въ наше время, такъ близки къ нему, почему и въ областныхъ говорахъ народныхъ, подверженныхъ вообще гораздо слабѣйшему превращенію, какъ гораздо медленнѣе проникаетъ новизна жизни и въ самый народъ, говорящій ими, замѣчаемъ ту же твердость и неподатливость выраженій въ удаленіи ихъ отъ значенія первобытнаго. И любопытно, и полезно для науки составить подобный историческій словарь; необходимость въ предварительныхъ монографическихъ словаряхъ, которые должны служить для него матеріаломъ, потребуетъ, конечно, не мало времени, но единодушная готовность къ трудамъ, любовь къ своему языку могутъ значительно сократить его. Отмѣчаю нѣсколько выраженій, указывающихъ на древнее значеніе, ближайшее къ понятію коренному и часто вовсе забытое въ нашемъ языкѣ, хотя сами слова живутъ въ немъ и до сихъ поръ.

Верста, въ современномъ языкѣ, употребляется для обозначенія пространства, равнаго 500 саженямъ, между тѣмъ въ древности значила *верста*, *возрастъ*; это значеніе осталось у насъ въ произведенномъ и сложномъ словѣ *сверстникъ*, замѣняемомъ въ говорѣ Сибирскомъ ближайшимъ къ первообразному *верстникъ*.—Жадный, происходя отъ глагола *жадать* (= Ст.-Слав. жадати), значившаго первоначально желать чего-либо сильно вообще и въ особенности пить, ѣсть, откуда существит. *жажда*, употреблялось въ смыслѣ голоднаго, алчущаго и жаждущаго, слѣдовательно, не заключавшаго въ значеніи своемъ ничего предосудительнаго; теперь напротивъ, слово *жадный* принадлежитъ къ разряду словъ бранныхъ, вы-

ражая желаніе чрезмѣрное, и не только въ физическомъ отношеніи, при чемъ *жадный* является синонимомъ прожорливости, обжорству, гдѣ скрывается еще старое понятіе алканія, но и въ нравственномъ, означая вообще недовольство, желаніе сверхъ силъ и заслугъ бóльшаго. Но какъ отъ общаго значенія *желанія* слово *жадный* перешло къ болѣе частному и отрицательному понятію, къ желанію того, чего не слѣдовало бы желать, что противно природѣ человѣка, что превышаетъ его силы; такъ могло перейти оно къ обозначенію всего того, чего можно и должно желать, къ выраженію любезнаго, милаго, пріятнаго. Послѣднее значеніе и сохранилось въ словахъ *жадный*, *жадóбный*, употребляющихся въ Тверской губерніи, точно такъ, какъ въ смыслѣ любезнаго употребляется тамъ же *желанный* отъ *желать*. — Жалованье, по происхожденію своему отъ *жалѣть*, должно первоначально означать сожалѣніе, соболѣзнованіе, состраданіе. Дѣйствительно такое же значеніе и находимъ въ древнихъ лѣтописяхъ. Переходъ отсюда къ значенію современному слишкомъ ясенъ, чтобы останавливаться на немъ. — Заповѣдь — слово, оставшееся у насъ только въ одномъ значеніи, какъ техническое, для обозначенія десяти заповѣдей Божіихъ, было въ старину во всеобщемъ употребленіи и яснѣе сохраняло первоначальное свое значеніе, вполнѣ согласное съ его составомъ. Оно употреблялось какъ синонимъ слову *запрещеніе*, *запретъ*; это значеніе отчасти уцѣлѣло въ областномъ говорѣ Донскомъ, хотя и въ весьма тѣсномъ смыслѣ, означая лѣсъ, запрещенный для рубки. Но какъ запрещеніе и неисполненіе слишкомъ тѣсно соединены другъ съ другомъ, а неисполненіе столь же тѣсно соединено съ наказаніемъ, то *заповѣдь* въ древнее время означала вмѣстѣ и *штрафъ*, понятіе, конечно, болѣе позднее, сравнительно съ

первоначальнымъ *запрещеніе.* Подобный же переходъ замѣчаемъ и въ другомъ синонимическомъ словѣ—*наказаніе.* Отъ древнѣйшаго значенія *приказаніе*, живущаго до сихъ поръ въ простомъ народѣ, какъ и въ глаголѣ *наказывать* — приказывать, въ сущ. *наказъ* (Твер. губ.—проповѣдь, совѣтъ, увѣщаніе, повелѣніе духовнаго пастыря), слово это стало означать послѣдствія отъ неисполненія приказанія, наказаніе въ современномъ смыслѣ. — Знакомитый отъ перваго значенія знакомый, извѣстный, перешло легко къ значенію знаменитаго, пользующагося всеобщею извѣстностью. Этотъ смыслъ соединенъ очень часто съ словомъ *знакомитый* и въ отечеств. лѣтописяхъ. — Лесть, съ производными и сложными: *лестный*, *облесть*, *прелесть*, *прелестный*, *прельстить*, заключало первоначально вообще понятіе обмана; современнаго значенія— прелестный, очаровательный, любезный — вовсе невидно въ древнихъ памятникахъ: оно явилось уже въ позднѣйшее время и укоренилось только въ образованномъ классѣ; простой народъ также не знаетъ этого новаго значенія, употребляя слова: прелесть, прелестный въ прежнемъ смыслѣ обмана, обманчиваго (срв. Древ. Рус. Стихот. Калайд. стр. 69, 146, 260). — Напрасно, напрасный, означающія въ современномъ нашемъ языкѣ тщетность, несправедливость чего либо, клевету, взнесенную на кого-либо ложно, въ древности, какъ у Русскихъ Славянъ такъ и у всѣхъ другихъ означали быстроту, неожиданность, нечаянность; отсюда *напрасная смерть* тоже, что скоропостижная смерть, *напрасно убьенъ* тоже, что неожиданно, нечаянно. Древнее значеніе этого слова продолжаетъ жить донынѣ въ нарѣчіи Сербскомъ: *напрасан* или *напрасит чоjек* равно нашему *сбросливый человѣкъ* (praeceps). Корень *прас* потерянъ всюду въ простомъ видѣ, но составленное отъ него существи-

тельное *праска* употребляется Хорутанами и означаетъ *возстаніе*, *возмущеніе*; при чемъ удержалось еще понятіе быстроты, неожиданности. — Нарядъ отъ значенія приготовленія вообще и снаряженія войска въ частности перешло къ обозначенію одежды мужчинъ и женщинъ и особенно одежды праздничной. Отсюда *нарядный* значитъ тоже, что хорошо, богато одѣтый или одѣтая; *нарядомъ* же называется совокупность всего гардероба. — Нужный отчасти потеряло въ современномъ употребленіи значеніе коренное. Мы употребляемъ слова эти какъ синонимъ надобный, должный, необходимый, не подразумѣвая при этомъ понуждающей силы; въ языкѣ древнихъ лѣтописей эта сила неразрывно соединялась съ значеніемъ слова *нужный*; отсюда—*нужная смерть* значило насильственная смерть. — Начальникъ долгое время сохраняло въ полнотѣ и ясности идею слова кореннаго (начало, начинать), означая лице начинающее и замѣняя современное слово зачинщикъ. Мы употребляемъ существ. *начальникъ* въ смыслѣ стоящаго во главѣ, управляющаго другими; такой переходъ въ значеніи могъ появиться уже въ отдаленной древности, какъ издавна и самое слово *начало* перешло къ нравственному значенію, употреблялось нерѣдко въ смыслѣ начальство, власть. — Къ числу подобныхъ словъ можно отнести: *одинакій* и *одиначество*, въ значеніи согласный, согласіе; *опечалиться* — озаботиться; *попустить* тоже, что опустошить, сдѣлать пустымъ; *непословица* — несогласіе; *достигнуть* — догнать, и много другихъ.

Въ значеніи нѣкоторыхъ словъ древняго языка замѣчаемъ и переходы отъ идеи общей къ частной. Это явленіе также не можетъ не быть любопытнымъ для изслѣдователя языка, какъ указывающее на предметы, которыми болѣе всего былъ занятъ

народъ, на которыхъ преимущественно останавливалъ свои надежды и которые болѣе другихъ казались ему важными въ быту житейскомъ. Такъ *обилье*, отъ общаго значенія достатка, довольства во всемъ, перешло къ частному значенію довольства въ съѣстныхъ припасахъ, и еще къ частнѣйшему— къ обозначенію самыхъ припасовъ. Это понятіе существительнаго *обилье*, синонимическое пищи, находимъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ Ст.-Слав. письменности; и въ нихъ употребляется оно не рѣдко вмѣсто *снѣди*, *снѣдомаго*, какъ въ слѣд. выраженіи: обило ꙗждъ, хоштеши бо се на пѫть отити дльгъ (codex Suprasl. p. 439). Существительное *дѣло*, при частыхъ войнахъ въ древнее время въ нашемъ отечествѣ, стало употребляться вмѣсто *войны*, *похода*. Значеніе это осталось отчасти и до сихъ поръ въ нашемъ языкѣ: и мы про небывалаго еще въ битвахъ воина говоримъ: онъ не былъ еще въ дѣлѣ. Въ нарѣчіи Польскомъ это же слово стало означать огнестрѣльное орудіе — dział‌o. — При благоговѣніи народа Русскаго къ верховной власти *слово* царя всегда было для него *закономъ*, *приказаніемъ*; отсюда вмѣсто послѣдняго встрѣчаемъ первое. Синонимика *слова* съ *закономъ* высказалась прямо и въ пословицѣ Русской: *слово законъ*, *держись за него какъ за колъ*.—Къ подобнымъ же переходамъ (ab abstracto ad concretum) принадлежатъ и слова *чрево*, *рожденіе*, употребляющіяся въ лѣтописяхъ иногда вмѣсто: дитя порожденіе, сынъ; *звукъ*, вмѣсто орудія, чѣмъ производится онъ, вмѣсто *колокола*, какъ въ Пол. и Мр. dzwon, дзвонъ; тоже самое произошло и съ словомъ *слухъ*, попадающимся въ древнихъ памятн. Славянскихъ вмѣсто *ухо: дивнаꙗ бо нѣкаꙗ въносиши въ слоухꙑ нашѧ* (cod. Suprasl. p. 422); *толкъ* вмѣсто *толмачъ*, слѣдствіе вм. причины; *багръ* вм. багряница и мн. др.

Вникая въ постепенное измѣненіе значеній словъ, въ удаленность ихъ бо́льшую и бо́льшую отъ первобытнаго, кореннаго понятія, филологъ не можетъ оставить безъ вниманія и тѣхъ выраженій древнихъ, которыя, хотя уже и вышли изъ жизни въ настоящее время, но своимъ употребленіемъ древнимъ указываютъ на обряды и обычаи древнѣйшихъ вѣковъ, не рѣдко восходя къ періоду языческому. Нѣкоторыя изъ такихъ выраженій возникли и въ періодъ христіанства, возникли въ слѣдствіе новой жизни въ духѣ церкви православной, тѣмъ не менѣе важны для насъ, какъ выраженія взгляда мѣстнаго, народнаго. Особенно замѣчательны названія нѣкоторыхъ праздниковъ церковныхъ, названія нѣкоторыхъ недѣль, вообще времени, опредѣленнаго Церковью для такой или иной дѣятельности христіанъ. Большая часть такихъ названій прямо произошла отъ образа дѣятельности, а иногда и недѣятельности народной. Къ числу выраженій, ведущихъ начало свое отъ временъ языческихъ, кажется, должно отнести, между прочими, и слово *корочунъ*, подъ которымъ въ лѣтописяхъ разумѣется рождественскій постъ. Это названіе осталось и у другихъ Славянъ, и съ тѣмъ же почти значеніемъ: у Чеховъ kračun тоже, что wanoce, рождественскіе святки; у Карпато-Руссовъ *керечунь вечеръ* означаетъ канунъ Рождества Христова; въ Болгаріи родившійся 25 Декабря обыкновенно называется *Крачуномъ* (Библіогр. листы Кеппена, 1825, № 12); *кречуномъ* называютъ рождественскіе святки и Румуны. Сличая такимъ образомъ сходство названій у соплеменныхъ народовъ съ тожествомъ времени, къ которому относятся ими эти названія, именно съ Декабремъ и отчасти Январемъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Карамзина о происхожденіи этого слова отъ *короткій*, на томъ основаніи, что въ Декабрѣ и

Январѣ самые короткіе дни въ году. Подобное производство не будетъ противорѣчить значенію *корочуна* и въ оставшихся поговорочныхъ выраженіяхъ: *дать корочунъ* — погубить, укоротить жизнь; *тутъ ему и корочунъ* — тутъ ему и конецъ жизни. Но если первоначально съ названіемъ *корочуна* не было соединяемо никакой идеи личности, если этимъ словомъ обозначалось сначала только пространство времени, отличающееся самыми короткими днями; то въ послѣдствіи, хотя также издавна, оно могло быть и олицетворено и пріурочено къ числу божествъ. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію должны вести названія мѣстностей, какъ *Крачуницкій погостъ* въ Шелонской пятинѣ, упоминаемый въ XVII вѣкѣ; *Корочуновъ камень*, приводимый Воскресенской лѣтописью въ числѣ древнихъ городовъ Русскихъ (Ист. Гос. Рос. Карамз. Т. IV, прим. 387, стр. 242) и миѳическія преданья Карпато-Руссовъ, заставляющія причислять *карачуна* къ языческимъ божествамъ. Между названіями церковными упоминаются въ лѣтописяхъ: *Чертисова недѣля, Госпожинъ день, Госпожино говѣйно, праздная недѣля, похвальная недѣля, свадьбы, лѣтопроводецъ.* Что касается до перваго названія, то не могу дать удовлетворительнаго объясненія о его происхожденіи; могу только сказать, что такъ именовалась недѣля Мытаря и Фарисея, бывшая въ 1408 году, подъ которымъ встрѣчается названіе *Чертисовъ* (или, какъ во 2-й Псков. лѣтописи, Черкисовъ), между 5 и 11 Февраля включительно. Подъ *Госпожинымъ днемъ* разумѣется обыкновенно день Успенія Божіей Матери, называемой языкомъ Церкви *Госпожею;* отсюда Успенскій постъ въ лѣтописяхъ извѣстенъ подъ именемъ *Госпожино говѣйно,* въ народѣ же до сихъ поръ подъ именемъ *госпожинокъ*, совпадающихъ съ другимъ народнымъ праздникомъ — *спожинками,* отправляемымъ земледѣльцами по слу-

чаю оканчивающагося къ этому времени жнива. *Праздною недѣлею* называлась народомъ Святая недѣля, какъ время, въ которое, по его понятіямъ, грѣшно работать. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой Новгор. лѣтописи, о кончинѣ Нифонта Епископа, сказано, что онъ умеръ 21 апрѣля, въ субботу, что, по исчисленію, дѣйствительно, приходится на Святой недѣлѣ, замѣненной во второй Новгор. лѣтописи названіемъ *Праздной*. Въ лѣтописи же Никоновой, вмѣсто *на празной недѣли* второй Новгор., читаемъ *во святую*. *Похвальною недѣлею* называется и до нынѣ на югѣ Россіи пятая недѣля великаго поста. Названіе *свадьбы* характеризуетъ обыкновеніе народное совершать свадьбы по преимуществу въ зимнее время, между Крещеньемъ и масляною недѣлей: по этому январь и февраль мѣсяцы называются въ лѣтописяхъ *свадьбами*. Едва ли впрочемъ названіе это не перешло къ намъ изъ Греціи, гдѣ январь мѣсяцъ, по совершенію въ немъ чаще всего свадебъ, также именовался свадебнымъ, женитьбеннымъ (γαμηλιών). Что касается до послѣдняго выраженія—*лѣтопроводецъ*, то оно живетъ еще и до нынѣ въ устахъ нашего народа, который называетъ такъ первое сентября, когда празднуется Православною Церковью память Симеона Столпника, отъ чего и самъ святой извѣстенъ подъ именемъ *лѣтопроводца*. Такое названіе, естественно, произошло отъ прежняго обычая начинать новый годъ съ сентября, почему и св. Симеонъ сталъ какъ будто Русскимъ янусомъ, провожавшимъ старое и встрѣчавшимъ новое лѣто. Кромѣ того, лѣто можно здѣсь принимать и въ частномъ значеніи, лѣтняго времени: съ сентября мѣсяца начинается уже осень, и Русскій народъ все время отъ Семенова дня до Аспосова дня, или до Рождества Богородицы, называетъ уже *бабьимъ лѣтомъ*.

XI.

ТРУДЫ МИТРОПОЛИТА ѲЕОДОСІЯ

(1461 — 1463 г.)

I. *Замѣчанія И. И. Срезневскаго.*

Новое изданіе лѣтописей Софійскихъ (въ V и VI томахъ Полн. Собранія Лѣтописей), обновивъ въ памяти любознательныхъ читателей многое изъ того, чѣмъ осталось намъ вспоминать умственную жизнь предковъ, обновило между прочимъ воспоминаніе о митрополитѣ Ѳеодосіи, объ одномъ изъ тѣхъ архипастырей нашей церкви, которые прилѣжно содѣйствовали ея устроенію, противоборствуя невѣжеству и злоупотребленіямъ. Но какъ о многихъ другихъ древнихъ и старинныхъ писателяхъ нашихъ, такъ и о немъ вписано въ лѣтописи и найдено въ рукописяхъ только кое-что: недостающее должно быть отыскиваемо въ громадахъ неизслѣдованныхъ рукописей. Нашему дѣятельному археологу В. М. Ундольскому посчастливилось открыть въ одной изъ своихъ рукописей одно изъ произведеній м. Ѳеодосія, бывшее вовсе неизвѣстнымъ*) Это открытіе

*) Имѣя въ своемъ Собраніи до 700 рукописей, г. Ундольскій надѣется со временемъ познакомить занимающихся исторіею Славяно-

тѣмъ болѣе радостно, что оно хоть на сколько нибудь увеличиваетъ скудный запасъ свѣдѣній объ этомъ архипастырѣ, слишкомъ недостаточный для того, чтобы оставить о немъ понятіе ясное и справедливое. Представляя здѣсь записку В. М. Ундольскаго, я считаю нелишнимъ прибавить нѣсколько предварительныхъ примѣчаній о жизни и трудахъ м. Ѳеодосія, на сколько они доселѣ могли быть извѣстны.

I. Гдѣ провелъ Ѳеодосій первые годы своего иночества, остается неизвѣстнымъ. Съ 1444 — 1445, какъ можно заключить изъ его собственныхъ словъ, онъ поселился въ Чудовскомъ монастырѣ Алексѣя митрополита, и тамъ оставался въ теченіи десяти лѣтъ, сначала вѣроятно іеромонахомъ, а потомъ, послѣ 1449 года, архимандритомъ, будучи поставленъ въ этотъ санъ митрополитомъ Св. Іоною. «Азъ же Ѳеодосій — говоритъ онъ — смиренный митрополитъ преже быхъ архимандритъ того монастыря великаго архистратига Михаила, идѣ же лежатъ мощи чюдотворца Алексѣя митрополита, правя церковь Божію, и предстатель Божій тамо общему житію, и вручена ми баше паства святаго того стада Іоною митрополитомъ и осподаремъ моимъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, и пребыхъ тамъ десять лѣтъ, и въ тѣ времена многая видѣхъ чюдеса творимая св. великимъ чюдотворцемъ Алексѣемъ у гроба его». Іона былъ посвященъ въ санъ митрополита соборомъ Русскихъ пастырей въ декабрѣ 1448 года; слѣдовательно Ѳеодосій не могъ быть посвященъ

Русской письменности съ неизвѣстными доселѣ произведеніями Евѳимія патр. Терновскаго, Пахомія Логоѳета, Петра Могилы митр. Кіевскаго, съ перепискою патр. Никона съ Аѳанасіемъ митр. Иконійскимъ и Димитріемъ Севастомъ, съ филологическими трудами Герасима Палки и пр.

въ архимандриты прежде 1449 года. (См. Ист. Рус. цер. III. 16—17). Өеодосій оставался въ Чудовомъ монастырѣ до 1454 года, когда по кончинѣ Ефрема занялъ столъ епископа Ростовскаго (Соф. II. 180); слѣдовательно былъ тамъ съ 1444 года до 1449 іеромонахомъ, а послѣднія пять лѣтъ настоятелемъ.

II. Годы, проведенные Өеодосіемъ въ санѣ епископа Ростовскаго и Ярославскаго (1454 — 1461) памятны въ его жизни «Исповѣданіемъ», даннымъ въ слѣдствіе опредѣленія Собора 1455 года (Акт. Ист. I. № 57. ср. тамъ стр. 109: прим.—Соф. II. 181, 234), и Бѣлозерскимъ соборомъ духовенства, ему подчиненнаго, въ 1459 г., для исправленія нѣкоторыхъ злоупотребленій. Въ окружной грамотѣ, которая была имъ написана по этому случаю, о причинѣ собора сказано между прочимъ слѣдующее: «По четырехъ лѣтѣхъ моего поставленія въ архіепископы не пріидосте къ отнію съборныя церкви наказатися истинону любомудрію.... и слышу.... прощаете своимъ дѣтемъ духовнымъ поимати третіа жены и до четвертыа, а женамъ за третіа мужи ходити и за четвертыа (Акт. Ист. I. № 64).—Къ этому же времени относится жалованная грамота Кириллову монастырю 1455 янв. 13 (Ак. Ар. Эк. I. № 54).

III. Великій князь, видя болѣзненную немощь св. старца, митр. Іоны, просилъ его благословить кого нибудь на свое мѣсто; и въ слѣдствіе совѣщанія съ в. княземъ и съ епископами, митр. Іона избралъ и благословилъ на свое мѣсто Өеодосія, «да и грамату свою благословенную на его имя въ св. велицѣй сборной церкви Пр. Бгоматери, за своею подписью и печатью, на престолѣ положилъ» (Ак. Истор. I. № 69). Митрополитъ Іона скончался 31-го марта 1461, а 3-го мая

того же года собором епископовъ поставленъ на его мѣсто Θеодосій (Соф. II. 184). Посланія, писанныя Θеодосіемъ въ санѣ митрополита, на сколько онѣ извѣстны (онѣ исчислены В. М. Ундольскимъ), писаны всѣ на случаи и не столько выражаютъ личность его, какъ писателя и проповѣдника, сколько потребности и обстоятельства церкви того времени. Болѣе чѣмъ въ другихъ выразилась, можетъ быть, личность Θеодосія въ Посланіи, писанномъ въ Пѣсношскій монастырь (Ак. Ист. I. № 276); но оно къ сожалѣнію неизвѣстно вполнѣ: въ спискѣ напечатанномъ есть только начало и конецъ. Замѣчательно такъ же Посланіе, вѣроятно окружное, о милостыни на искупленіе Св. Гроба Господня отъ невѣрныхъ (сохранилось въ спискѣ съ извода, писаннаго въ Новгородъ и Псковъ. Ак. Ист. I. № 78), гдѣ, въ слѣдъ за описаніемъ бѣдственнаго положенія Іерусалима и вообще православія на востокѣ подъ игомъ невѣрныхъ, представлены убѣжденія въ необходимости собрать деньги на выкупъ, требуемый Египетскимъ султаномъ. Изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ нельзя не заключать, что поученій и поучительныхъ посланій митр. Θеодосія должно быть по крайней мѣрѣ нѣсколько. Такъ и въ этомъ Посланіи о собираніи денегъ есть намекъ на поучительное Посланіе о милостыни, писанное прежде: «о милостыни писахъ вамъ, чада суще духовная». Такъ и лѣтописецъ замѣчаетъ, что митр. Θеодосій старался поучать священниковъ и діаконовъ и созывалъ ихъ еженедѣльно для преподанія наставленій по святымъ правиламъ (Соф. II. 186). Изъ словъ, имъ сказанныхъ, извѣстно было до сихъ поръ одно, сказанное по случаю празднованія новаго чуда у гроба св. Алексѣя. (Пол. Соб. Лѣт. VI. 325—330. Оп. Рум. Муз. 208—209).—Къ этому же періоду относятся: жалованная

грамота Борису Тютчеву (А. Ар. Э. I. № 74), грамота опасная арх. Іонѣ (А. И. I. № 73), ему же заказная (А. И. I. № 77).—Кромѣ того, подпись митр. Ѳеодосія находимъ на духовныхъ грамотахъ в. к. Василія Васильевича (С. Г. Г. I. № 86—87) и на двухъ договорныхъ грамотахъ к. Тверскаго Михаила съ в. к. Іоанномъ Васильевичемъ (С. Г. Г. I № 88—89). Можно еще упомянуть, что митр. Ѳеодосій, по желанію патріарха Іерусалимскаго, поставилъ въ Москвѣ протосингела Іосифа митрополитомъ Кесарійскимъ (Ак. И. I. стр. 128.—И. Г. Р. VI. 363).

Въ 1465 году митр. Ѳеодосій «остави митрополію и сниде въ келію къ Михаилову Чюду въ монастырь». Лѣтописецъ довольно подробно разсказываетъ о причинѣ этого, представляя его ревностнымъ поборникомъ правилъ церкви и нравственности, немогшимъ равнодушно сносить невѣжества и озлобленія народа, непонимавшаго его чистыхъ стремленій. Въ монастырѣ Ѳеодосій «прія разслабленнаго старца въ келію и нача служити ему и омывати струпы его» (Соф. II. 186). Онъ скончался въ 1475 г. въ обители преп. Сергія. (Опис. Серг. Лавры. М. 1842. 63).

II. *Записка В. М. Ундольскаго о неизвѣстномъ сочиненіи м. Ѳеодосія.*

Ѳеодосій прозваніемъ *Бывальцевъ* изъ Чудовскихъ архимандритовъ 1454 г. рукоположенъ въ архіепископы Ростовскіе и Ярославскіе, 1461 г. мая 9-го возведенъ на митрополію Всероссійскую, а 1465 г. сентября 3-го, сложивъ съ себя управленіе митрополіею, отошелъ въ Чудовъ монастырь, потомъ удалился въ обитель преп. Сергія, гдѣ и скончался въ 1475 г.

Изъ письменныхъ трудовъ сего ревностнаго архипастыря

дошло до насъ нѣсколько посланій. Еще бывши Ростовскимъ архіепископомъ писалъ Θеодосій: 1) Окружную грамоту духовенству о съѣздѣ въ городъ Бѣлозерскъ на Соборъ, для управленія церковныхъ потребностей и злоупотребленій (1458 г.). Въ санѣ митрополита писалъ онъ посланія: 2) Новгородскому архіепископу Іонѣ о непризнаваніи Григорія Цамблака митрополитомъ (1461 г. іюля 8), 3) въ Пѣсношскій монастырь о послушаніи игумену и соблюденіи обѣтовъ (1461—1464 г.). 4) Псковичамъ и архіепископу о неприкосновенности Софійскихъ вотчинъ (1462—1464 г.) и 5) Новгородцамъ и Псковичамъ о милостыни на искупленіе св. Гроба Господня отъ невѣрныхъ (1464 г. См. *Акты Истор.* т. I. № 64. 73. 78. 275—277 и «*Ист. Княж. Псковс.*» III, 27). Кромѣ сего имъ же написано: «Сказаніе о бывшемъ чюдеси у гроба иже во св. отца нашего Алексѣя митрополита всея Русіи чюдотворца, о исцѣлѣвшемъ хромцѣ (*Софійск. Врем.* II. 81—89).

Въ принадлежащемъ мнѣ *Сборникѣ* (№ 297), полууставнаго почерка второй половины XV вѣка на 368 л., въ листъ, между прочимъ находится л. 75 — 82: «Слово похвально святымъ верховнымъ апостоломъ Петру и Павлу, твореніе *Θеодосія* архіепископа всея Руси». *Нач.* Хощю къ похвалѣ святыхъ апостолъ подвигнути языкъ, но печаль объемлетъ ми душю, и недоумѣніе съдержить ми помыслъ....

Это Слово похвальное доселѣ не было извѣстно, и судя по началу, даже и безъ надписанія имени Θеодосія, его нѣтъ ни въ одной изъ видѣнныхъ мною рукописей. По печатнымъ описаніямъ библіотекъ гр. Толстаго, Румянцова, Царскаго и по многимъ другимъ, имѣющимся у меня каталогамъ рукописей — сего Слова тоже не видно. Но содержаніе его и современный сочиненію списокъ не оставляютъ никакого сомнѣнія

въ его подлинности. Приведемъ изъ него нѣсколько мѣстъ для примѣра:

«Хощю онѣхъ помянути доблесть, и неразуміе и грубость объемлеть мя. Хощю тѣхъ въ среду привести, и весь умомъ изнемогаю; помышляя онѣхъ высокую мудрость, и непостиженія покрываеть мя облакъ; ибо и желаніе не оставляеть мя нудя, недостоинство же безгласіемъ связаеть ми языкъ... Петръ, камень вѣры, послѣдовавый паче всѣхъ учителю, и оставивый корабль церковь въспріемый, повергый мрежу и Евангеліе распрострый, отринувый море и вселенную удержавый, иже рыбное ловленіе презрѣвъ, и человѣки ловити научися.... Моусій убо единому Израильскому языку начальникъ бысть, Петръ же всей вселеннѣй предстатель бысть. • Онъ убо съ единѣмъ Фараономъ; Петръ же съ дьяволомъ боряся о людехъ и побѣди и, не море раздѣляя жезломъ яко же Моусій, но идолы потребляя словомъ. Моусій убо въ мрацѣ бесѣдова Богови, и задняя его видѣ, и законъ пріятъ на скрижалѣхъ, и каменосердечнымъ людемъ законъ полагати хотящимъ; Петръ видѣ Пророкы возвѣщеннаго, и ученикъ тому бысть, и послѣдуя ему все время до креста же и смерти, и отъ Божественнаго зрака неизреченная почерпе, ублаженъ бысть и камень церковный нареченъ бысть, и ключарь обѣщаннаго царствія.... Петръ отъ Виесаиды малаго градца въ Іерусалимѣ велицѣмъ градѣ языкомъ пленомъ с'родомъ(?) вѣтійствоваше откровеннымъ лицемъ и благодерзновеннымъ языкомъ. Молчаху Фарисеи и распыхахуся, Садукеи отхожаху, книжници затыкаху уста, — рыбарь Петръ вѣщаше одинъ; народи веселяхуся, презирашеся праздникъ, небрегомыи оставляшася службы — едино всѣмъ желаніе и тщаніе бяше еже Петра благословяща слышати. И зри абіе отъ Петрова ученія вѣровавше пять сотъ и три тысящи и бесчислена мно-

жьства, отъ вѣры народа, отъ силы, еже въ Петрѣ бѣаше, исполняшеся отъ Господа реченное: вѣруай въ мя дѣла яже азъ творю и тъ сътворить болша сихъ....»

Восхваливъ Петра проповѣдникъ обращается къ Павлу: «Что ли же Павелъ небесный онъ человѣкъ, риторъ церковный, Хрістова уста, учитель языкомъ, высокопарный орелъ, церковная труба, вътрубивый всей вселенней избавленіе, иже въ законѣ усердный и въ благодати ревнитель Павелъ, иже больший инѣхъ по благочестіи подвигъ показа, теченіе скончa и вѣру съблюдъ, Павелъ иже безстудная уста Іюдеомъ загради, Павелъ непристрашливый воинъ посредѣ рати, обтекій якоже крилатъ отъ Іерусалима и окрестъ дажь и до (И)лирика, съсудъ избранный крыися иногда въ сѣни закона, и послѣди явлься въ свѣтлости Новаго Завѣта; иже прежде гоній, нынѣ благовѣствуя; иже преже церкви рагаряя, нынѣ же съзидая; иже преже апостолы оскоръбляя, нынѣ же апостоломъ предначиная; преже народы отъ Хріста отлучая, нынѣ же народы къ Хрісту приводя... Ищу умомъ, обращая сѣмо и онамо, и яже отъ вѣка вся святыя смотряя преже Закона и въ Законѣ, судія и цари и пророки, чюдныя они мужь и великія, и необрѣтаю, кому уподоблю Павлову добродѣтель, всѣхъ бо превъсходитъ съ преумноженіемъ и всѣхъ исправленія въ себѣ имать.... Сего ревности удивишася ангели, мучители устыдѣшася, царіе уступиша, бѣсове въстрепѣташа: Хрістосъ бо бяше въ Павлѣ ходя и вѣщая. Живу же рече не к'тому азъ, но живетъ во мнѣ Хрістосъ. Рьци, который цвѣтъ тако красенъ есть, яко церковь Павловыми посланми? Который царьскый вѣнецъ каменіемъ и бисеромъ тако сіаетъ, яко церькви Павловѣми труды и поты? Что ли много глаголати! который корабль зѣлнымъ вѣтромъ носимъ тако скоро грядетъ, яко же церковь многочадна и много-

плодна Павловѣми молитвами? Кто слыша таковую любовь, яко же имѣяше блаженный онъ? Кто изнемогаеть, рече, азъ не изнемогаю; кто съблажняется, азъ не разжизаюся; и пакы: анафема моляхся быти о братіи моей; и пакы: радоватися съ радующимися и плакатися съ плачущимися.... Смотри опасно егда въ святѣй церкви начнется о Павлѣ бесѣда, како отвсюду, яко же пчелы на събраніе цвѣтовъ отвсюду, стичются иже надъ властьми, иже подъ властьми, богатіи и нищіи, мудріи и немудріи, многоученіи и малоученіи, съ просители готовословци, иже въ видѣніи и дѣяніи, иже высокаго священникъ сана, иже иночьскаго чина мужіе и жены, всякъ възрастъ, вси чюдятся мужа премудрости. Како, якоже тогда и нынѣ, которомуждо учитель бысть съкращенными словесы и благоукрашенными рѣчьми, крыють же ся въ нихъ велика нѣкая и неудобь рѣшителная разумѣнія, яко же глубока нѣкая вода всѣмъ на всяку потребу предлежить, еже пити, еже варити, еже изъмыватися, еже сады напаати, еже плавати, еже рыбы ловити, глубина же тоя никомуже вѣдома есть. Тако и Павлова словеса всякому виду добродѣтели слышащихъ учить, высотою же и разумомъ всѣхъ превъсходя. И что много глаголати: Христосъ Павлу похвала, намъ же Павелъ по Христѣ». —За симъ проповѣдникъ снова обращается къ Петру, и заключаетъ свое слово слѣдующею похвалою обоимъ апостоламъ: «Но о блажатая двоица апостоломъ верховная! церковь, юже многими труды състависте, юже своими поты снабдѣсте, юже своими кровьми освятисте, юже своими преданьми украсисте, юже своими учении усладисте, юже своими молитвами ненавѣтну створисте, назирайте свыше и укрѣпляйте отъ всякоя ереси, тоя красоту несъкверну съблюдите до скончанія вѣка, яко имуще много деръзновеніе пред-

стояще животворящей и нераздѣлимѣй Троици, ей же слава и держава и покланяніе въ безначальныя вѣкы. Аминь».

Знатоки нашей древней письменности согласятся, что это похвальное слово св. апп. Петру и Павлу достойно стоять въ ряду другихъ современныхъ произведеній и твореній самаго митрополита Θеодосія.

XII.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЪЯСНЕНІЯ ДРЕВНИХЪ СЛОВЪ.

ДАНЬ, ПУТЬ, ПОЛЮДЬЕ, ПОГОРОДЬЕ, ДАРЪ, ХОДИТЬ.

М. П. Погодина.

I.

Князь получалъ дань, *собирая ее лично, или чрезъ посланныхъ своихъ мужей, и распоряжался ею по своему усмотрѣнію, уставлялъ, отмѣнялъ и употреблялъ.*

(Вспомнимъ прежде всего древнѣйшій примѣръ Игоря, котораго убѣдила дружина идти въ дань 945, ссылаясь на богатство отроковъ Свѣнельда, его мужа: «Отроци Свѣнелжи изодѣлися суть оружьи и порты, а мы нази; поиди съ нами *въ дань*, да и ты добудешь и мы). *НЛ* *).

*) См. въ Несторовой Лѣтописи по Лаврентьевскому списку, подъ означеннымъ годомъ. Мы будемъ означать ее для сокращенія: *НЛ*; Суздальскую лѣтопись по тому же списку—*СЛ*; Кіевскую по Ипатьевскому списку — *КИ*; Новгородскую — *Н*; Лѣтопись по Воскресенскому списку — *В*; Волынскую по Ипатьевскому списку — *ВИ*.

1071. «Приключися прити отъ Святослава *дань емлющу* Янови (на Бѣлѣ озерѣ)» *НЛ.*

1096. «Иде Ростову (Олегъ Святославичь) и Ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромьску и Ростовску, и посажа посадникы по городомъ, и *дани поча брати.*—Добрыня же (Мстиславовъ, князя Новгородскаго, начальникъ передоваго отряда) первое изоима *данники* (Олеговы). Увѣдавъ же Ярославъ, (братъ Олеговъ), яко изъима *даньници»* и проч. *НЛ.*

1133. «Ярополкъ (Володимеровичь) посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша *дани Печерскыѣ* и отъ Смолиньска *даръ»*, *СЛ.* т. е. дань съ Печерскихъ волостей Новогородцы предоставили Кіевскому Великому Князю Ярополку, а Смольяне прислали ему даръ.

1139. *КИ.* «Приведе Всеволодъ Ольговичь (Черниговскій князь) Половцѣ къ Прилуку, и взя ины городы, поима *Посульское».* Посулье принадлежало къ Переяславскому княжеству; Всеволодъ захватилъ дань, шедшую съ этой стороны Князю.

1149. Юрій Суздальскій захватилъ нѣкоторыя дани, принадлежавшія Новугороду, кои требовалъ у него назадъ в. к. Изяславъ Мстиславичь, договариваясь о мирѣ. *КИ.* «Новугороду великому ать взворотить Гюрги *дани* ихъ вси».

1150. Юрій Суздальскій захватилъ и нѣкоторыя изъ *Смоленскихъ* даней, что видно изъ грамоты Ростиславовой объ учрежденіи Смоленской Епископіи: «Суждали Залѣсская (?) *дань*, *аже воротить*

Гюрги, а что будетъ въ ней изъ того святѣй Богородици десятина» [1]).

1158. В. к. Андрей предоставилъ основанному имъ собору Богоматери во Владимірѣ «свободи купленыя и съ *даньми*» и проч. *СЛ.*

1169. *Н.* «Иде Даньславъ Лазутиницъ за волокъ данникомъ съ дружиною.... взяша всю *дань*» (не смотря на покушенія со стороны Суздальцевъ).

Изъ извѣстія подъ 1229 г. въ Новогородской лѣтописи мы видимъ, что смерды платили ежегодно въ Новгородскомъ княжествѣ дань, которую могъ отмѣнить князь; слѣдовательно такъ было, вѣроятно, и въ другихъ княжествахъ. Михаилъ Черниговскій «вда свободу смьрдомъ на 5 лѣтъ *даніи не платити*; кто сбѣжалъ на чюжю землю, а симъ повелѣ кьто гдѣ живеть, какъ уставили передніи князи, *такъ платити дань*».

Это извѣстія изъ лѣтописей. Въ оставшихся грамотахъ удѣльнаго періода находятся такія же ясныя и положительныя извѣстія, что князю шла дань:

В. к. Мстиславъ Володимеровичь (1125) дарствуетъ [2]) Юрьевскому Новогородскому монастырю «Боуицѣ» [3]) съ *данію* [4]) и проч.

[1]) См. въ Ростиславовой, Князя Смоленскаго, грамотѣ, объ учрежденіи въ Смоленскѣ епископіи, въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ, собраннымъ Археографическою Коммиссіей, (*ДАИ.*) т. I, стр. 6.

[2]) Тамъ же, с. 2.

[3]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что это село Буица значится и въ лѣтописяхъ Новогородскимъ селомъ св. Георгія; см. подъ годомъ 1232.

[4]) Карамзинъ (II, с. 177) выразился неточно, сказавъ, что Мстиславова грамота служила «вмѣсто крѣпости на земли и судныя пошлины». Неточно,—ибо къ суднымъ пошлинамъ принадлежатъ виры и продажи, а дань есть пошлина не судная, что̀ особенно ясно показано въ грамотѣ Ростиславовой. См. ниже.

Уставъ Новогородскаго князя Святослава Ольговича (1137) начинается слѣдующими словами: «Уставъ бывшии преже насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ имати пискупомъ десятину отъ *даний* и отъ виръ и продажь, что входить въ княжь дворъ всего. А здѣ въ Новѣгородѣ что есть десятина отъ *дании* обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими князи» [1].

Ростиславъ Мстиславичъ, князь Смоленскій, при учрежденіи епископіи въ Смоленскѣ (1150) говоритъ: [2]) «се даю святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ *даней Смоленскихъ*, что ся въ нихъ сходить истыхъ кунъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья». А въ заключеніи: «что ся наречеть области Смоленское, или мала или велика *дань*, любо княжа, любо княгинина, или чія си хотя, правити десятину св. Богородици».

II.

Драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія о *количествѣ* собираемой дани представляетъ намъ эта послѣдняя грамота, въ коей обстоятельно исчисляются всѣ Смоленскія волости съ показаніемъ, сколько съ которой идетъ дани, и сколько изъ дани слѣдуетъ десятины епископу. Представимъ полную выписку изъ нея, и сочтемъ, сколько получали отъ дани князь и епископъ.

«У веРжавлянѣхъ [3]) у Великихъ 9 погостъ, а въ тѣхъ погостехъ платитъ ктожъ свою дань и

---

1) Напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ, книга I.

2) *ДАИ.* с. 5.

3) Здѣсь разумѣется нынѣшній городъ Ржевъ, называвшійся иногда, какъ мнѣ помнится, Великимъ. *Ве* — есть приставка, очень обыкновенная при разныхъ собтвенныхъ именахъ, аМценескъ, деБранескъ. *М. П.* — Смотр. ниже: у веРжавску. *Ред.*

передмѣръ истужници, по силѣ, кто что мога,	гривенъ.
а въ тѣхъ погостехъ во всѣхъ сходится дани .	800
а передмѣра	100
а на истужницѣхъ	100
то ти изъ того взяти епископу къ святѣй Богородици . . . . . . :	100
а во Врочницѣхъ	(200)
то ти изъ того взяти епископу	20
а въ Торопчи дани . . . , ...	400
а епископу съ того взяти	40
а въ Жижци дани	130
а съ того епископу взяти	13
а въ Каспли	100
а изъ того епископу взяти . . . , ...	10
а въ Хотшинѣ дани	200
а изъ того епископу взяти	20
а въ Жабачевѣ дани	200
а изъ того епископу взяти	20
а въ Вотоо..вичи дани	100
а изъ того епископу взяти	10
а въ Шуйстѣи дани	80
а изъ того епископу	8
а въ Дешнянюхъ	30
а изъ того епископу	3
а въ Ветьскѣи дани	40
а изъ того епископу	4
а на Былевѣ дани . . . . -	20
а и епископу изъ того	2
а въ Бортницѣхъ на оной сторонѣ	40
а изъ того епископу	4

а въ Витринѣ дани	30
а изъ того епископу	3
въ Жидчичихъ	10
а изъ того епископу	1
въ Басѣи	15
а и епископу изъ того	$1\frac{1}{2}$
въ Миратичехъ дани	10
а епископу изъ того	1
въ Добрятинѣ дани	30
а епископу изъ того	3
въ Доброчковѣ дани	20
а изъ того епископу	2
въ Бобровницѣхъ дани	10
а изъ того епископу	1
на Дѣдогостичехъ	10
а изъ того епископу	1
а въ Зарубѣ дани	30
а изъ того епископу	3
а въ Женнн дани у Велицѣй	200
изъ того святѣй Богородици и епископу	20
въ Пацини дани	30
а изъ того епископу	3
въ Солодовницѣхъ	20
а изъ того святѣй Богородици и епископу	2
на Путтинѣ присно платятъ	4
Бѣн..ици.	2
Дѣдичи и дань и вира	15
на Прупои	10
а изъ того епископу	1
у Кречюта дани	10
а святѣй Богородици и епископу	1

во Исконѣ дани	40
а изъ того святѣй Богородици и епископу	4
у веРжавску въ городѣ десятины святѣй Богородици	3
въ Лодейницѣхъ дани	10
а изъ того святѣй Богородици	1*)

Смоленское княжество, по свойству и количеству земли, вѣрно было бѣднѣе прочихъ, а между тѣмъ доставляло князю одной дани, кромѣ прочихъ доходовъ, можетъ быть, значительнѣйшихъ, какъ явствуетъ изъ этого списка, около 3150 гривенъ серебра! Епископу доставалось слишкомъ 300 гривенъ!

Что же давали прочія княжества, напримѣръ: Кіевское, Владиміро-Волынское, Суздальское! Какъ богата была земля!

III.

Скажемъ теперь кстати нѣсколько словъ о раздѣленіи земли въ отношеніи къ дани.

Если Смоленское княжество было распредѣлено такъ для собранія дани князю, то вѣроятно и всѣ прочія, притомъ съ древнѣйшихъ временъ, а именно съ прибытія Варяговъ-Руси: вспомнимъ выраженія Несторовы объ Олегѣ (*устави дани* Словеномъ, Кривичемъ и Мери) и Ольгѣ (возложи (на Древлянъ) *дань* тяжку... и иде по Деревьстѣй земли... уставляющи уставы и уроки; *устави* по Мьстѣ *погосты* и *дани*, и по Лузѣ оброки и дани); вспомнимъ мѣсто

*) Любопытно и важно было бы какъ для исторіи древней, такъ и для географіи, опредѣлить положеніе всѣхъ означенныхъ въ грамотѣ мѣстъ, сравнительно съ нынѣшними.

изъ Эймундовой саги, показывающее ту степень важности, какую придавали данямъ и ихъ распредѣленію древніе князья (Бурислейфъ требуетъ отъ конунга (Ярослава) нѣсколькихъ деревень и торговъ, примыкающихъ къ его владѣніямъ, изъясняя, что они удобны ему для сбора доходовъ).

Въ подтвержденіе нашего предположенія о точномъ распредѣленіи земли, имѣемъ еще драгоцѣнный документъ, хоть и не столь ясный: Уставъ Святослава Ольговича, княжившаго въ Новѣгородѣ въ 1137 году, о которомъ мы упомянули выше.

«Урядилъ есмь азъ святѣи Софии и написалъ Никола князь Новогородьскыи Святославъ: въ Онегѣ наВолдутовѣ погостѣ два сорочка, на Тудоворѣ погостѣ два сорочька, на Ивани погостѣ съ даромь 3 сорочькы, на Ракулѣ 3, на Спирковѣ два, у Вихтуя сорочекъ, въ Пинезѣ 3, въ Кегрелѣ 3, устье Емьцѣ два, устье Вагъ два, у Пуите сорочекъ, у Чюдина полъсорочька, у Лигуя с даромь два, у Вавдита с даромь два, у Вели два, у Вѣкшензѣ два, на Борку сорочекъ, въ Отминѣ сорочекъ, въ Тоимѣ сорочекъ, у Помѣ полъсорочька, у Тошьмѣ сорочекъ, у Пененича сорочекъ, у Порогопустьць полъсорочка, у Валдита два сорочка, на Волоцѣ въ Моши два, у Еми скора, а на мори от Чрена и от Салгы по пузу, у Тудора сорочекъ».

«В лѣто 6645. индикта ЕI...

«А се об-Онѣзьскыи рядъ: во Олонци 3 гривны; на Свѣри гривна, въ Юсколѣ 3 гривны, въ Тервиничихъ 3 гривны, у Вьюницѣ гривна, устье Паши

гривна, у Пахитка на Паши полгривны, на Кукуевѣ горѣ гривна, у Пермина гривна, у Кокорка полгривны, на Масиегѣ, низъ Сяси, полгривны; въ поѣздѣ отъ всее земли владыцѣ 10 гривенъ, а попу двѣ гривне, у Липсуевичь полъ-гривны, у Тоивота гривна, въ Липнѣ полгривны».

«А се Бѣжичьскыи рядъ: въ Бѣжичихъ 6 гривенъ и 8 кунъ, Городецьке полъпяты гривенъ., въ Змени 5 гривенъ, Езьскѣ 4 гривны и 8 кунъ, Рыбаньскѣ гривна Волжьская, вы-Изьскѣ полгривны Волжьская*).

Карамзинъ, объясняя этотъ уставъ, говоритъ (II, пр. 267): «Епископъ сверхъ ста гривенъ, отпускаемыхъ ему изъ казны, получалъ съ уѣздовъ означенную дань. Въ-старину считали деньги *сороками*. Здѣсь разумѣется, думаю, *сорокъ кунъ:* что̀ составляло болѣе ста гривенъ, кромѣ десяти объѣздныхъ и пошлины съ соляныхъ варницъ. Когда Новогородскій епископъ имѣлъ ежегоднаго доходу 250 гривенъ, то князю надлежало имѣть 2500 гривенъ, слѣдственно 6250 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, если гривна кунъ была и тогда четвертою частью гривны серебра, подобно какъ въ началѣ XIII вѣка» **).

---

*) Много предстоитъ еще Русской исторіи находокъ и открытій. Безъ сомнѣнія, можно будетъ добраться по писцовымъ книгамъ до числа жителей въ которомъ-нибудь изъ этихъ Новогородскихъ селеній, а также и Ростиславовыхъ Смоленскихъ, и тогда судить о количествѣ древней дани въ сравненіи съ древнимъ временемъ и даже новыми подушными. Географическій комментарій къ Святославову уставу также необходимъ, и мы слышали отъ одного изъ жителей тѣхъ странъ, что большая часть собственныхъ именъ еще сохранилась.

**) Мы имѣемъ особое мнѣніе объ этомъ предметѣ, которое будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ.

Какъ въ Ростиславовой грамотѣ для Смоленскаго княжества, такъ и въ Святославовой для Новогородскаго, мы видимъ *погостъ* единицею административнаго дѣленія. Ольга въ той же сторонѣ уставила, какъ мы выше напомнили, *погосты*. Подъ 1178 годомъ (*КИ.*) мы встрѣчаемъ Новогородскаго князя Мстислава Ростиславича, идущаго войною на Полоцкаго князя Всеслава за то, что дѣдъ его Всеславъ *погостъ* одинъ завелъ за Полоцкъ. На югѣ *погостъ*, можетъ быть, замѣнялся тысячею, полкомъ или станомъ, которыхъ впрочемъ въ нашемъ періодѣ случайно не встрѣчается, если не причислять сюда мѣста подъ 1150 г., гдѣ Изяславъ Мстиславичь, воюя противъ Юрья Долгорукаго, торопитъ своихъ мужей словами: «а мы поѣдимъ въ свой Кіевъ, въ сильній *полкъ* Кіевскій»; и другаго подъ 1149 г., гдѣ Святославъ Ольговичь взялъ себѣ Курескъ и съ Посемьемъ, и *Сновьскую тысячу* у Изяслава; но эти мѣста требуютъ особаго изслѣдованія.

IV.

Всѣ погосты, или станы, или полки, или тысячи, словомъ волости, были *оцѣнены*, или, по нынѣшнему выраженію, кадастрированы съ древнѣйшихъ временъ, какъ ясно заключать должно изъ Святославовой и Ростиславовой грамотъ; потому-то и говоритъ Романъ Волынскій (1195) тестю своему в. к. Рюрику Ростиславичу на предложеніе его объ уступкѣ данной Роману волости: «мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси, любо кунами даси за нее, *во что будеть была*».

V.

Города не платили-ль особой дани? — По крайней мѣрѣ нельзя понимать иначе слѣдующей третьей Ростиславовой грамоты, относящейся къ учрежденію епископіи:

«А се *погородіе* *) отъ Мьстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисици; а се отъ Крупля гривна урока, а пять ногатъ за лисицу; а се отъ веРжавска двѣ гривнѣ урока, а за три лисици 40 кунъ безъ ногаты; а се отъ Копосы 6 гривенъ урока и двѣ лисици, а почестья 35 кунъ; а се отъ Поцiня урока полторы гривны, а за двѣ лисици 22 кунѣ; а отъ Лучина три гривны урока, и двѣ лисици, и осетръ; а се отъ Ростиславля три гривны, а почестья гривна и четыри лисици; отъ Елны урока три гривны и лисица; а Изяславлее... а у Торопчи урока сорокъ гривенъ и 15 лисиць и 10 черныхъ кунъ, неводъ, тре...ица, бредникъ, трои сани рыбы, полавачникъ, двѣ скатерти, три убрусы, берковескъ меду; а се въ Жижци пять гривенъ, а почестья гривна и лисица; а у Дорогобужи три гоны короткiи, а почестья гривна, а пять лисиць».

О городѣ Ржевѣ сказано въ первой Ростиславовой грамотѣ **).

1195. Романъ Волынскій спрашивалъ у тестя своего в. к. Рюрика Ростиславича кунами за уступаемую ему волость, а эта волость состояла изъ городовъ:

---

*) Сравн. ниже полюдье.

**) См. выше.

Торцскаго, Корсуня, Богуславля, Треполя, Канева, разумѣется, съ принадлежащими къ нимъ волостями.

Святославъ Ольговичъ жалуется Изяславу Давыдовичу, что тотъ далъ ему семь городовъ пустыхъ, населенныхъ псарями, съ которыхъ, видно, взять было нечего.

Рюрикъ Ростиславичъ предоставилъ своему сыну, Ростиславу, родившемуся на пути въ городѣ Лучинѣ, этотъ городъ; слѣдовательно Лучинъ платилъ ему прежде дань, и пр.

VI.

Древнѣйшее описаніе *собиранія дани* княземъ мы видѣли у Нестора въ княженіе Игорево. Мнѣ кажется, что Володимеръ Мономахъ оставилъ намъ также свѣдѣнія о собираніи дани въ повѣствованіяхъ о своихъ *путяхъ*. Пути его, кромѣ походовъ, относятся, думаю, наиболѣе къ собиранію дани: «а се повѣдаю вы дѣти моя трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, *пути дья* и ловы. Первое къ Ростову идохъ,... посла мя отець... и пакы второе къ Смолиньску со — Ставкомъ с Кордятичемъ, тои паки и отъиде къ Берестію, а мене посла Смолиньску.... Та оттуда (изъ Силезскаго похода) Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову. И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску, а и Смолиньска той же зимѣ та къ Нову-городу... И пакы и Смолиньска къ отцю придохъ Чернигову, и Олегъ приде изъ Володимера выведенъ, и возвахъ и къ собѣ на обѣдъ со отцемъ въ Чернигови, на Краснемъ дворѣ, и *вдахъ отцю триста гривенъ золота.* И пакы и Смолиньска же пришедъ....

идохомъ къ Ростову на зиму и по три зимы ходихомъ Смолиньску, и се нынѣ иду Ростову.... а всѣхъ *путій 80 и 3 великихъ*, а прока не испомню меншихъ».

Что исчисленные пути относятся, какъ сказалъ я выше, къ собиранію дани, доказывается слѣдующимъ ихъ описаніемъ:

«Куда же ходяще *путемъ по своимъ землямъ*», говоритъ Мономахъ, «не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнуть. Куда же пойдете, идѣже станете, напойте, накормите унеина».

Совершенно согласно съ этими указаніями, что̀ происходило въ волостяхъ при собираніи дани, мы находимъ у Нестора угрозу Яна, мужа Святославова Ярославича, при собираніи дани съ Бѣлозерцевъ (1071): «аще не имате волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто». Значитъ, что пребываніе данщиковъ было очень тягостно для населенія, въ чемъ и предупреждаетъ своихъ сыновъ Мономахъ.

Вспомнимъ опять о дани Игоревой и объ отрокахъ Свенѣлжихъ, которыхъ надо, кажется, понимать въ выраженіи Володимеровомъ: «не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ ни чюжимъ»: свои должны означать княжескихъ, а чужіе — относиться къ отрокамъ бояръ, сопровождавшихъ князя.

И такъ *дань* и *путь* представляются выраженіями для означенія понятій и дѣйствій однородныхъ.

По симъ даннымъ и самому глаголу *ходить*, осмѣливаюсь придать значеніе: «собирать дань». Слѣдовательно Игоревы слова, по отпущеніи дружины: «*по-*

хожу и еще» сказаны отнюдь не въ фигуральномъ, случайномъ значеніи, а въ дѣйствительномъ или настоящемъ; они значатъ: я пособираю еще дань.

Если кому покажется натянутымъ мое толкованіе и кто не удовольствуется еще указаніемъ на Мономахово выраженіе: *ходяще* путемъ, принимая глаголъ въ этомъ выраженіи только обыкновеннымъ, дополнительнымъ къ собственному пути=дани, тому я могу служить слѣдующимъ мѣстомъ изъ Волынской лѣто писи, гдѣ глаголъ *ходить* употребленъ въ смыслѣ собиранія дани даже и одинъ, безъ пути или другаго пояснительнаго слова: 1238 «Данилъ съвѣтъ створи съ братомъ си, обѣща ему Кіевъ Михаилови (Черниговскому), а сынови его Ростиславу вдасть Луческъ. Михаилъ же, за страхъ Татарскый, не смѣ ити Кыеву. Данилъ же и Василко *вдаста ему ходити по земли своей*, и даста ему пшеницѣ много, и меду и говядъ и овецъ доволѣ». Въ нѣкоторое вознагражденіе за городъ, котораго Михаилъ на ту пору, по своимъ обстоятельствамъ, занять не хотѣлъ, братья позволили ему походить по землѣ своей, т. е. собрать съ нея для себя слѣдующую имъ дань.

И такъ, глаголъ *ходить* принадлежитъ къ главнымъ глаголамъ — выраженіямъ древней верховной власти въ дѣйствіи: сидѣть, держать, ходить и водить (вводить и выводить) *).

Впадаю въ искушеніе привести здѣсь дорогое

---

*) М. П. *Погодинъ* подалъ надежду прислать въ Отдѣленіе примѣры употребленія всѣхъ этихъ словъ. *Ред.*

мѣсто, въ коемъ прекрасно оба слова: дань и путь, совмѣщаются.

Грамота В. К. Ивана Даниловича: 1320. «А сынъ его Кузма како пойдетъ съ моря съ потками данными (т. е. оброчными, полученными въ дань, по оброку) *по данничу пути*, а дадятъ ему корму и подводы». *ААЭ. I.*

Не утерплю привести еще нѣсколько мѣстъ:

Въ третьей договорной грамотѣ в. к. Димитрія Донскаго съ братомъ Володимиромъ Андреевичемъ (1388) сказано: «а коли ми взять дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на *путныхъ* *), тогды ти взяти на своихъ такъ же по кормленью и *по путемъ*.... (с. 57).

Въ духовной грамотѣ в. к. Димитрія Донскаго сказано: «сына своего, кн. Василья, благословляю на старишіи *путь* въ городѣ и въ станѣхъ моего удѣла».

Въ памятникахъ Монгольскаго періода слово путь встрѣчается часто и представляетъ много данныхъ для соображенія.

VII.

Князь предоставлялъ иногда собираніе дани для себя своимъ мужамъ, какъ то мы видѣли при Янѣ; можетъ быть, иногда даже продавалъ или давалъ на откупъ свою дань. По крайней мѣрѣ въ Новогородскихъ грамотахъ мы находимъ въ числѣ непремѣн-

*) Карамзинъ говоритъ (V, прим. 115): такъ назывались бояре, коимъ давались земли съ правомъ собирать на путяхъ или дорогахъ пошлину» (Также и на стр. 391). Нѣтъ, съ дороги пошлины (въ родѣ Schossegeld) не бывало у насъ, а пути имѣли отношеніе къ собиранію дани: князь даетъ путь сыну въ городѣ — какое же здѣсь подорожное?

ныхъ условій: *продаяти ти дань* свою Новгородцю (т. е. отдавать княжескіе доходы на откупъ только жителямъ Новогородскимъ, а не другимъ, объясняетъ Карамзинъ. IV, пр. 207).

Въ нашемъ періодѣ есть два-три указанія, но не ясныя: 1072. «Бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазарь». 1147. «Всеволодковичь Святославъ держаше у Изяслава Божьскій, Межибожье, Котельницу, а всѣхъ пять городовъ». Эти указанія неясны, ибо, можетъ быть, они означаютъ одно управленіе, собственное кормленье, дань (а равно и прочіе доходы), по порученію князя.

VIII.

Князья предоставляли доходы съ извѣстнаго мѣста, въ пользу жены, дѣтей, монастыря, церкви, и вѣроятно дружины, на что есть свидѣтельства, отлагаемыя нами до другаго мѣста.

IX.

Замѣтимъ еще нѣкоторые слѣды снисходительности, какую иной князь наблюдалъ при собираніи дани: «се же нынѣ, съ Божьею помощію и святой Богородици», говоритъ Ростиславъ Смоленскій, «*полны дани*, а по семъ, что Богъ устроитъ: по Божью строю, чи которая дань оскудѣетъ, чи ратью, или коимъ образомъ, *по силѣ* что почнетъ давати тѣмъ дани, а изъ того десятина святой Богородицѣ».

X.

Съ древнею *данію* и *путемъ* находится въ тѣсной связи такъ называемое *полюдье*.

Соберемъ прежде всѣ мѣста о полюдьѣ.

1125. В. К. Мстиславъ въ жалованной грамотѣ Юрьеву монастырю Новогородскому говоритъ: «а язъ далъ рукою своею и *осеньнее полюдіе даровьное* полътретіядесяте гривьнъ святому же Георгію» (т. е., полюдье, доставлявшее двадцать пять гривенъ). Изъ этихъ словъ мы должны заключить еще, что было полюдье весеннее: иначе зачѣмъ бы называть это осеннимъ?

1150. Сынъ его Ростиславъ, князь Смоленскій, въ грамотѣ объ учрежденіи епископіи въ Смоленскѣ, предоставляетъ ей «десятину истыхъ кунъ отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и *кромѣ полюдья*.» Значитъ: полюдье принадлежало къ числу постоянныхъ доходовъ княжескихъ.

Въ продолженіе этой грамоты полюдье встрѣчается еще два раза, гдѣ доходъ съ него предоставленъ однакожь епископу:

«На Копысѣ *полюдья* четыри гривны.

Въ Лучинѣ *полюдья*....гривны.»

1154. Въ *ЛВ.* на полѣ другою рукою написано, по извѣстію Строева *): «Родися у Юрья (Долгорукаго, Суздальскаго) сынъ Дмитрей, а онъ въ тѣ поры былъ на рѣкѣ на Яхромѣ *въ полодіи*, и заложи церковь и градъ....Дмитровъ».

Полодіи, безъ сомнѣнія, ошибка; надо читать: полюдіи.

1190. *Л.* «У Всеволода (Юрьевича, Суздальскаго)

*) СВ. I, с. 193. Карамзинъ, III, пр. 81, сообщаетъ также это извѣстіе. И Митрополитъ Евгеній въ объясненіи Мстиславовой грамоты думалъ такъ же.

родился сынъ, Февраля 8, тогда сущю князю великому въ Переяславли *въ полюдьи*.

— Ростову пришелъ (епископъ Іоаннъ) Февраля въ 25 день.... тогда сущю Великому Князю *въ полюдьи*».

«Что́ такое полюдье?» спрашиваетъ при этихъ мѣстахъ Карамзинъ (III, пр. 81). «Безъ сомнѣнія, не названіе мѣста, ибо относится здѣсь и къ Дмитрову, и къ Переяславлю, и къ Ростову. Оно значило, думаю, объѣздъ княжескій, то есть, когда государь, *для суда*, расправы и собранія даровъ, ѣздилъ по людямъ, или областямъ своего княженія».

Совершенно вѣроятное мнѣніе, которое принимаю, присоединяя отъ себя замѣчаніе, что такъ называемые *дары* должны въ этихъ объѣздахъ занимать первое мѣсто, судя по тому, что въ Мстиславовой грамотѣ (см. выше) полюдье именно носитъ на себѣ прозваніе *даровнаго*. Припомнимъ «даръ отъ Смолиньска», представленный великому князю Ярополку Володимеровичу, при вступленіи его на столъ великаго княженія Кіевскаго, въ 1133 году.

Въ грамотѣ Святославовой даръ отличается также отъ дани: «....у Чюдина полъсорочка, у Лигуя *съ даромъ* два, у Вавдита *съ даромъ* два.

Дары въ Монгольскомъ періодѣ встрѣчаются уже очень часто, какъ форма дани. «Даръ имати тебѣ отъ сихъ волостей», сказано въ древнѣйшей изъ сохранившихся грамотъ договорныхъ Новогородцевъ съ князьями, 1268 года.

Хотя дары, полюдья и дань составляли два побора разные, но они вѣроятно могли соединяться вмѣ-

стѣ, то есть, въ одинъ и тотъ же объѣздъ могла собираться дань, могли приниматься дары, равно какъ твориться судъ и правда.

XI.

Укажемъ теперь вкратцѣ на разбросанныя по вѣкамъ извѣстія о дани, membra disjecta, и представимъ наши указанія для легчайшаго обозрѣнія въ одной связи, а именно:

Несторово извѣстіе объ Игорѣ: пойдемъ, князь, въ *дань*, да и ты добудеши и мы.... *Похож у* и еще. 944, 950, 1067, 1071, 1096, 1125, 1133, 1137, 1139, 1149, 1150, 1154, 1158, 1169, 1190, ок. 1200, 1238, 1265, 1320: рядъ чиселъ, довольно безпрерывный!

Извѣстія о *дани* изъ Кіевской и Новгородской лѣтописей, 1073, 1096 г. и проч.

Осеннее *полюдье* Мстиславово, 1125 г. *).

Полюдья изъ грамоты Ростиславовой, 1150, и Суздальской лѣтописи, 1200 годовъ.

Мономаховы *пути*, 1096.

Даніилово позволеніе *походить*, 1230 г.

Данничь путь изъ грамоты 1340 г.

Пути и *дары* въ продолженіе Монгольскаго періода.

Обозрѣвъ эти извѣстія, согласимся, что древняя Русская исторія точно такъ же объясняется среднею,

---

*) Для сравненія: Константинъ Багрянородный: «Какъ наступитъ *ноябрь* мѣсяцъ, то Россійскіе князья, оставивъ со всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ, разъѣзжались по другимъ городамъ, которые назвались у нихъ гирами». 955. — Стурлезонъ: «всякую осень, въ сопровожденіи двора, *объѣзжалъ* свои владѣнія Атундъ князь» (равно какъ и прочіе князья).

и даже новою, какъ средняя древнею, и что всѣ учрежденія, подобно словамъ, измѣняются только въ формахъ, а источникъ ихъ скрывается въ глубокой древности, гдѣ находить его подъ разными слоями — наслажденіе историку, филологу и всякому мыслящему читателю.

